

КУЛЬТУРА КОРЕИ: традиции и современность

КУЛЬТУРА КОРЕИ

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

УЧЕБНОЕ ПОСОБИЕ

Министерство образования и науки Российской Федерации

Владивостокский государственный университет
экономики и сервиса (ВГУЭС)

КУЛЬТУРА КОРЕИ

ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Учебное пособие

Владивосток
Издательство ВГУЭС
2017

УДК 930.85(519)(075.8)
ББК 411(5Ко)я73
К90

Рецензенты: *Н.А. Коноплева*, д-р культурологии, профессор кафедры дизайна и технологий ИСМД (ВГУЭС);
А.Ф. Старцев, д-р ист. наук, заведующий отделом этнографии, этнологии и антропологии (ДВО РАН)

К90 **Культура Кореи: традиции и современность : учебное пособие / сост. И.Н. Толстых ; Владивостокский государственный университет экономики и сервиса. – Владивосток : Изд-во ВГУЭС, 2017. – 152 с.**

ISBN 978-5-9736-0407-3

Изложены истоки формирования корейской культуры, а также факторы, сыгравшие решающую роль в её развитии. Выявлена специфика исторических этапов становления корейской культуры, эстетических принципов и художественных стилей. В пособии дано представление о духовном мире корейской культуры, сформированном на стыке мифологического, религиозного и научного знания, а также показан синтез уникальной жизни, проявляющийся в таких искусствах, как архитектура, скульптура, литература, живопись, каллиграфия, музыка и хореография.

Для студентов, обучающихся по основной профессиональной образовательной программе 51.03.01 Культурология профиль «Управление в социокультурной сфере» (бакалавриат), может быть интересно студентам специальностей и направлений «Регионоведение», «Туризм» и обучающимся на дополнительных программах, а также тем, кто интересуется вопросами культуры стран Азиатско-Тихоокеанского региона.

УДК 930.85(519)(075.8)
ББК 411(5Ко)я73

© И.Н. Толстых, составление, 2017

ISBN 978-5-9736-0407-3

© ФГБОУ ВО «Владивостокский государственный университет экономики и сервиса», 2017

ВВЕДЕНИЕ

В современном мире все больший интерес вызывает история и культура стран Азиатско-Тихоокеанского региона, так как он является наиболее перспективным в экономическом и культурном отношении и на данный момент продолжает динамично развиваться.

Сотрудничество и взаимодействие со странами Азиатско-Тихоокеанского региона для нашей страны очень важны. Поэтому особую важность приобретают изучение истоков традиционной культурной жизни и постижение национальной культуры, образа жизни и мировосприятия азиатских стран. Среди этих государств заметную роль играет Южная Корея, которая в короткое время, всего лишь за три десятилетия, превратилась из бедной развивающейся страны в промышленную и торговую державу мирового уровня. Безусловно, культурологический интерес представляют и те процессы, которые протекают в Северной Корее.

Постижение глубин восточной мысли позволит представителям другой культуры проникнуть в специфику дальневосточного мироощущения, составить представление о своеобразии восточного образа мышления, корейской эстетической системы.

В учебном пособии освещены основные вопросы становления и развития культуры государств Корейского полуострова, дается характеристика зарождению корейской государственности и материальной культуры корейских союзов, начиная с эпохи палеолита, рассматриваются религиозно-философские учения, влиявшие на традиционное корейское общество и формировавшие менталитет жителей Корейского полуострова, анализируются этапы развития и основные черты таких составляющих материальной культуры, как архитектура, скульптура, живопись, литература, музыкальная и танцевальная культуры, декоративно-прикладное искусство.

При составлении пособия использовались научные труды известных ученых в области истории, культуры и искусства Кореи, а также ведущих отечественных корееведов. Следует отметить работы таких

авторов, как М.В. Воробьев «Очерки культуры Кореи», С.О. Курбанов «История Кореи с древности до начала XXI века», Л.А. Андропова «Культура Кореи (с древнейших времен до 1910 г.)», И.А. Толстокулаков «Очерк истории корейской культуры», Г.Н. Ким «Республика Корея», У Ген Ир «Введение в музыку стран Дальнего Востока: Китай, Корея, Япония», Ю.В. Ионова «Характерные черты одежды корейцев и некоторые вопросы её развития», Р.Ш. Джарлыгасинова «Корейские мифы о культурных героях», А.Н. Ланьков «Корея. Будни и праздники» и др.

Тема 1. ИСТОРИЯ КОРЕИ

1.1. Ранняя история Кореи

Период палеолита на Корейском полуострове имеет следующую периодизацию: ранний или нижний палеолит – 700 000–120 000 лет до н.э., средний палеолит – 120 000–50 000 лет до н.э., поздний, или верхний, палеолит – 50 000–10 000 лет до н.э.

Люди палеолита чаще всего жили в пещерах, но также строили жилища и на ровных местах (последнее более типично для среднего и верхнего палеолита). Так, например, на известной стоянке Сокчан-ни были обнаружены останки жилища, имевшего столбы, на которых покоилась крыша; в нем находился очаг. Жилище имело размеры приблизительно 7 на 7,5 м, и в нем могли проживать до 8 человек.

Социальная организация находилась на самом примитивном уровне. Низкая производительность труда не могла привести к социальному расслоению, поэтому в нижнем и среднем палеолите люди жили родами, организованными в праобщины. Ко времени верхнего палеолита появляются раннеродовые общины.

Занятие охотой и собирательством привело к появлению примитивных верований в животных и разного рода духов. Таким образом, возникло некое простейшее подобие религии – тотемизм, которое, очевидно, отразилось в дошедших до наших дней мифах о легендарных основателях государства Древний Чосон или Трех Государств (Когурё, Пэкче, Силла).

Время с VIII по VI тысячелетие до н.э. относится к совсем короткому периоду мезолита. Очевидно, он не имел большого значения для исторического развития Кореи, поскольку в специальной литературе этому периоду уделяется совсем мало внимания. Говорится главным образом о том, что, в отличие от палеолита, каменные орудия, изготавливавшиеся во времена мезолита, имели меньшие размеры. И это свидетельствовало о более совершенной технике обработки камня. В каче-

стве примера чаще всего упоминаются наконечники стрел [1. С. 33–34].

В неолитическую пору сложилось пять центров культуры Кореи, сохранивших свое доминирующее значение в ее культурной истории вплоть до эпохи раннего железа и в последующее время. Эти центры тесно связаны с долинами рек: крайний северо-восток страны – с бассейном Тумангана; район Пусана – с устьем Нактонгана; район Сеула – с низовьем Хангана; п-ов Хванхэ – с рядом мелких рек; район – Пхеньяна – с нижним течением Тэдонгана.

Неолитические стоянки Кореи относят к двум основным разновидностям – к стоянкам с раковинными кучами и к стоянкам на холмах. Первые были разбросаны по морскому побережью и в устьях рек; появились еще в раннем неолите, но дожили до железного века включительно. Вторые располагались на вершинах невысоких изолированных холмов, на террасах или склонах гор в непосредственной близости от низин; возникли в позднем неолите. Если первые связаны преимущественно с развитием морского и речного собирательства, то вторые свидетельствуют о появлении примитивного земледелия и оседлости.

На стоянках обоих типов можно заметить остатки землянок округлой, а иногда прямоугольной формы. В среднем насчитывается 3–7 жилищ на стоянку, хотя известны поселения и с сотнями землянок (о. Чходо). Как правило, чем моложе поселение, тем оно крупнее.

Обитатели таких стоянок вели присваивающее хозяйство. Охота, рыбная ловля, собирательство – и непременно в сочетании – обеспечивали неолитическому населению Кореи необходимый минимум продовольствия [3. С. 17].

Заметим, что по вопросу периодизации корейского неолита нет единого мнения. Южнокорейские ученые считают, что ранний неолит продолжался с VI до середины III тысячелетия до н.э., развитый (или средний) – с середины III до II тысячелетия до н.э., поздний со II по I тысячелетие до н.э. Северокорейские историки сокращают длительность неолита, относя образование государственности на Корейском полуострове уже ко II тысячелетию до н.э. Ранний неолит они датируют V–IV тысячелетиями до н.э., средний – III тысячелетием, поздний – III–II тысячелетиями до н.э. [1. С. 35].

Население Корейского полуострова эпохи раннего и развитого неолита, оставившее стоянки с раковинными кучами, использовало каменный и костяной инвентарь, а также керамику; и то и другое обладало определенным единообразием для ареала в целом [3. С. 17–18].

На Корейский полуостров культура бронзы пришла из Маньчжурии, где она сформировалась в качестве самостоятельной под воздействием ряда бронзовых культур Восточной Азии: Шаиньской культуры Китая, североитайской Ордосской, Карасукской культуры в Южной Сибири.

Наиболее характерными чертами, свойственными этой культуре, являются:

- 1) ритуальные бронзовые предметы;
- 2) предметы престижного пользования из яшмы;
- 3) гладкая керамика;
- 4) дольмены;
- 5) погребения в каменных ящиках.

Что касается типичных черт материальной культуры периода бронзы, то из бронзового инвентаря наиболее характерны некоторые виды церемониального вооружения. Прежде всего, это так называемые скрипкообразные мечи (с коротким, до 50 см, клинком, выпуклой нижней частью, выделяющимися выступами в середине, постепенно сужающимися к концу). Другими распространенными предметами были секиры, сходные с известными по уральским и южносибирским культурам (Андроновской и Карасукской). Известны также наконечники стрел с двумя жальцами, ножи, резцы, из предметов культурно-ритуального обихода – зеркала, колокольчики и др. На последнем этапе бронзовый инвентарь становится более разнообразным и встречается чаще, но к нему примешиваются изделия из железа [2. С. 19–20].

Большинство ученых считают, что изделия из бронзы вместе с технологией ее производства появились на Корейском полуострове около X в. до н.э. Эпоха бронзы продолжалась до IV в. до н.э., когда на смену ей пришел железный век. В Северной Корее до недавнего времени начало бронзового века датировалось V в. до н.э. Как и во времена неолита, земледельческие орудия труда были каменными. Из бронзы изготавливалось в основном оружие: мечи и наконечники для стрел, а также топоры.

Вместе с культурой бронзы на Корейском полуострове распространилась иная керамика. Как и в период позднего неолита, она была гладкой, главным образом красноватого цвета, но форма – волчкообразная с заостренным дном или невысокая, круглая, с плоским дном. Из оружия бронзового века особо выделяют кинжал (короткий меч) в форме лютни (иногда еще говорят «в форме скрипки») – пипха. Короткие мечи отличались от оружия, которое археологи находили на территории Древнего Китая, что позволяет говорить об особой протокорей-

ской культуре. Первоначально центром распространения мечей пипха были район современной китайской провинции Ляонин, полуостров Ляодун и Южная Маньчжурия. Позднее такие мечи появились и на самом Корейском полуострове.

Таким образом, в бронзовом веке проходил еще один процесс миграции населения с севера на территорию Корейского полуострова. Переселенцы принесли с собой новую керамику, новое оружие и новые производственные достижения. Из особых изделий материальной культуры корейской эпохи бронзы также выделяют бронзовые зеркала с грубыми пупырчатыми узорами на тыльной стороне. Подобные зеркала обнаружены только в районе Корейского полуострова и в Маньчжурии. Носителями новой культуры переселенцев считают племена елок, этническую принадлежность которых определяют как алтайскую [1. С. 38–39].

Железные изделия появляются довольно рано и сопутствуют периоду поздней бронзы. Прежде всего из железа стало изготавливаться оружие, затем предметы конской упряжи. Железные предметы в погребениях сопутствуют гладкой черной керамике с высокой шейкой и отогнутым венчиком, лаковой утвари, полированным каменным орудиям [2. С. 21].

Начало железного века датируется на Корейском полуострове IV в. до н.э. Однако на протяжении первых трех столетий после начала распространения на полуострове железные изделия еще не вытеснили бронзовых. Господство железа наступило лишь с I в. до н.э. При этом, в отличие от бронзового века, из железа делали не только оружие, но и орудия труда для земледелия: железные серпы, наконечники мотыг и плуги.

Культура железа пришла в Корею из Китая и распространялась через бассейны рек Амноккан, Чхончхонган, Тэдонган и далее – на юг. Одновременно с приходом культуры железа отмечено циркулирование монет древнекитайского княжества Янь на севере Корейского полуострова. Из предметов материальной культуры для того времени характерны тонкие кинжалы се, металлические зеркала с тонкими узорами на тыльной стороне и гладкая керамика.

Как пишут многие корейские исследователи, китайская культура железа, распространившись на Корейском полуострове, ассимилировалась с местной культурой и дала толчок к возникновению особой культуры Корейского полуострова [1. С. 39–40].

1.1.1. Государство Древний Чосон

Датировки Древнего Чосона весьма условны, по легендарной версии это период 2333–108 гг. до н.э.; из китайских летописей известна его политическая история с 1122–1121 гг. до н.э. Китайская версия

в корне противоречит корейской мифологической линии, по которой основателем Древнего Чосона и прародителем всех корейцев является Тангун.

Кроме разногласий по поводу происхождения данного протогосударственного образования и принадлежности китайской или корейской истории, науке не известны опорные, типичные памятники его культуры.

Древний Чосон можно оценить как первый в истории региона и корейского народа сначала военный, а затем политический союз родственных племен, на последней стадии которого возникают элементы государственности [4. С. 16].

Большинство историков склоняются к тому, что образование государства Древний Чосон произошло лишь в I тысячелетии до н.э. В конце 1990-х годов южнокорейская историография датировала время формирования государства V–IV вв. до н.э., российские же историки относят его к рубежу VIII–VII вв. до н.э. и позже. Даже в КНДР до 1993 г. признавалось, что население, на основе культуры которого строилось государство Чосон, этнически оформилось ко II тысячелетию до н.э., а о государственности можно говорить лишь с первой половины I тысячелетия до н.э., о чем свидетельствуют археологические находки и данные китайских историописаний.

Легендарный период Древнего Чосона называется «Чосон Кичжа» и датируется 1122–195 гг. до н.э. Он связан с легендой, отголоски которой присутствуют в мифе о Тангуне: правитель китайской династии Чжоу (1122–247 гг. до н.э.) У-ван (1121–1116 гг. до н.э.) отдал Чосон в удел некоему Кичжа [1. С. 41–43].

Период «Чосон Ви Мана» датируется 194–108 гг. до н.э. С наступлением данного этапа связаны следующие события. В 195 г. до н.э. выходец из китайского княжества Янь – Вэй Мань (в современном корейском прочтении иероглифов имя звучит как Ви Ман) вместе с 1000 человек своих людей перешел на службу к древнеchosонскому правителю Чун-вану. В 194 г. до н.э. вместе с другими выходцами из китайских княжеств Вэй Мань захватил власть, после чего он, его сыновья и внуки правили в Древнем Чосоне до тех пор, пока император уже объединенного Китая новой династии Хань (206 г. до н.э. – 220 г. н.э.) У-ди (140–87 гг. до н.э.) не отправил в 109 г. до н.э. в Древний Чосон войска: 50000 человек по суше и 7000 – по морю. В результате в 108 г. до н.э. Древний Чосон пал, а на его месте были образованы четыре китайских округа: Чженьфань (корейское прочтение – Чинбон), Линьтунь (Имдун), Сюаньту (Хэнтхо) и Лэлан [Лаолан] (Наннан). На этом заканчивается история государства Древний Чосон [1. С. 45–46].

1.1.2. Чингук и Три Хан: Махан, Пёнхан, Чинхан

Историки Северной Кореи уделяют Чингук гораздо больше внимания. Трудно сказать, насколько их позиция является обоснованной, но она достаточно любопытна и с нею стоит познакомиться.

В КНДР считают, что Чингук было государством и образовалось в IV в. до н.э. В китайском сочинении IV–V вв. «История поздней династии Хань» (Хоу хань шу) северокаорейские ученые находят свидетельства того, что Чингук занимало огромную территорию юга Корейского полуострова – территорию, которую в дальнейшем займут все три протогосударства Махан, Пёнхан и Чинхан. Чингук сосуществовало вместе с Древним Чосоном и, возможно, имело с ним какие-то отношения. У Чингук была своя столица – город Вольчжигук [1. С. 53].

Географически положение объединений Махан и Чинхан определялось границей по р. Унчхон, к югу от которой находились общины махан, а к северу от нее – общины чинхан. Такое расположение подтверждается еще и тем, что по сравнению с чинханскими маханские и пёнджинские общины состояли из более ранних пришельцев с севера и поэтому расположились к югу от чинханцев, которые позднее поселились севернее, на землях, первоначально входивших в маханские владения. «Люди Пёнджина жили вперемешку с людьми Чинхана», – утверждали китайские авторы; поэтому половину пёнджинских общин они относили к чинханским [3. С. 39].

1.1.3. Формирование Трех Государств: Когурё, Пэкче и Силла в I–IV веках

Когурё было особым государством среди Трех Государств, поскольку в его состав вошли территория, а вместе с ней была воспринята и культура китайского округа Наннан (313 г.), а затем протогосударства Пуё (494 г.). Округ Наннан с китайским населением и высокоразвитой культурой сыграл огромную роль в становлении культуры Когурё.

До начала IV в. не только в культурном, но и территориальном плане Когурё было небольшим протогосударственным образованием в среднем течении реки Амноккан. С севера оно было ограничено протогосударством Пуё, а с юга – китайским округом Наннан. Этнической основой Когурё были племена мэк. В дальнейшем были присоединены племена окчо, пуё и др.

Мифическим основателем Когурё считается государь Чумон. Чумон – личное имя, в переводе на русский язык означает «Меткий лучник». Храмовое имя Чумона – Тонмён-еаи, т.е. «Светлый государь Востока».

ка». Слово «Восток» в данном случае обозначает Корею, поскольку она находится к востоку от Серединой Империи – Китая [1. С. 56].

С первых веков своего существования Когурё не избежало столкновений с ближайшими соседями – Китаем и Пуё. Например, в 28 г. ханьский (китайский) наместник Ляодуна напал на Когурё. В 121 г. когурёский Тхэчжо-ван напал на Ляодун и китайский округ Хёнтхо. В 172 г. в правление государя Синдэ-вана имело место вторжение китайских войск в Когурё и т.д.

Конец II в. н.э. является тем рубежом, когда уже однозначно можно говорить о начале формирования государственности в современном понимании этого термина, что связано с рядом важнейших изменений в административном устройстве Когурё. Пять бу были переименованы и получили названия в зависимости от сторон света (в отличие от прежних названий родоплеменных объединений). Так, Керубу стал называться Нэбу – «Внутреннее бу» (или Хванбу – «Желтое бу»), Чоллобу – Пукну, т.е. «Северное бу» (или Хубу – «Заднее бу»), Сун-нобу – Тонбу, т.е. «Восточное бу» (или Чвабу – «Левое бу»), Кван-нобу – Намбу, т.е. «Южное бу» (или Чонбу – «Переднее бу»), Соно-бу – Собу, т.е. «Западное бу» (или Убу – «Правое бу»). Указанный факт переименования, скорее всего, связан с объединительными процессами, происходившими в Когурё, когда родоплеменные различия стирались и все население становилось более или менее однородным.

Именно в IV в. в Когурё окончательно утвердилось конфуцианство и была основана придворная конфуцианская академия. Конфуцианство служило идейной основой теории государственного управления в Корее.

К V в. Когурё не только окончательно оформилось как государство, занимавшее весь север Корейского полуострова, но и имело развитый аппарат власти, армию, сложившиеся классовые отношения.

Государство Пэкче формировалось в бассейне реки Ханган. Сначала Пэкче было одним из сильных протогосударственных объединений гук в составе протогосударства Махан. Правда, тогда первый слог названия Пэк записывался другим иероглифом, но это совсем не означает, что речь идет о каком-то другом Пэкче. На ранних этапах использования китайских иероглифов для записи корейских слов иероглифы могли употребляться для передачи фонетического звучания корейского слова независимо от значения [1. С. 57–58].

Пэкче переводится как «сто перешедших», т.е. «все переселенцы». В Древней Корее «сто» могло обозначать «все», «всё». Центр новорожденного Пэкче был перенесен на южный берег р. Ханган, в крепость, названную Южный Виресон. Традиционная хронология относит осно-

вание Пэкче к 18 г. до н.э. В ходе войн Пэкче к началу III в. сумело утвердить свою гегемонию над районом современной пров. Кёнги, сплотив мелкие вожества этого района в достаточно сильную протогосударственную структуру [5. С. 87].

Вскоре, к концу III в., пэкчесцы сумели подчинить себе главного соперника в борьбе за гегемонию над северомаханскими землями – вожество Макчи. Тем самым территория Пэкче расширилась, включив теперь большую часть современных провинций Кёнги и Чхунчхон, т.е. весь северный и центральный Махан [5. С. 89].

Историю формирования королевства Силла принято делить на три основных периода, которые связывают с изменением названия, а вместе с ним и функций главы государства.

Первый период, длившийся до конца I в. до н.э. (начало точно определить не представляется возможным), называется периодом косоган и чхачхаун. Первые правители Силла – Хёккосе (57–3 гг. до н.э.), Намхэ (4–23 гг. н.э.) именовались не ванами, а косоганами. В дальнейшем всем силласким государям, за исключением Хёккосе, средневековая корейская историография приписала титул еан, что должно было указывать на легитимность и высокий статус их власти. Однако первые правители Силла не были ванами.

Титулы косоган и чхачхаун на начальном этапе формирования Силла нередко применялись по отношению к одному лицу. Это означало, что глава рода мог одновременно быть военным руководителем и выступать «религиозным» лидером. При этом немало ученых считают, что во II–I вв. до н.э. население бывшего Чинхан с центром в Саро (Кёнчжуской равнине) еще не достигло такого уровня консолидации в политическом и военном отношении, чтобы можно было говорить о государстве. Особую роль в процессе формирования государства тогда играли всевозможные церемониалы жертвоприношений, важнейшими из которых были жертвоприношения духам предков.

Следует отметить, что и в современной Корее, как в Южной, так и Северной, ежегодные церемониалы жертвоприношений духам предков в семейном и общегосударственном масштабах не потеряли своей актуальности.

В первый период социально-экономической формой организации населения была сельская община.

Второй период формирования Силла именуется периодом нисагым. Он начался в конце I в. до н.э. и продолжался до IV в. н. э. Нисагым – новое название правителей союза Саро, указывавшее на его особый статус как главы союза родоплеменных протогосударственных

объединений. Наряду с новым титулом нисагым правители остальных протогосударств союза Саро продолжали называться косоганями.

Для установившейся монархической власти в Корее (как и на всем Дальнем Востоке) было характерно представление о небесном происхождении рода государя или его особой близости к Небу, что автоматически подразумевало передачу власти по наследству.

Третий период формирования Силла, длившийся с конца IV до начала VI в., называют периодом марипкан. Марипкан – это еще одно название главы союза Саро. Этимологически слово марипкан связано со словами косоган или кан, указывавшими на глав союзов племен. Марип обозначает «великий» и свидетельствует об очередном повышении статуса верховного правителя.

Этот период истории Силла характеризуется переходом власти к роду Ким в правление Нэмуль-вана (356–402) и окончательным укреплением передачи власти от отца к сыну, произошедшим в правление Нульжи-вана (417–458). В столицу Силла (нынешний город Кёнчжу) со всей территории страны поставлялись продовольствие, самые разнообразные материальные ценности, рабы. Силлаские правители все более и более богатели, что очень хорошо можно проследить по королевским гробницам в Кёнчжу: чем позже построена гробница, тем больше она по размеру и тем богаче погребальная утварь.

С начала VI в. название государства Саро было заменено на Силла, а силлаские государи стали именоваться ванами. В начале VI в. в Силла были установлены 17 должностных рангов, что свидетельствовало о создании более сложного государственного аппарата. Тогда же в Силла стал проникать буддизм. Что касается конфуцианства и его влияния в раннем Силла, то в исторической литературе этой проблеме почти не уделяется особого внимания. Однако поскольку и в самом Китае, и в сопредельных странах, например в Когурё и Пэкче, конфуцианство служило идейной основой формирования идеологии государственного управления, можно предположить, что и Силла, воспринявшее китайскую иероглифическую письменность, в известной степени также не избежало влияния конфуцианства [1. С. 60–63].

1.2. История Кореи в Средние века

Этот период истории Кореи очень важен: впервые вся территория Корейского полуострова оказалась объединенной под властью одного правящего дома. Корея окончательно стала единой. Именно в период Корё страна стала известна Западу. Слово «Корея» как раз и происхо-

дит от названия государства – «Корё». Именно в период правления династии Ванов начали производиться предметы, прославившие культуру Кореи на Дальнем Востоке: характерные светло-зеленые глазурированные керамические изделия, получившие название «селадон».

Культура эпохи Корё имеет ряд специфических особенностей, которые до сих пор не получили какого-либо разъяснения. Считается, что государственной религией Корё был буддизм. Однако в расположенных на юго-западе Корейского полуострова буддийских монастырях – Унчжуса («Монастырь Облачной Лодки»), Мирькса («Монастырь Будды Майтрейи»), Кымсанса («Монастырь Золотых Гор») – можно обнаружить ряд удивительных корёских сооружений из камня, аналогов которым нельзя встретить ни в более ранний период Трех Государств, ни в более поздний период династии Ли (1392–1910). Это плоские, похожие на идолов-хранителей деревни каменные изваяния Будд, каменные пагоды с ярусами в форме шаров или дисков. Известно, что идолы и идолопоклонничество несовместимы с буддизмом, а традиционные каменные пагоды имели ярусы в форме четырехскатной (четырёхугольной) крыши.

В то же время в общепринятой схеме изложения истории Корё нет ничего загадочного или фантастического. Главным источником сведений о Коре являются исторические сочинения, составленные в первые десятилетия после установления новой династии Ли, а именно: «Корёса» – «История Корё» и «Корёса чорё» – «Краткое изложение основного в истории Корё». Первое сочинение было завершено к 1451 г., второе – к 1452 г. Оба составлялись при королевском дворе в особом историческом ведомстве Чхунчхугван, поэтому отражали официальную позицию на историю предшествовавшей династии. Понятно, что ее последние годы должны были предстать кризисными, что объясняло смену одной династии другой. К тому же в начале правления династии Ли усиливалось влияние конфуцианства, которое не уделяет большого внимания «чудесам». Поэтому в «Корёса» и «Корёса чорё» описания «фантастических» и удивительных событий и явлений встречаются достаточно редко, что отразилось на характере современной историографии Корё. Государство Корё зародилось в недрах Поздних Трех Государств [1. С. 113].

1.2.1. Корея в XV – начале XVI века: формирование государства Чосон раннего периода

В южнокорейской историографии XV–XVI вв. принято называть «ранним периодом Чосон». К «позднему периоду» государства Чосон относят XVII–XIX вв.

Ранний Чосон можно характеризовать как «продвинутое средневековое общество» – позднесредневековую бюрократическую монархию, постепенно создающую предпосылки для перехода, в последующие столетия, к следующим этапам исторического развития [5. С. 290].

Чосон конца XV в. страдал от серьезных социально-экономических проблем. Коренились они, прежде всего, в долговременном хозяйничанье при дворе клик «заслуженных сановников», обладавших, несмотря на всю бюрократическую рационализацию второй половины XV века, достаточными возможностями для того, чтобы ставить государственный аппарат на службу семейным и клановым интересам [5. С. 300].

1.3. История Кореи в Новое время

В современной историографии в большинстве случаев XVII в. определяется как начало новой истории Кореи.

В отечественной исторической литературе отсчет нового времени в Корее ведется с XVII столетия. Каких-либо особых дискуссий по этому поводу нет, несмотря на то что в начале 1970-х годов отдельные авторы относили время вплоть до середины XIX в. к «позднему феодализму».

В корейской исторической науке подход к периодизации новой истории Кореи более сложен. В Южной Корее время от начала XVII столетия до 1860-х годов называют периодом «перехода к обществу нового времени». Между тем популярные справочные издания середины 1990-х годов относят это время все еще к периоду Средневековья. Аналогичен и северокорейский подход к периодизации новой истории Кореи: с одной стороны, время до середины XIX столетия историки КНДР относят к Средневековью, а с другой – они отмечают в Корее XVII–XVIII вв. развитие товарно-денежных отношений и зарождение капитализма.

Относительно верхнего рубежа новой истории Кореи в мировой историографии единого мнения нет. В отечественной исторической науке до сих пор новейшую историю Кореи начинают с 1917 г. В Северной Корее рубежом нового и новейшего времени определяют начало антияпонской революционной деятельности Ким Ирсена, т.е. 1910–1920-е годы. В Южной Корее за точку отсчета новейшей истории принимают 1945 г. – год одновременно счастливый и трагический. Счастливый – потому что Корея обрела независимость от японского колониального господства, а трагический – потому что в этот год она оказа-

лась разделенной на северную и южную части, в которых впоследствии образовались два самостоятельных государства.

Важнейшим изменением в сфере хозяйственной жизни Кореи XVII–XVIII вв., оказавшим огромное воздействие на многие сферы общественной и экономической жизни страны, стал переход к новой агротехнике. С XVII в. рис уже не высевали семенами, а стали высаживать рассадой, которую, в свою очередь, заранее выращивали на особо отведенных участках. Это, с одной стороны, давало возможность раньше приступать к ведению сельскохозяйственных работ, а с другой – обеспечивало более высокий уровень всхожести посадок. В результате произошло значительное повышение урожайности этой культуры.

О таком агротехническом новшестве корейцам стало известно еще в XV в. Однако повсеместный переход на высадку рисовой рассады произошел именно в XVII столетии. Возможно, одной из причин этого была тяжелая экономическая ситуация, сложившаяся в Корее после двух разрушительных войн с японцами и маньчжурами, которая требовала более эффективных методов для ее скорейшего восстановления.

Начиная с XVII столетия корейцы стали активно выращивать новые виды сельскохозяйственных культур, попавших в Корею из Европы и Америки через Японию или Китай. В 1763 г. в Корею был ввезен батат, в 1824 г. – картофель. Батат выращивали в основном в южных провинциях, а картофель в северных. Среди ввезенных в Корею культур можно также назвать такие распространенные в современном рационе корейца овощи, как перец и тыква. Выращивание новых сельскохозяйственных культур позволило увеличить площадь реальных сельскохозяйственных угодий за счет вовлечения в оборот склонов холмов и гор, не пригодных для выращивания риса и занимающих значительную часть площади Корейского полуострова [1. С. 193–194].

Рост городов и расширение сельскохозяйственного производства увеличили спрос на продукцию ремесла. Значительно выросло число ремесленников, увеличился ассортимент изделий. В XVII–XVIII вв. в Корее получили большое распространение изделия из металла, особенно посуда. Именно в это время наметилось серьезное изменение процесса их производства: применявшаяся прежде кузнечнаяковка постепенно уступала место более совершенному методу – отливке с последующей обработкой на простейших станках.

Самым массовым видом ремесла оставалась выработка тканей. Техника ее существенно не изменилась, но если раньше высшие сорта шелковых тканей производились только из нитей, купленных в Китае,

то в конце XVIII в. шелкоткачество в Корее смогло перейти на отечественное сырье [3. С. 260–261].

Социальное расслоение в Корее XVII–XVIII вв. происходило путем формирования трех основных новых групп населения: крупных землевладельцев (чичжу), крестьян, имеющих землю (чонхо), и безземельных крестьян-арендаторов (мучжонхо).

Важнейшим корейским сословием XVII–XVIII вв. становились крупные частные землевладельцы. Откуда они появлялись? Во-первых, многие янбане сохраняли прежние экономические позиции. Во-вторых, этому способствовала государственная политика предоставления права собственности на разрабатываемые пустоши и заброшенные поля. В-третьих, рост производительности труда в сельском хозяйстве и развитии внутреннего рынка позволяли части крестьян становиться богаче и приобретать в собственность все больше полей [1. С. 199].

Поворотным моментом на пути закабаления Кореи явилась Русско-японская война 1904–1905 гг., разрешившая противостояние России и Японии на Дальнем Востоке в пользу последней.

С середины 1898 г. российское влияние в Корее стало несколько ослабевать. Однако это совсем не означало потери российского интереса к этому региону. В 1900 г. в Сеуле была открыта российская духовная миссия, решение об учреждении которой Святейший Синод принял в июле 1897 г. (Духовная миссия не закрылась и после Октября 1917 г., посеяв семена православия, исповедуемого в Южной Корее и по сей день). В июне 1900 г. в Санкт-Петербург прибыла первая постоянная корейская дипломатическая миссия во главе с членом «прорусской группировки» корейского Императорского двора – Ли Бомчжином (1853–1911).

Несмотря на то, что попытки России построить телеграфную линию на северо-востоке Кореи закончились в 1901 г. неудачно из-за противодействия Японии, России удалось приобрести весьма выгодные концессии на вырубку лесов в бассейне реки Амноккан. В частности, в 1901 г. была основана Восточно-Азиатская промышленная компания во главе с А.М. Безобразовым, промышленником, приближенным к правительственным кругам России [1. С. 251].

В течение всего 1910 г. прояпонски настроенные корейские министры во главе с премьером Ли Ванъёном, а также члены прояпонского общества Ильчинхве активно вели пропаганду «полезности» для Кореи «воссоединения» с Японией и не раз направляли японскому Императору письма с соответствующими «прошениями».

В августе 1910 г. японский генеральный резидент Тэраути предъявил Ли Ванъёну требование заключить договор о «слиянии». После специального совещания членов правительства при участии и «с согласия» Императора Сунчжона 22 августа 1910 г. премьер Ли Ванъён подписал «Корейско-японский договор о соединении» (Хан-иль хап-пан), который в отечественной литературе принято называть «договором об аннексии», что верно отражает его сущность. Договор был опубликован только 29 августа 1910 г.

На этом деюре временно закончилась многотысячелетняя история Кореи как независимого государства. Все международные договоры, заключенные Кореей ранее, были аннулированы. Прекратилось издание книг и газет на корейском языке. Вся власть над корейскими территориями была передана японскому генерал-губернатору. При генерал-губернаторе, правда, оставался Центральный совет, в состав которого входили корейцы. Однако это был, скорее, некий «декоративный» орган при аппарате генерал-губернатора, который к тому же возглавлялся японцами.

Вскоре гордое имперское название Кореи – «Великая Хан» было снова заменено на старое «Чосон» – «Страна Утренней Свежести», с которым связывалось ее подчиненное по отношению к внешнему миру положение [1. С. 256].

1.4. История Кореи во второй половине XX века

Для того чтобы освободить Корею от японского колониального господства, требовалось решить две большие задачи: 1) выдворить японские войска и колониальную администрацию с территории самой Кореи, а также с прилегающей к ней территории Китая; 2) разгромить империалистическую Японию.

США, вступившие в войну с Японией еще в 1941 г., очевидно, считали своей основной миссией выполнение второй задачи. Перелом в пользу США в Тихоокеанской войне произошел в мае 1943 г. с началом военной операции на Алеутских островах. Однако боевые действия войск США на суше были не такими успешными, как на море или в воздухе. Американским войскам понадобилось целых 10 месяцев для того, чтобы в июле 1945 г. освободить Филиппины. Разгром Японии без участия соседнего СССР, имевшего колоссальный опыт ведения боевых операций на суше, представлялся невозможным.

«Общий военный и военно-морской приказ № 1», подготовленный американским командованием 15 августа 1945 года, согласованный

с правительствами СССР и Великобритании и изданный 2 сентября, определял 38-ю параллель на Корейском полуострове как линию разграничения принятия капитуляции японских войск войсками СССР и США.

Корея была освобождена. В кровопролитных боях 25-я армия понесла большие потери: ее общие потери на Дальнем Востоке составили 4717 человек, из них около 1500 – убитыми. 15 августа считается в Корее Днем освобождения. В Северной Корее, несмотря на желание особо отметить заслуги Ким Ирсена в освобождении страны, знают и ценят роль советского народа в избавлении от японского колониального режима. В центральном парке Пхеньяна на горе Моранбон стоит памятник советским воинам, отдавшим свои жизни за освобождение Кореи, за которым жители города заботливо ухаживают и по сей день. Он носит название «Монумент освобождения» (Хэбантхап) [1. С. 296–297].

В Южной Корее после капитуляции Японии при аппарате японского генерал-губернатора, еще до высадки американских войск, был создан особый комитет для организации возвращения на родину японских граждан, проживавших в Корее. В число лидеров этого комитета входили Ё Унхён (1886–1947), в 1944 г. создавший подпольную Лигу построения государства, и Сон Чжину (1889–1945), более 30 лет возглавлявший влиятельнейшую корейскую газету «Тона ильбо». Занимаясь своими непосредственными обязанностями в комитете, они сразу же приступили к обсуждению проекта образования будущего независимого корейского государства. Однако уже с первых шагов их пути разошлись.

С другой стороны, и в Северной Корее политические движения, возникшие после освобождения страны, не были однородными. Несмотря на доминирование там представителей левых, некоторое время в северной части Корейского полуострова активно проявляли себя так называемые «демократические силы» во главе с Чо Мансиком. Чо Мансик – известный борец за независимость Кореи, выходец из провинции Южная Пхёнан, был активистом протестантской церкви в Пхеньяне. С 1932 г. он стал директором корейской газеты «Чосон ильбо».

К моменту освобождения Кореи Чо Мансик находился в северной части страны. В первые дни после освобождения он создал Комитет подготовки воссоздания государства и Народный политический комитет провинции Южная Пхёнан. Поначалу советское военное командование сотрудничало с Чо Мансиком, который встал во главе корейской

администрации провинции Южная Пхёнан. Позже он возглавил Народный комитет пяти провинций Северной Кореи и вместе с коммунистами способствовал активизации деятельности народных комитетов в Северной Корее. В ноябре 1945 г. Чо Мансик создал Демократическую партию Кореи (Чосон минчжудан), однако с конца 1945 г. был вынужден уйти с политической арены, поскольку попытался развернуть движение, направленное против опеки союзных держав над Кореей. Несмотря на ухудшение отношений с советской военной администрацией, Чо Мансик не перешел на Юг, а остался в Северной Корее, что в дальнейшем трагически сказалось на его судьбе.

Недолгий период с 1948 по 1950 г. имеет важнейшее значение для всей последующей истории Кореи. 1948 год оказался очень тяжелым для многих корейцев. Трудно было поверить в то, что нация, составлявшая одно целое на протяжении более чем тысячи лет, оказалась разделенной на два враждебных государства. Многие считали, что такое разделение произошло исключительно из-за «вмешательства» внешних сил и что оно временное. В 1948 г. из Кореи были выведены советские войска, а в 1949 г. – американские. На какое-то время два корейских государства оказались свободными от прямого давления извне и, казалось, могли разрешить проблему разделения страны, пока еще совсем непродолжительного.

Однако три года самостоятельного развития КНДР и Республики Корея лишь углубили раскол страны и привели к Корейской войне.

С провозглашением 15 августа 1948 г. Республики Корея в истории Южной Кореи начался период правления президента Ли Сынмана (1875–1965), период, который получил название «Первая Республика» (1948–1960). Не только в отечественной или зарубежной, что вполне естественно, но и в южнокорейской историографии политика Ли Сынмана оценивается критически. И это понятно: впоследствии он лишился своей власти в результате акции протеста всего южнокорейского народа, которая переросла в «Апрельскую революцию» 1960 г. [1. С. 302–309].

Корейская война 1950–1953 гг. стала самым трагическим событием истории Кореи второй половины XX столетия. Эта война окончательно закрепила разделение Кореи на два враждебных государства, которое так и не удалось преодолеть на протяжении последующих пяти десятилетий. В историографии различных стран мира эта война именуется по-разному. В советской литературе она называется Отечественной освободительной войной корейского народа; в северокорейской историографии – просто Отечественной освободительной войной. Оба

названия отражают позицию советских и северокорейских историков, заключающуюся в том, что война была вызвана агрессией с Юга и направлена на ее отражение, а значит, была справедливой. В Южной Корее ее определяют как «Война 6-25», т.е. война, начавшаяся 25 июня 1950 г. В таком варианте названия нет особой смысловой нагрузки. В западной историографии войну также именуют достаточно нейтрально – «Корейская война». Иногда подобному варианту названия следует и южнокорейская историография [1. С. 314].

Литература по теме

1. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009.
2. История Кореи. Новое прочтение / под ред. А.В. Торкунова. – М., 2003.
3. Гафуров Б.Г. История Кореи. – М.: Наука, 1974. Т. 1.
4. Тихонов В.М., Кан М. История Кореи: в 2 т. – М.: Наталис, 2011.
5. Культура Кореи: учеб. пособие. Ч. 1 (с древнейших времен до 1910 г.) / сост. Л. А. Андропова; Томск. политех. ун-т. – Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2014. – 139 с.
6. Тихонов В.М., Кан Мангиль. История Кореи: в 2 т. Т. 1: С древнейших времен до 1904 г. – М.: Наталис, 2011.
7. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры: учеб. пособие. – Владивосток, 2002.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте ранние корейские государства.
2. Характеристика государства Корё.
3. Освобождение Кореи от японской оккупации.
4. В какой период Корея разделилась на два государства?
5. Корейская война 1950–1953 гг.

Темы для рефератов

1. История первых государств в Корее.
2. Корея в период японской оккупации.
3. Развитие культуры в эпоху Трёх Государств.
4. Корея во второй половине XX века.

Тема 2. МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ КОРЕЙЦЕВ

2.1. Ранние формы верований

Первобытные люди, жившие на территории Кореи, с большим почтением и интересом относились к окружающим их предметам, считая, что у каждого из них, так же как и у человека, есть душа. Постепенно первобытные семьи расширялись, образуя кланы и племена. Испытывая интерес к окружающему миру, члены племени пытались понять его и, по возможности, достичь с ним согласия. Именно тогда возникла вера в силы природы, в то, что все живое и неживое на земле населяют могущественные духи. Племенными ритуалами руководили вожди, однако в южной части Кореи у племен *сам хан*, т.е. трех племен *хан*, были специальные люди, которые выполняли эти функции. С перерастанием племенных союзов в государства в каждом из них возникла необходимость в такой культовой системе, которая могла бы объединить многочисленные составляющие его общины. Так возник культ Основателя. Принимая власть, вождь или правитель посещал алтарь Основателя и совершал жертвоприношения. Затем эти особые алтари преобразовали в храмы. Некоторые из них были посвящены предкам, первым правителям, другие – *сачжикам*, духам земли и урожая. Уже в государстве Чосон ван-основатель Тхэчжо создал в 1394 г. алтарь особого рода, *сачжик-пан*, в честь духов земли и урожая, где четыре раза в год совершались моления и жертвоприношения [1. С. 163].

В Корею существует миф об образовании Корейского государства, который вобрал в себя религиозные культы Неба и Медведя. Медведь издревле являлся тотемным животным для многих первобытных племен. Согласно этому мифу, сын Неба Хванун, вняв мольбам медведицы и тигра и подвергнув их испытаниям, дал человеческий образ медведице. Впоследствии женщина-медведица и сын Неба Хванун стали

мужем и женой и их сын Тангун Ванг в 2333 г. до н.э. основал первое государство Ко Чосон на Корейском полуострове [10. С. 9].

Тангун Ванг – воплощение Неба и священного животного на земле, считается отцом, великим учителем, законодателем и правителем корейского народа. Для того чтобы привить и распространить поклонение культу Хвануна (или Ханыля), Тангун установил ритуалы воздания молитв и умилоствления Неба. Когда к I в. до н.э. на Корейском полуострове было уже три государства: Когурё, Пэкче и Силла, религиозные ритуалы, распространенные в этих государствах, включали и церемонию умилоствления Неба, после завершения которой люди всю ночь проводили в танцах. Племенными ритуалами руководили вожди, считавшиеся посланцами небесного императора [10. С. 147–149]. Только к XV в. этот древнейший культ практически исчез под влиянием других религий.

Почитание стихий отражено и в национальном флаге Кореи. Круг в середине флага окружают четыре триграммы, по одной в каждом углу. Каждая из них символизирует одну из четырех стихий: небо, землю, огонь и воду.

Если Небо подарило корейцам их отца и учителя Тангуна, то Земля – кормилица, обласканная человеческими руками, рождает свою поэтику почитания. Сонан – воплощение божества земли, материализованного в виде груды камней. Его дух Сонандан объединил всех земледельцев; каждый проходящий был обязан положить свой камень в общую кучу.

Во время религиозного праздника мучонг, который отмечается и сегодня («танец небу»), жители Восточного Юи на северо-востоке Кореи поклонялись владыке Неба с песнями и танцами. Те ранние корейцы, которые жили в период трёх династий Хан (Чинхан, Махан и Пьонхан), появившихся в южных регионах полуострова в III–IV вв. до н.э., верили в то, что они получают благословение, когда призывают духов Неба и Земли. Различные китайские источники, такие, как «История Вей», часть «Истории Трёх Государств», составленные к концу III в. н.э., утверждают, что пение и танцы необходимы в проведении весенних праздников, посвящённых прошению богатого урожая, и осенних – благодарение за этот урожай. Эти источники говорят о том, что в пятый лунный месяц, когда завершалась посадка семян, люди пели, танцевали и пили вино весь день и ночь напролёт. Во время танца несколько человек выстраивались в круг и, следуя за вожаком, поднимали, опускали руки, топтали ногами по земле в такт музыке, пробуждая милость земных и небесных духов [11. С. 22].

В корейской мифологии вода (Мул) опосредованно является основополагающим элементом в создании цивилизации и становлении государства. Родоначальницей всех цариц и цариц-матерей является богиня воды Мульхальми. Перед каждым обрядом задействованные в нём люди обязательно проводят очистительный ритуал водой. Вера в очистительную силу воды как одного из важнейших элементов мироздания и сегодня находит своё отражение во многих ритуалах и празднествах.

Традиционно корейцы воспринимают огонь двояко, что обусловлено духовными и утилитарными понятиями: 1) огонь как грозная и опасная стихия, неподвластная человеку; как магическая, целительная и очищающая; 2) огонь как оружие в борьбе с хищниками и знак домашнего очага – символ и покровитель семьи. Ёндыньхве – ярчайший из праздников, воспоённый культом почитания огня. Сейчас это буддийский праздник фонарей, проводимый ежегодно. Люди верят, что огонь, зажжённый на земле, – малая частица солнечной энергии, являющейся символом жизни [9. С. 77].

2.1.1. Культ деревьев

Почитание и сакрализация дерева – давняя традиция корейского народа. Тысячелетний опыт уважительного отношения к дереву, дающему тепло и пищу, согревающему чувства и обогащающему эстетическое восприятие природы, служит хорошим примером для новых поколений страны.

Если искать глубинные корни почтительного отношения к дереву, то необходимо вспомнить архаичные обряды и представления многих народов мира, связанные с «мировым деревом, характерным для мифопоэтического сознания образам, воплощающим универсальную концепцию мира. К этому ряду примыкает и «древо жизни», актуализирующее представления о жизни во всей полноте её смыслов, а также «древо познания», моделирующее процесс различения сущностей с целью достижения состояний целостности и совершенства [9. С. 76].

Культ деревьев широко распространён по всей Корее вплоть до начала XX столетия. Старые деревья (*сучон*), растущие у дороги, на горных перевалах или на границе деревни, корейцы окружали особым вниманием. Община их «усыновляла»: около них сооружали каменную насыпь, на ветки вешали соломенные жгуты. Такие деревья было строжайше запрещено ломать, тем более рубить. К священному дереву обращались с просьбами о благополучных родах, о ниспослании знатности и богатства, об излечении болезней и т.д.

По религиозным представлениям корейцев деревья, как и все предметы, имели *син* – некую духовную силу, поэтому в старину к срубленным деревьям, предназначенным для строительства дома, прикрепляли амулеты – просьбы, чтобы *моксин* (дух дерева) не посылал болезни и несчастья на жителей дома. Во время укладки центральной балки под конек крыши собирались все мужчины, соседи по деревне и устраивали жертвоприношения духам земли и дома. В обрядовой практике корейцев значительную роль играли *наму квисин* – деревья, которые считались временными вместилищами определенных духов (небесных, земных, горных) – покровителей государства, общины, семьи. На деревья вешали лоскутки и другие вещи и заклинали дух не причинять зло людям.

Согласно древним воззрениям корейцев, домашние духи следуют за новобрачной и переходят в дом ее мужа. Чтобы задержать их в доме отца и не дать дому разрушиться, невеста около первого алтаря на пути к дому жениха останавливалась и привязывала к дереву полоску ткани от своего свадебного наряда, затем обращалась к духам с просьбой, чтобы они не следовали за ней.

Культ деревьев был составной частью общинной обрядности, связанной с важными периодами хозяйственной деятельности общинников: весной – с началом полевых работ, осенью – с завершением уборки урожая. Деревья играли важную роль в магико-религиозных обрядах, посвященных повышению плодородия почвы и увеличению жизненной силы злаков и животных. Деревья в сельскохозяйственном календаре выступали как символы определенных сезонов года и различных сельскохозяйственных циклов. Причина живучести культа деревьев, равно как и других культов, заключается в специфике социально-экономического строя Кореи, где были сильны пережитки родовых отношений и устойчивы общинные структуры. Культ деревьев в сельской общине выступал как часть общинного культа, в котором нашли отражение сознание общности коллектива, его неразрывная связь с территорией и окружающей природой [1. С. 164].

2.1.2. Тотемизм в Корее

До настоящего времени среди корейцев существуют различные поверья, связанные с животными, которые выступают как предки родоначальников. Существуют предания об основателях корейских династий, происходящих от медведя, лягушки или появившихся из яйца. В легендах о происхождении правителей от женщины-медведицы или из яйца нашла отражение основная идея тотемизма – идея группового

родства людей с тотемами – существами полуживотной-получеловеческой природы. Корейские мифы и сказания о предках-зверях или птицах содержат некоторые черты тотемизма.

Вера в предка полуживотного-получеловека отражена не только в мифологии, но и в изобразительном искусстве. На территории Кореи обнаружены многочисленные фигуры фантастических существ с туловищем человека и головой животного. Среди археологических находок встречаются отдельные фигурки животных: медведя, собаки, свиньи, змеи. В корейских и китайских письменных источниках имеются косвенные свидетельства о наличии у корейцев в древности названий родов по животным: курица, корова, свинья, лошадь, собака [1. С. 165].

В Корею до последнего времени сохранились танцы в масках животных, таких, как тигр, заяц, змея, корова и др. Танец тигра, распространённый ещё в период Корё как пережиток тотемистических плясок, очень популярен в настоящее время.

Тигр – символ силы, мужества, храбрости. Поэтому считалось, что кореец, отправляющийся на охоту, чтобы приобрести храбрость и мужество, должен съесть тигрового мяса или хлебнуть бульона из костей этого животного, заправленного порошком из этих же костей. Его изображения вывешивали на дверях домов и постройках для скота для отпугивания злых духов и духов болезни, для предотвращения несчастья на Новый год. И поэтому в танцевальном искусстве корейцев образ тигра занимает важное место. Используется он и во многих театрализованных представлениях в масках. Танец тигра исполняется очень часто, выражая тем самым веру корейцев в способность тигра избавить их от злых духов.

В настоящее время танец тигра носит больше развлекательный характер, но обязательно с сатирическим акцентом. Танец в маске тигра наблюдается и сейчас в провинции Хванхэдо при обряде «изгнания злого духа». В уездах Бонсан и Пукчхон сохранились танцы тигра, где он выступает как символ могущества, храбрости и вездесущия. Суть танца такова, что против тигра выставляют огромные полчища воинов – он побеждает, ставят капканы – он выбирается. Наконец, его убивают, но дух его жив. Душа вселяется в плоть красивой девушки, которая после своего сольного танца снова превращается в тигра.

В уезде Синчхон тигр олицетворяет добрую старушку, которая протягивает руку помощи всем несчастным. В этом танце тигр принимает образ старушки, которая исцеляет больных, помогает деньгами, советами и т.п. Потом она снова превращается в тигра и уходит в горы [12. С. 157].

Змея также была одним из шаманских духов у корейцев. С ней связывали представления о главном шамане. Её изображали на костюме главного шамана. Известно, что змея выступала в качестве шаманского духа также у тунгусов, бурят и айнов [12. С. 157].

Для ранних религиозных представлений характерна вера в связь умерших предков с тотемами. По поверьям корейцев человек после смерти превращается в лошадь, тигра, свинью, змею, лису или ворона. Эта связь выражается в различных обрядах погребального цикла, например, в переодевании в шкуру тотемного животного и в плясках, имитирующих его движения. Вера в то, что человек после смерти становится животным, отражена во многих корейских обрядах.

Среди корейцев и сейчас существует представление о собаке как о предке. Они считают, что человек после смерти может превратиться в собаку. О роли собаки в религиозных представлениях корейцев свидетельствует и тот факт, что изображение собаки еще в Средние века ставили перед кумирнями. Собака была жертвенным животным во многих старинных обрядах корейцев. Ее приносили в жертву во время обряда поклонения горам, моления о дожде, во время ежегодных церемоний, посвященных «охране» деревень, и др. В некоторых районах Кореи собака выступала как жертвенное животное, подносимое хозяину моря.

Комплекс сведений, подтверждающих наличие культа медведя у корейцев: это название древних родов по медведю, легенда о происхождении Тангуна от женщины-медведицы, участие «медведя» в свадебном обряде. Медведю, как и различным частям его тела, приписывалось магическое свойство отвращать болезни, приносить удачу. Роженице и новорожденному давали отвар из печени медведя, так как считалось, что оно быстро восстанавливает силы матери и приносит здоровье ребенку.

Одним из главных жертвенных животных Кореи была корова. До конца XIX в. во время осенних и весенних жертвоприношений в жертву обязательно приносили коров. Корова была объектом поклонения. Ежегодно в первый день второго месяца из дерева делали фигуру коровы, надевали ярмо и везли под музыку во главе церемониального шествия. Человек, шедший за изображением коровы, имитировал движения пахаря. В процессии участвовало несколько ряженных людей: один был в маске птицы и с цветными крыльями, другой изображал охотника. Человек в маске птицы имитировал, как птица клюёт зерно. Охотник выходил из рядов и делал вид, что стреляет из лука в птицу. Двое мужчин, одетых в женское платье, изображали «драку между соперничающими жёнами». «Муж» в конце шествия умирал их. Вся процессия

символизировала сбор богатого урожая и благополучное его завершение. После театрализованного представления группа людей танцевала и пела, молясь о богатом урожае. Этот древний корейский обычай в настоящее время возрождается, приобретая, конечно же, современную окраску.

У корейцев в древности, как и у соседних сибирских народов, был медвежий праздник, о чём свидетельствует сохранившийся до наших дней религиозно-ритуальный танец изгнания злого духа – «Тэмён», для исполнения которого танцор надевает жёлтую четырёхглазую маску и вывернутую шкуру медведя.

Таким образом, в традиционных танцах нашли отражение древние обычаи, основанные на мифах, культах, легендах, созданные корейцами в процессе исторического развития, и образы священных животных занимают важное место в танцевальном искусстве, выражая и сохраняя древние национальные традиции и воззрения корейцев [13. С. 69].

Следы древнейших представлений, связанных с верой во влияние тотемистических предков на судьбу людей и их потомков, прослеживаются во многих корейских обрядах, например, в культе «Семи звезд» – Пукту чхильсон (созвездия Большой Медведицы). Культ сохраняется до настоящего времени, так как корейцы верят, что они (Семь звезд) влияют на судьбу каждого; регулируют рождение и смерть человека. Корейская легенда гласит: «Отец дает кость, мать дает кровь, а Семь звезд дают жизнь». Они считаются покровителями детей. Им поклоняются с тем, чтобы обеспечить спокойствие дому, семье – богатство, членам семьи – долголетие [1. С. 165].

2.1.3. Культ гор и камней

Небеса, горы, дерево – вот, согласно генеалогическим мифам, основные этапы появления на свет легендарных героев, правителей страны [14. С. 214].

Корейский народ наделял горы животворной силой. К горам обращаются бездетные люди с просьбой о даровании потомства. В корейских легендах акт зачатия богатырей часто совершается на горе или происходит от «духа гор». У корейцев была распространена вера в то, что горы являются местом обитания мифического предка.

«Сонхван-дан» – это наименование груды камней или пирамидок из камней, сложенных под деревом или у кустарника. Такой алтарь можно найти у дороги, иногда у входа в деревню, но чаще всего на вершинах, где перекрещиваются дороги. Очень часто там находится маленькая кумирня, в которой помещается картина, обычно с изобра-

жением какого-нибудь животного, но чаще с изображением бога гор — *сансин*. Поклонение алтарю сопровождалось поднесением пищи. Обычно женщина ставила на камень небольшие чаши с рисом и затем, поднеся к лицу сложенные руки, кланялась и обращалась с просьбой о помощи. На алтарях можно было видеть куски материи и бумаги, части одежды, обувь, деньги, нитки, веревки и другие предметы, означающие просьбу о долгой жизни и спасении от болезней.

Несмотря на то, что обычай устраивать в известных местах каменные кучи и бросать в них камни или какой-нибудь другой предмет был распространен у многих народов, вопрос о его сущности и происхождении до сих пор представляется спорным и неясным. На происхождение этого обычая имеется несколько точек зрения. Одни считают, что это дорожные знаки или пограничные столбы, поставленные путешественниками в ту пору, когда еще не было проложенных дорог. Эти кучи считались табу, вследствие того, что были посвящены богу дорог. Некоторые усматривают в бросании камней в кучу акт единения с божеством или установления контакта с ним. Третья группа ученых объясняет наличие каменных куч обычаем кидать на могилы некоторых покойников, например умерших насильственной смертью, колдунов и прочих, различные предметы. Ряд исследователей видят в камнебросании средство, отвращающее злые силы и «сглаз». Корейцы поклонялись каменным кучам, прося у них продление жизни, урожая, благополучия и счастья. Во время засухи у груды камней происходили моления о дожде, на камни проливалась кровь жертвенных животных: коровы, свиньи, собаки [1. С. 166].

В Китае, Корее и соседних странах в народе глубоко укоренилось представление о «счастливых горах». Под этим выражением понимаются главным образом благоприятные места захоронений. Найти для своего отца или иного близкого родственника «счастливую гору» для погребения (или вторичного захоронения) считалось делом весьма важным. Существовала даже особая профессия геомантов, которые специализировались на умении найти «счастливую гору» по всем правилам этой «науки» [8. С. 608].

Современные обряды поклонения камням у корейцев в значительной степени сохраняют магико-тотемистическую основу. На каменные кучи были перенесены свойства тотемистических предков. С эволюцией религиозных взглядов осмысление связанных с ними обрядов приняло неопределенно-расплывчатые формы. В Корее оно приобрело шаманский характер: каменные кучи были объявлены вместилищем духов. Буддизм также попытался использовать старый обряд для своих

целей: по буддийским догмам каменные кучи воздвигались на месте пребывания духов, гениев Земли или Воды [1. С. 167].

2.1.4. Мифы о культурных героях

Мифы о культурных героях объединяются в группы под общими названиями *конгук синхва* – «мифы об основателях государства». Известно, что существовала запись мифа о Тангуне, легендарном основателе древнего Чосона, – «Тангун коги». Сохранилось указание о том, что было произведение «Тонмён коги», посвященное Тонмёну, по одной версии, основателю государства Пуё, а по другой, более поздней по времени, – основателю государства Когурё. Значительное число мифов содержится в корейских средневековых сочинениях «Самгук саги» Ким Бусика (XII в.) и «Самгук юса» Ирена (XIII в.).

Мифы о культурных героях показывают, что для всех них характерно необычное происхождение героя. В некоторых мифах герои объявляются сыновьями Небесного правителя. Так, Хванун, один из небожителей, пожелавший для себя земной жизни, был сыном Небесного правителя Хванина и его наложницы. Согласно древнему мифу, записанному в «Коре са коги», первые люди на Земле появились на острове Чеджудо, вслед за сильным землетрясением.

В мифах о культурных героях широко распространен один из древнейших мотивов мифологии всех народов – сюжет о «непорочном зачатии». Герои рождаются от облака, которое опускается на мать, или от солнечного луча, который озаряет ее. Широкое распространение имеет сюжет о появлении героя из яйца. Цикл этих мифов известен в корейской литературе под общим названием *ансэн сорхва* – «легенда о родившихся из яйца». Сюда относятся мифы и легенды о происхождении Пак Хек-косе, Тхархэ, Чумона.

По мере развития общественных отношений в древнекорейском обществе на смену мифам о культурных героях, в которых героя с самого начала отличает от окружающих его необычное происхождение, приходят мифы, главные персонажи которых оказываются в родстве с якобы «историческими» деятелями. Так, «основатель» Пэкче, Онджо, объявляется сыном Чумона, а Киджа, один из «правителей» древнего Чосона – подданным чжоуского вана. Известную трансформацию в характеристике героев можно наблюдать на примере их «деятельности». Несомненно, древнейший пласт связан с мифами, герои которых боролись со стихиями, превращали животных в людей, обучали людей земледелию и скотоводству, секретам геомантии, ремесленному мас-

терству. Наиболее ярко этот древнейший пласт проявляется в мифе о Хвануне, который является центральной частью мифа о Тангуне.

В заслугу культурным героям корейских мифов на более позднем этапе ставится создание городов. Они выступают в роли родоначальников этнических групп, первопредков знатных родов, создателей государства. Например, Тангун провозглашается основателем древнего Чосона, Тонмён – основателем Пуё, Чумон утверждает государство Когурё, Пак Хёккосо – государство Силла, Онджо – государство Пэкче, Ким Суро – государство Кая. Таким образом, герой корейских мифов ничем не отличается от культурных героев, известных мифологическому наследию всех народов мира [1. С. 169].

2.1.5. Предсказания

Предсказание родилось из желания знать свою судьбу и управлять ею, что всегда было присуще человеку. В королевстве Силла (57 г. до н.э. – 935 г. н.э.) существовала должность *ильгван*, буквально «солнечный чиновник», в обязанности которого входило истолкование происходивших в природе необычных явлений и составление предсказаний для короля. В период Корё (918–1392) аналогичный чиновник назывался доктором предсказаний. Он наблюдал и объяснял метеорологические явления и предсказывал будущее правящей династии, а также судьбы отдельных лиц. Сначала предсказания были связаны в основном с явлениями природы и касались важнейших жизненных событий, но вскоре они стали распространяться и на мелкие дела и события повседневной жизни.

Некоторые корейцы до сих пор верят во всякие предсказания, основанные на природных явлениях, определяют грядущие повороты судьбы с помощью солнца, луны, звезд, облаков, дождя, радуги и ветра. По сей день считается, что сны тоже могут предсказывать будущее.

Широко практикуемый метод предсказаний связан с физиогномикой и френологией. Многие верят, что судьба человека отражается на формах и пропорциях лица, тела, а также в голосе, на типе и цвете кожи, линиях ладони и родинках.

Метод предсказаний *ым-ян* основан на представлениях о противоположных началах *ым* (отрицательная сила) и *ян* (положительная сила). Подчиняясь законам, управляющим взаимодействием *ым* и *ян*, возникают и разрушаются пять первых элементов – металл, дерево, вода, огонь и земля. На принципах *ым-ян* и учении о пяти элементах основана популярная форма предсказаний под названием *тхочжон-пигель*. С началом нового лунного года каждый человек вычисляет свою судьбу

бу на последующие 12 месяцев. Это делается по книге о *тхочжон-пигель* с учетом дня и времени рождения человека по лунному календарю. Данный вид предсказаний составляет популярное развлечение в день встречи Нового года и последующие две недели. В эти дни на рынках, на углах улиц или в других местах, где собирается народ, часто можно видеть старика с книгой о *тхочжон-пигель*.

К различным формам предсказаний прибегают не только представители старшего поколения, но и молодые люди. Довольно часто студенты и учащиеся обращаются к предсказателю по поводу предстоящих экзаменов, поступления в колледж и других школьных дел, по вопросам бизнеса, перед вступлением в брак [1. С. 170].

2.1.6. Шаманизм

Культура корейцев создавалась на протяжении многих веков. Одно из самых ранних верований – шаманизм, возникнув в Сибири, было принесено на Корейский полуостров племенами эпохи неолита – предками современных корейцев. Согласно этому верованию мир населен многочисленными добрыми и злыми духами, а шаман, совершая ритуалы, включающие в себя заклинания, музыку и танцы, может не только общаться с миром духов, но даже умиротворять и побеждать их. Современные корейцы по-разному относятся к шаманизму и даже могут отвергать его, однако это древнейшее мировоззрение по-прежнему оказывает сильное влияние на их образ мышления. Вера в то, что человек – это часть Природы и может достичь счастья только в гармонии с ее силами, и отношение к личности как к частице в вечном потоке жизни, который несет в себе все прошлое, настоящее и будущее рода, – все это своими корнями уходит в шаманизм [5. С. 7].

История шаманизма на Корейском полуострове датируется доисторическим временем – периодом бронзового века. Археологические артефакты, найденные на Корейском полуострове, украшенные такими религиозными символами, как королевская корона, бубен, нож, зеркало, и сейчас широко используются шаманами [3. С. 44].

В современной Корее официально практикуют несколько тысяч шаманов, точнее шаманок – муданг. Традиционно корейские муданг делятся на две категории: кангсинму, получивших свои способности и призвание от божества; сесыпму – потомственных шаманов, унаследовавших качества шамана от своих предков.

Шаманские церемонии могут быть классифицированы по их масштабу на три основные группы. Наиболее простой из них является *писон*, что в буквальном смысле означает *потирание ладоней*. Обычно

этот несложный ритуал выполняется для обеспечения безопасности и удачи перед дальней и длительной поездкой, поправки здоровья и преодоления семейно-брачных осложнений. К более высокому уровню относится церемония *коса* и *пхудаக்கэри*. Коса совершается в период сбора урожая в десятый месяц по лунному календарю, а пхудаக்கэри – в течение всего года для изгнания всевозможных злых духов (чхапкви), когда человека и членов его семьи преследуют болезни, неудачи и материальные трудности. В таких случаях одна или две муданг приходят в дом клиента и передают людские желания божествам посредством пения, танцев и музыкального исполнения на чханго (корейский барабан в форме песочных часов) и чхегым (небольшой гонг). По своему содержанию эти церемонии просты и длятся, как правило, не более двух-трех часов. В настоящее время они еще более упрощены и часто сводятся к нескольким поклонам перед блюдом с рисовой лепешкой.

Самым значительным шаманским обрядом является *кут*, состоящий из множества различных элементов. Кут различается по тому, кто его заказывает, по какой причине и с какой целью. Прежде всего, следует назвать *деревенский кут*, который проводится регулярно, хотя интервал иногда может занимать более десяти лет. Деревенский кут – это, прежде всего, общинный обряд, призванный обеспечить гармоничную жизнь, здоровье и благополучие жителей деревни. Однако он служил также народным празднеством – фестивалем, и в программу его проведения включались хождение по натянутому канату, «бои на горе», крестьянская музыка, танцы в масках, клоунада и т.д.

История культуры Кореи явно показывает, что посредством шаманизма традиционная культура передавалась новым поколениям с древнейших времен и до наших дней. Шаманизм в Корее оказал огромное влияние на такие виды искусств, как народная музыка, драма, танец и литература, особенно в жанре устной традиции и фольклора [1. С. 171].

Корейский шаманизм также занимают свою нишу, и позиции его очень прочны. Корейцы (не ортодоксальные протестанты) вне зависимости от своих религиозных предпочтений нет-нет да и пригласят на всякий случай шамана (в Корее это всегда женщина), чтобы он изгнал злых духов из только что построенного здания, освятил новую машину и т.п. Очень востребованы услуги шаманов среди людей моря – рыбаков. В общем, везде, где присутствует повышенная степень риска и работа связана с непредсказуемыми природными факторами, зовут на помощь шаманов. Правда, может быть и так, что потом пойдут еще и в обычную церковь или буддистский храм [7. С. 44].

Шаманству история уготовила долгую жизнь. До сих пор в разных уголках земли шаманские камлания со всей атрибутикой продолжают играть важную роль, выполнять социальные функции у тех народов, у которых востребованы [23. С. 58]. Шаманизм неоднократно запрещался и вновь возвращался в официальную религию Кореи в борьбе с конфуцианством. Так, в конце XIX века, в период японского владычества, корейская королева Мин предприняла попытку возродить шаманизм как национальную религию, что закончилось трагически: в 1895 г. она была убита японцами.

Шаманские ритуалы служат важным средством поддержания музыкальных и других фольклорных традиций корейского народа [24. С. 149].

2.2. Даосизм

Истоки корейского даосизма восходят к религиозным верованиям древнейших китайцев. Начало проникновения даосизма в Корею относится к периоду Самгук – троецарствия. Однако даосизм в Корее, как и другие иноземные религии – конфуцианство и буддизм, претерпел значительные изменения и был в известной степени окореизирован, то есть приспособлен к особенностям мировоззрения, национального характера, религиозности корейцев. Ключ к пониманию даосизма в Корее может лежать в исследовании его отношений с древнекорейской философией [1. С. 172].

Даосизм (кит. «дао» – путь) – философское и религиозное учение, возникшее в Древнем Китае в VI–V вв. до н.э. Его основателем считается полупоупендарная личность, старший современник Конфуция, мудрец Лао-цзы.

Наиболее ярко влияние даосизма проявляется в таких чертах национального характера корейцев, как гипертрофированное стремление к счастью, долголетию, прочно утвердившийся культ здоровья. На уровне символики корейская эстетика повседневности до сих пор проникнута даосизмом – предметы домашнего обихода традиционно украшаются иероглифами, обозначающими «счастье» и «долголетие» [15. С. 219–220].

В VII–VIII вв. даосизм был как никогда близок к реализации своих универсалистских потенций и к превращению из религии национальной в религию если не мировую, то, по крайней мере, региональную. Этому способствовали и широкие международные контакты танского двора, покровительствовавшего даосизму. Предпринимались попытки

распространения даосизма в Корее и Японии. Наиболее прочными были позиции даосизма в корейском государстве Когурё, где последователи даосизма имелись уже к началу VII в. В 624 г. танский император направил в Когурё посла с изображением Лао-цзы для проповеди там даосизма. В 625 г. король Когурё, в свою очередь, отправил посла в Китай для изучения веры Будды и Лао-цзы. В правление короля Поджана был сделан следующий шаг в распространении даосизма в Когурё. По совету министра ён Кэсомуна король начал поддерживать доктрину «трех религий», считая, что буддизм и конфуцианство в Корее следует дополнить даосизмом. По просьбе Поджана в 643 г. из Китая прибыли 8 даосов для проповеди своей религии. Даосы быстро приобрели сильное влияние на двор, что привело к началу гонений на конкурировавший с даосизмом буддизм. Вследствие этого буддисты рассматривали укрепление в стране даосизма как происки прокитайской группировки, однако это было не так, поскольку политика главного покровителя даосизма ён Кэсомуна носила антикитайскую направленность. В Пэкче и Силла даосизм не получил официального признания, и в «Самгук саги» есть лишь одна запись о том, что в 738 г. китайский посол преподнес королю «Дао-дэ цзин» и другие даосские тексты [21. С. 166].

От даосизма и культивирования даосских техник тела в корейской национальной танцевальной пластике закрепился так называемый эффект парения, которым славились древние мастера даосских техник тела, – «летающие даосы».

Тело исполнителя как бы преобразуется: руки становятся, словно продолжением груди, а ноги лишь соединяют тело с землёй, как бы и не служа его опорой. Так образуется характерная для даосских техник тела поза с прямой спиной и вогнутой грудью, наблюдая которую зритель впадает в иллюзию, что к верхней части туловища танцора прикреплены невидимые нити, которые тянут его вверх, преодолевая силу земного тяготения.

Возможно, здесь воплотилось даосское религиозное представление об обретении человеком бессмертия и превращении его в существо, обладающее способностью полёта через надземное и космическое пространство [16. С. 227].

В современной Южной Корее даосизм сохранился лишь в некоторых символах культуры.

2.3. Конфуцианство

В основе корейской культуры лежат заимствованная из Китая культурная традиция конфуцианства и его культурный комплекс, имевший широкое распространение в Корее. Однако следует особо подчеркнуть, что для корейцев главным являлось не слепое подражание и копирование чужих достижений, а подлинное освоение чужой культуры и её обогащение своим национальным духом [17. С. 544].

Древнекитайская философия, подобно индийской и греческой, сформировалась в лоне мифологии. Однако это не был автоматический процесс. Для перехода от мифологии к философии необходимы были определенные социальные условия. Основателем философского учения был знаменитый Кун-цзы, или Кун-Фу-цзы – уважаемый учитель Кун, известный в европейском мире как Конфуций. Конфуцианство считается духовной основой китайского общества.

Конфуцианство никогда не отказывалось от шаманского восприятия жизни и смерти, поэтому многие его ритуалы, связанные с поминовением предков, тесно связаны с шаманскими представлениями. Чтобы приблизиться к повседневным потребностям верующих, конфуцианство и буддизм включили в свою религиозную систему некоторые элементы шаманских верований. Распространению буддизма сильно способствовала и его исключительная веротерпимость, благодаря чему он мог сосуществовать с различными местными религиозными культурами и вступать с ними в симбиоз [15. С. 45].

Конфуцианские принципы правления укрепились после введения *квэго*, или системы экзаменов для поступления на государственную службу. Таким образом, теоретически, создавалась государственная система, при которой к управлению страной приходили лучшие ученые, выбранные путем регулярных местных и общегосударственных экзаменов. Экзамены были открыты для всех, кроме выходцев из определенных, считавшихся низшими классов, к которым принадлежали мясники, актеры, музыканты и врачи. Те, кто выдерживал экзамены, в соответствии со своими способностями назначались на гражданские и военные посты. К гражданским служащим относились судьи, губернаторы провинций, придворные, а к военным – армейские и морские офицеры. Ежегодно в Сеуле проходили главные государственные экзамены для желающих занять высокие посты, а дважды в год – весной и осенью – проводились торжественные церемонии в честь Конфуция. Осенние церемонии проводятся и в наше время в конфуцианском университете Сонгюнван. Хотя конфуцианское учение потеряло свою

былую роль основы системы власти и управления, тем не менее, нельзя сказать, что после стольких веков внедрения этой доктрины корейцы изменили свой образ мышления и отбросили обычаи и привычки, связанные с этой религиозной системой. Так, с одной стороны, корейцы почтительно относятся к возрасту, ценят общественную стабильность и испытывают уважение к образованию и совершенствованию. С другой – корейцы склонны идеализировать прошлое, сохранять жесткую социальную иерархию, а также впадать в некую абстрактную отрешенность, в силу которой они предпочитают видеть мир не таким, какой он есть, а таким, каким ему следует быть.

В экономически развитой и вполне модернизированной Корее конфуцианство до сих пор в силе. В корейских школах дети по сей день проходят «самган орюн» (три принципа и пять отношений) и прочие конфуцианские постулаты [6. С. 35].

Конфуцианство, которое в строгом смысле слова нельзя считать классической религией, осталось в душах корейцев, определяя многие их привычки и обычаи, а также стиль поведения. Правда, сейчас уже очень немного тех (около 1% населения), кто скажет, что исповедует конфуцианство [7. С. 44].

2.4. Буддизм

Буддизм в Корее является важнейшим элементом духовной культуры. Он оказал влияние не только на искусство и литературу, политику, экономику и образование в стране. Основанный на просвещении Будды и учении мудрости и сострадания, он был создан на корейской земле корейским народом. Буддизм Кореи обладает тремя уникальными характеристиками, отличающими его от индийского и китайского буддизма.

Во-первых, корейский буддизм универсален и либерален, особенно в решении культурных проблем. При внедрении буддизма в корейскую культуру особых столкновений и проблем не возникало. Корейские буддисты признали существовавшую уже традиционную культуру, но, с другой стороны, развили в ней новые понятия и ценности. Вследствие этого корейский буддизм не только приблизил к себе дух корейского народа, но и стал частью его.

Во-вторых, корейский буддизм защищает страну и народ. При становлении религиозных целей и идеологии буддизм Кореи всегда брал во внимание национальную славу и мир. Долгая история корейского

буддизма знает множество случаев, когда он оказал помощь при защите страны.

В-третьих, корейский буддизм символизирует гармонию. Он не только урегулировал противоречивые религиозные идеи и школы, но также и согласовал религиозные разногласия между теорией и практикой [20. С. 177; 21].

Из всего выше сказанного можно сделать вывод, что сам по себе буддизм – почти необъятное мировоззрение. Это и духовная, религиозная и культурная традиция, корпус канонических и постканонических текстов, система ритуалов и символов, ряд социально-религиозных институтов. В сущности, буддизм целая цивилизация [22. С. 3]. Мировая религия буддизм – это, прежде всего, философия, мировосприятие, миросозерцание Востока, представляющие собой совокупность идей и практики самовоспитания, саморазвития, саморегуляции, внутреннего освобождения, самосовершенствования личности. Человек в буддизме – творец самого себя.

Корейский буддизм – это религия, которая говорит с верующими на языке корейской культуры и национальных представлений о самых важных ценностях жизни. Такая способность гармонично вписываться в окружающий культурный ландшафт явно выделяет буддизм среди других мировых религий. Возможность адаптироваться позволила буддизму вобрать в себя огромное количество местных верований, культов, народных обрядов: культурных, литературных и художественных традиций [9. С. 102].

Особенно буддизм оказал свое огромное влияние практически на все стороны жизни корейцев. «Согласно буддийским канонам послушному верующему должен быть присущ идеал благотворительности и сыновней почтительности. В основе духовной практики буддизма лежит идея достижения высшей истины, достижение подлинного субстрата нирваны. Именно эти основные аспекты буддийского учения пронзили целиком корейское общество, начиная с эпохи Самгук (эпоха Трёх Государств) и заканчивая современностью. И сегодня прослеживаются отблески буддийских учений в действиях корейцев. Например, почитание умерших предков и старших по возрасту или социальному статусу людей. Когда корейцы справляют какой-либо праздник (Новый год или годовщину рождения), то первым делом они ставят на стол угощения для умерших предков, читают молитвы и только потом по старшинству занимают обеденные места» [18. С. 164].

Буддизм и шаманизм определённым образом влияли друг на друга. Например, буддисты заимствовали некоторые религиозные шаманские

принципы. Один из них – концепция божественности горы. Буддистами была спроектирована конструкция здания, в котором шаманские божества прекрасно дополняли общую картину буддийского храма. С другой стороны, у шаманизма 30% всех ритуалов, носящих название «кут», имеют буддийские корни. Шаманский ритуал, известный под названием «Семь звёзд», является тому ярким примером. В этом ритуале шаманка, одетая в ризы монаха с буддийскими чётками, исполняет «Танец спускающегося бога» под аккомпанемент цимбал, так же как и в буддийском «Танце с цимбалами», принося бесконечную покорность славе Будды [19].

Первым из трех корейских государств, где он начал распространяться, было Когурё. Начальной датой проникновения буддизма в Когурё принято считать 372 г., когда в Когурё прибыл монах Сундо, привезя с собой изображения Будды и буддийскую литературу.

В период государства Чосон (1392–1910), основанного Ли Сон Ге, когда среди политически влиятельных членов королевской семьи были буддисты, эта религия испытывала подъем. Однако попытки возродить буддизм встречали сильную оппозицию со стороны конфуцианских ученых и чиновников. Во время японского нашествия (1592–1598) буддисты, чтобы помочь защитить страну, собрали армии монахов и одержали победы в целом ряде решающих сражений. Но, несмотря на этот вклад в оборону страны, официальные гонения на буддистов продолжались вплоть до последних лет существования государства Чосон. Жестокое подавление религии заставило буддистов укрыться в отдаленных горных районах, где они строили свои храмы и монастыри. Так буддизм стал монашеской, а не светской религией. Эти исторические обстоятельства объясняют тот факт, что большинство буддийских храмов находятся в труднодоступных районах страны.

В течение всего этого периода конфуцианство было государственным культом, или национальной религией, и, чтобы ограничивать и контролировать буддизм, некоторые из королей насильственно реформировали и объединяли различные буддийские секты. Когда в 1910 г. японцы установили в Корее колониальный режим, предпринимались попытки распространить в стране японские буддийские секты или соединить их с корейскими. Однако эти планы провалились, возможно, это даже явилось стимулом к возрождению у корейцев интереса к их исконному буддизму.

С буддизмом связано становление и развитие многих элементов корейского национального искусства в области живописи, скульптуры, архитектуры, литературы и музыки. Вобрав в себя отдельные художе-

ственные традиции Китая, корейское искусство выработало свой самобытный национальный стиль, который отличает его от других [1. С. 174].

Самый главный праздник буддистов – День рождения Будды, отмечается обычно в мае (8-й день 4-го месяца корейского лунного календаря). В гуляниях и шествиях в течение недели до дня и во время него принимает участие вся страна. Верующие готовятся к празднику заранее, и уже за месяц до него повсюду: на улицах, рынках, туристских тропах в горах, в университетских городках, во всех буддийских храмах – развешиваются фонарики. По обычаю, фонари проносят по улицам в торжественных процессиях. Обычно эти шествия устраивают в день рождения Будды, но в последние годы наметилась тенденция к выделению «парада фонарей» в почти самостоятельный праздник, отмечаемый за несколько дней до основного торжества – обычно в субботу. Самое многолюдное шествие устраивается в этот день в Сеуле.

2.5. Христианство

Волна христианской миссионерской деятельности достигла Кореи еще в XVII в., когда члены миссии, ежегодно посылаемой для уплаты дани и обмена дарами ко двору китайского императора, привезли сюда из Пекина копии произведений католического миссионера Матео Ричи на китайском языке. Наряду с религиозным учением эти произведения содержали сведения о достижениях западных ученых в разных областях. Например, в них была приведена более точная календарная система и другая информация, привлекавшая внимание деятелей движения Сирхак. К XVIII в. было несколько новообращенных или потенциально обращенных в католицизм. Однако до 1785 г. в Корею не было ни одного священника, пока иезуит отец Петер Граммонт тайно не пересек границу и не начал крестить людей и рукополагать в духовный сан [4].

В Корею под словом «христианство» подразумевается в первую очередь протестантизм. От католика вы часто можете услышать: «Я не христианин, я католик». Несмотря на то что протестанты не являются большинством, они явно гораздо более влиятельны, чем все остальные конфессии, и гораздо более агрессивны в смысле распространения своей веры [7. С. 44].

Протестантизм появляется в Корею к концу XIX в. В качестве причин появления данного явления Ю.С. Ковальчук отмечает ситуацию, сложившуюся в целом в Восточной Азии, а именно: усиление западного

влияния, когда Япония и Корея открывают свои города для иностранцев, и вхождение стран макрорегиона в стадию модернизации, что, в свою очередь, открывает возможности для усиления влияния христианства, в том числе протестантизма, на местное население [13. С. 15].

Протестантская церковь в Корее на начальном этапе распространения христианства имела отличительные особенности, которые сводятся к двум основным аспектам, поставившим ее в более выгодное положение, чем другие миссионерские церкви. Во-первых, протестантские миссионеры с самого начала использовали Библию на корейском языке. Библия была переведена на корейский язык за границей, поэтому миссионеры приезжали в Корею, взяв Библию с собой. Хотя римско-католическая церковь проникла в Корею на целый век раньше, чем протестантство, но из-за своей ортодоксальности она и не пыталась осуществить перевод Библии на корейский, распространять ее и проводить молебны на родном для корейской паствы языке. Во-вторых, протестантские миссионеры возложили простую миссию распространения Библии, а значит, и своей веры среди корейцев, на самих же корейцев, которые назывались квонсо (распространитель Библии). Квонсо занимались не просто распространением священного христианского писания, но и его настоящей пропагандой, которая совмещалась ликвидацией неграмотности среди корейского населения и обучением многих простых людей национальному письму – хангыль [4].

2.6. Ислам

История первых контактов Кореи с мусульманским миром уходит в глубокую древность. Современная мусульманская община и новая история ислама имеет свои истоки с середины двадцатого столетия. Начало исламской миссионерской активности непосредственно в Южной Корее относится ко времени Корейской войны (1950–1953), когда правительство Турции по рекомендации Совета безопасности ООН приняло решение послать в Корею армейскую бригаду.

Ислам в Корее имеет полувековую историю, и *Федерация мусульман Кореи* проделала разнообразную и большую деятельность по распространению мусульманской веры, укреплению и развитию связей с исламскими странами мира. К концу XX века мусульманская община Кореи насчитывала около несколько тысяч человек, а также 70 тысяч верующих из исламских стран, проживающих сейчас в стране [1. С. 179].

Мусульмане-корейцы предприняли огромные усилия по распространению ислама в своей стране. В апреле 1968 г. *Федерация мусуль-*

ман Кореи утвердила семь основополагающих принципов по пропаганде ислама в Корее.

Они заключались в следующем:

1. Ежемесячно каждый мусульманин обязан привести с собой трех человек на религиозную службу.

2. Мусульманин должен посещать дома своих друзей-немусульман с целью просвещения и пропаганды исламского вероучения, что в конечном итоге должно обратить новых людей в истинную веру.

3. Следует перепечатывать и распространять среди мусульман фрагменты из священного Корана, Хадифа, а также новости из стран исламского мира.

4. Книга Бавани «Ислам: непонятая религия» должна быть переведена на корейский язык и распространена по всей стране.

5. В каждое воскресенье следует проводить в мечети часовой семинар с дискуссиями, которые должны вести зарубежные мусульмане.

6. Уроки арабского языка должны проводиться в мечети каждый воскресный день.

7. Следует стараться распространять информацию об исламе во всех средствах массовой коммуникации [4].

2.7. Новые религии

В настоящее время в Корее существуют различные движения и учения, которые условно объединяют под общим названием «Новые религии». Так называемых новых религий насчитывается около 250, однако большинство из них малочисленны и не играют заметной роли в конфессиональной жизни страны. Всю совокупность новых церквей и общин можно сгруппировать по признаку их происхождения, например: какая из мировых религий лежит в основе нового вероучения. Идеология значительной части этих религий носит синкретический или даже эклектический характер, поскольку в ней наличествуют элементы буддизма, христианства, конфуцианства, даосизма и других вероучений. Новые религии расцвели главным образом во времена социальной нестабильности, но потом их число и влияние уменьшалось по мере того, как крепло корейское общество. Большинство новых религий возникло в сельских районах, затем они проникали в города и, подобно традиционным религиям, стремились приспособиться к потребностям людей индустриального общества.

Литература по теме

1. Ким Г.Н. Республика Корея. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с.
2. Курбанов С.О. Курс лекций по истории Кореи. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербург. ун-та, 2002. – 626 с.
3. Вестник Северо-Восточного федерального университета. 2014. Т. 11. № 5.
4. Рассказы о религиях Кореи [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/kim-g-n-rassказы-o-religiyah-korei/> (дата обращения 04.08.2016).
5. Кочешков Н.В. Нравы, обычаи, традиции народов восточной Азии: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 1999. – 27 с.
6. Габрусенко Т.В. Эти непонятные корейцы. – М.: Муравей, 2003. – 304 с.
7. Кирьянов О. Наблюдая за корейцами: Страна утренней свежести. – М.: РИПОЛ Классик, 2010. – 351 с.
8. Токарев С.А. Ранние формы религии. – М.: Политиздат, 1990. – 622 с.
9. Марков В.М. Республика Корея, традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 449 с.
10. Корея. Путеводитель. – Сеул: ДЖЕМ, 2008. – 98 с.
11. Ким Сан Гук. Сельская музыка // Чинан-Ильпо. – Сеул, 2003. – 9 мая. – С. 30–39.
12. Ионова Ю.В. Пережитки тотемизма в религиозных обрядах корейцев // Религия и мифология народов Восточной и Южной Азии: сб. ст. – М.: Наука, 1970. – 246 с.
13. Ковальчук Ю.С. Корейский протестантизм и особенности его миссионерских практик в азиатской части Российской Федерации в конце XX – начале XXI вв. (по материалам этноконфессиональных исследований): автореф. дис. ... канд. ист. наук. – Новосибирск, 2006.
14. Афанасьев А.Н. Древо жизни: избр. ст. – М.: Современник, 1982. – 464 с.
15. Волков С.В., Симбирцева Т.М. Корея. – М.: Наука, 2000. – 340 с.
16. Кравцова М.Е. История культуры Китая. – СПб.: Лань, 2003. – 416 с.
17. Пак М.Н. История и историография Кореи. – М.: Наука, Восточная литература, 2003. – 911 с.

18. Верхоляк В.В., Галкина Л.В., Кожемяко В.Н. Учебник корейского языка. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. Ч. 2. – 236 с.

19. Чумыль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorabol.ac.kr/atone/> (дата обращения 10.07.2016).

20. Мазуров В.М. Политическое лидерство в многоконфессиональном южнокорейском обществе // Республика Корея: опыт модернизации. – М.: Восточная литература, 1996. – 212 с.

21. Агаджанян А.С. Буддийский путь в XX веке: Религиозные ценности и современная история стран тхеравады. – М.: Восточная литература, 1993. – 295 с.

22. Торчинов Е.А. Даосизм. Опыт историко-религиоведческого описания. – СПб.: Андреев и сыновья, 1993. – 310 с.

23. Карабанова С.Ф., Мельникова Л.А. От маски к имиджу. – Владивосток: Дальнаука, 2009. – 163 с.

24. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 238 с.

Контрольные вопросы

1. Охарактеризуйте ранние формы верований корейцев.
2. В чем заключается смысл культа предков?
3. Становление буддизма в Корее.
4. Влияние даосизма на культуру Кореи.
5. На какой период приходится начало исламской миссионерской активности?
6. Распространение христианства в Корее?

Темы для рефератов

1. Древнейшие верования корейцев.
2. Корейский шаманизм как феномен культуры.
3. Шаманизм в современной Корее.
4. «Новые религии» Кореи.

Тема 3. ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ В КОРЕЕ

3.1. Корейские традиции

На протяжении многих веков корейский народ выработал самобытные культурные традиции. Высокий уровень культуры получил отражение уже в самых ранних образцах корейского искусства: изделиях из голубого стекла (IV–VII вв.), астрономической башне столицы Силла Кёнджу (VII в.), пещерном храме Соккурам близ г. Кёнджу с его настенными барельефами и статуей Будды (VIII в.) и т.д. В истории Кореи XV и XVI вв. были временем наивысшего расцвета феодальной культуры [1. С. 39].

Человек является членом семьи, общества и государства, вследствие чего формируются пять так называемых человеческих отношений, которые конфуцианцами определяются как: отношения между родителями и детьми, между монархом и подданными, между мужем и женой, между старшими и младшими братьями и между друзьями. Идеальное урегулирование этих отношений должно быть основано на «хё», что не вполне точно передается термином *«сыновняя почтительность»* и считается конфуцианцами первообразом всяких человеческих отношений, так же как семья является первообразом общества и государства. Выражение «хё» вбирает с себя пять нравственных качеств: доброту, прямоту мыслей, безупречность поведения, обладание познаниями и, наконец, честность, совмещающую в себе любовь, справедливость, снисхождение, мудрость и доверие [2].

Уважение к старшим было и остается краеугольным камнем в отношениях корейцев. И хотя первые две из пяти этических ценностей сегодня несколько потеряли свое значение, уважение к учителю в Корее достаточно высокое. Многие корейцы в день учителя (есть и такой праздник) идут в его дом для оказания уважения и почтения.

Помимо собственно семьи любой кореец с давних времен является членом и обширной клановой группировки, к которой относятся все

люди, имеющие одинаковую фамилию и одинаковый «пон» – географическое название, которое указывает на местность, из которой произошел реальный или мифический предок данного рода. Разумеется, это не значит, что в наши дни все или даже сколь-либо заметное число представителей данного клана живут в той местности, в честь которой именуется клан. По традиции все члены клана, который является строго экзогамным, рассматривают друг друга как кровных родственников и оказывают друг другу любую помощь. В ритуальном отношении наиболее ярким проявлением единства клана является совместное проведение жертвоприношений предкам. Большинство кланов 4 раза в год проводят такие жертвоприношения на родине легендарного основателя клана. Браки между членами одного клана, то есть между людьми с одинаковыми фамилиями и одинаковым поном, были запрещены до самого недавнего времени. Лишь в 1995 году этот запрет был официально отменен, однако общественное мнение по-прежнему отрицательно относится к такому рода бракам, которые считаются кровосмесительными [3. С. 216].

Погребальные ритуалы корейцев не ограничивались выражением чувства утраты и необходимостью изоляции трупа – в них были сильны религиозные обрядовые действия. Изучение погребальных обычаев дает интересный материал для выяснения народных взглядов на жизнь и смерть, на душу и судьбу ее после смерти, на мир мертвых и отношение последних к живым. В погребальных обрядах корейцев обнаруживаются следы древнейших представлений, фиксируются нормы поведения и связанные с ними изменения обычаев [4].

В высших слоях корейского общества наблюдались сложные погребальные обряды, на развитие которых большое влияние оказала конфуцианская идеология. Конфуцианство древнему культу предков придало определенную форму и предписало совершать в честь умерших родителей сложные погребальные, траурные и поминальные обряды. В XV в. корейское правительство издало *«Великое уложение для управления государством»*, в котором значительное место уделялось религиозным обрядам и церемониям. В конце XVII в. уложение было дополнено и издано для всеобщего сведения, устанавливались нормы и требования для проведения погребений, ношения траурной одежды и совершения жертвоприношений во время поминок [5].

Сохранение в Корее прочных семейных связей – важный социальный и экономический фактор, ведь оно избавляет государство от необходимости содержать дорогостоящую систему социального обеспечения, а значит, позволяет держать налоги на очень низком по меркам

любой другой развитой страны уровне. Корейское общество отличается чрезвычайной иерархичностью. Относится это к корейской семье. В соответствии с конфуцианскими представлениями, которые, пусть и в ослабленной форме, все еще определяют многое в повседневной жизни корейцев, в семье существует четкое разделение на старших и младших, мужчин и женщин. В некоторых семьях пожилые жены по-прежнему обращаются к своему мужу с использованием гоноративных форм (примерно соответствует очень вежливой русской речи на «Вы»), в то время как супруг отвечает своей благоверной короткими, усеченными фразами так называемого *панмаля*, что примерно соответствует грубоватому русскому «ты».

При этом создается впечатление, что по мере того как идут годы совместной жизни, роль жены в семейных делах заметно возрастает. На смену робкому двадцатилетнему существу с нежным голосом и грациозными движениями приходит решительная коренастая тетушка. Корейки, особенно средних лет, отличаются весьма напористым характером. Интересно также и то, что существует связь между ролью жены в принятии решений и уровнем доходов семьи [3. С. 209–210].

Характерной особенностью старого корейского быта, постоянно отмечавшейся как европейскими путешественниками, так и современными этнографами, считалось исключительно долгое кормление детей грудью, которое в те времена обычно продолжалось до тех пор, пока ребенку не исполнялось 3 или даже 4 года. Как легко догадаться, эта особенность и поныне сохранилась среди представителей наименее обеспеченных слоев населения, особенно в деревнях.

Чадолубие корейцев, их пристрастие к детям поразительны. Вопрос о сыне или внучке способен смягчить даже самого недружелюбного и настороженного из ваших корейских собеседников. Детям в семье отдаются все душевные силы, все материальные возможности. В то же время детей не балуют, воспитание в целом происходит в соответствии с традиционными конфуцианскими канонами. Уважительное отношение к родителям считалось высшей из человеческих добродетелей.

Малолетних детей в Корее воспитывают очень либерально. Ребенку, не достигшему 5–6 лет, позволяется очень многое. Он может ходить по квартире, брать в руки и смотреть все, что ему угодно, на свои просьбы он редко получает отказ. Малыша редко ругают и почти никогда не наказывают, он постоянно находится рядом с матерью. Отношение, однако, меняется, когда ребенок достигает возраста 5–6 лет и начинает готовиться к поступлению в школу. С этого момента либерализм и потакание капризам малыша сменяются новым воспитательным

стилем – жестким, суровым, ориентированным на воспитание в ребенке уважения к родителям, учителям и вообще ко всем, кто занимает более высокие места в возрастной или социальной иерархии. Ребенка учат обращаться к старшим в вежливых формах, отдавать им поясные поклоны, держать себя в их присутствии тихо и скромно, беспрекословно выполнять их распоряжения.

Телесные наказания в Корее применяются в воспитании довольно широко, причем относится это не только к домашней педагогике, которая едва ли где-либо в мире обходится без крайних мер физического воздействия в виде отцовского ремня, но и к педагогике государственной: телесные наказания в начальной школе официально разрешены и достаточно широко практикуются. В школе нерадивых учеников обычно воспитывают с помощью линейки, которой шлепают по ладоням.

Корейские дети играют меньше, чем их западные сверстники. Тем не менее, очевидно, что корейские дети, несмотря на то, что растут в здоровой семейной обстановке (неполные семьи, алкоголизм, наполненные уличной преступностью гетто весьма редки в корейской жизни), довольно рано вынуждены начинать своего рода взрослую жизнь. Вызвано это спецификой корейской системы социальной мобильности, признающей только один путь наверх – через образование, доступ к которому весьма конкурентен. В этих условиях ребенок очень рано начинает ощущать ответственность за свои поступки и уделяет занятиям – как школьным, так и внепрограммным – много больше времени и сил, чем дети в неконфуцианских странах.

Тем не менее, детство немислимо без игр. К традиционным детским развлечениям, оставшимся с давних времен, относятся прятки, равно как и некоторые специфически корейские развлечения. Из них можно упомянуть игру с воланом. В ходе игры необходимо постоянно подбрасывать волан, ударяя по нему боковой частью стопы и не давая волану коснуться земли. Популярна и игра с 5 камешками: играющий должен подбросить камешек, потом схватить оставшиеся на столе камни в горсть и этой горстью поймать брошенный камешек в воздухе. В случае удачи он должен проделать все более и более сложные комбинации из подбрасываний [3. С. 227–231].

Традиционное корейское общество почти не знало браков по любви. Если быть более точным, то примерно до XVI в. молодые люди разного пола пользовались достаточно большой свободой, могли встречаться друг с другом, и, по крайней мере в некоторых случаях, брак мог быть заключен и по инициативе самих молодых. Однако впоследствии, после придания неконфуцианству статуса официальной

идеологии, с былой свободой было покончено, вопросы заключения брака стали исключительной прерогативой родителей будущих супругов. Относилось это и к семьям элиты, в которых подбор мужа или жены диктовался обычно политическими или финансовыми соображениями, и к семьям крестьян или простых горожан. Подбор супруга осуществлялся родственниками и знакомыми, но не возбранялось прибегать и к помощи профессиональных брачных посредников, которых можно было бы назвать свахами, если бы не то обстоятельство, что среди них женщин было очень мало.

В последние годы молодые люди стали все чаще брать на себя инициативу в заключении браков, однако и в наши дни в большинстве случаев будущих супругов знакомят друг с другом посредники, в роли которых могут выступать как профессиональные свахи и сваты, так и, гораздо чаще, друзья или родители. Порою посредниками могут быть и начальники молодых людей. В фирмах решение семейных проблем сотрудников, особенно тех, которые уже перешли общепринятый брачный возраст, зачастую берет на себя их начальство.

Далеко не каждое организованное посредниками знакомство оканчивается браком. В большинстве случаев молодые люди, встретившись несколько раз, приходят к выводу, что они не хотят провести всю жизнь в общении друг с другом. После этого их встречи прекращаются, и они продолжают поиски «спутника жизни» дальше. Несколько отказов даже найденным родителями кандидатам не считаются чем-то предосудительным, хотя слишком уж большая привередливость и репутация «разборчивой невесты» или «разборчивого жениха» не красит молодых людей в глазах родителей и окружающих [3. С. 234–240].

В южнокорейском обществе XXI в. наблюдается органический сплав современных и традиционных ценностей, причем последние до сих пор играют в нем заметную роль. В то же время традиционные ценности претерпевают немалые изменения, особенно сейчас, когда влияние Запада на азиатские страны столь велико. Так, несмотря на все возрастающую значимость индивида и личного пространства, актуальность сохраняют такие традиционные элементы корейской культуры, как большая роль родителей и родственников в жизни корейцев, стремление принадлежать к какому-либо коллективу, обществу, желание работать в группе и крайнее нежелание работать в одиночку, готовность помочь и т.п.

В сфере образования при всей ее модернизированности также можно вычленить традиционные составляющие. Среди них: упор на механическое запоминание фактов, неспособность или нежелание

вступать в дебаты даже на специальных семинарах, что до сих пор часто наблюдается в корейских школах и вузах, а также определяющую роль в дальнейшей судьбе корейца не столько самого образования, сколько учебного заведения, в котором оно получено. В Республике Корея сохраняется традиционное трепетное отношение к природе, и озабоченность экологической обстановкой в родной стране является тому примером. Что же касается самих традиций, то не только корейский народ, но и власти страны по мере возможности стараются сохранять и поддерживать их [6].

Таким образом, традиционные ценности до сих пор продолжают оказывать заметное влияние на корейское общество. Корейцы принадлежат к одной этнической семье (этносу), говорящей на одном языке и имеющей общую культуру. Безусловно, корейская культура претерпевает изменения под влиянием экономического развития мирового сообщества, культурного обмена с другими государствами. Всё чаще общественное внимание устремляется на Запад. Традиции народа частично предаются забвению, наравне с религиями, характерными для государств Корейского полуострова.

3.2. Корейские праздники

Корейцы – рабочий народ. Но праздниками и памяtnыми датами никто не брезгует, а даже наоборот. Поскольку в стране используется два календаря, праздничных дат довольно-таки не мало. Не все праздники сохранили свои старинные обычаи. Но два главных праздника в году, а именно Лунный Новый Год и Чхусок продолжают праздновать, соблюдая традиции [7].

Праздники, обычаи и обряды, связанные с определенными календарными датами, в культуре и быту корейцев занимали и занимают одно из главных мест. Истоки этих праздников и обычаев различны: одни связаны с трудовой деятельностью народа, другие – с аграрными культурами и культом природы. Некоторые ритуалы, возникнув при ванском дворе и в придворных кругах феодальной Кореи, под влиянием официальной идеологии и государственной религии постепенно получили широкое распространение среди городского и сельского населения страны.

На рубеже XIX–XX вв. календарные праздники корейцев представляли собой сложные комплексы обычаев и обрядов, игр, развлечений, театрализованных действий, религиозных, философских, эстетиче-

ских и этических воззрений корейского народа, воззрений, которые формировались на протяжении многих столетий.

Сохранившиеся свидетельства древних и раннесредневековых китайских авторов, а также корейские мифы, легенды и предания позволяют считать, что в глубокой древности и на рубеже нашей эры празднества древнекорейских народов носили массовый характер, сопровождалась песнями, танцами, обрядами, исполнявшимися всеми членами общин, всем народом. Особенно яркими и, очевидно, оргиастическими по своему характеру были праздники, связанные с двумя основными вехами в жизни древних земледельцев – началом полевых работ и временем сбора урожая (табл. 1) [7. С. 3].

Таблица 1

Корейские праздники

Дата	Название	Название на корейском	Примечание	Гос. праздник	Флаг	Выходной
1	2	3	4	5	6	7
1 января	Новый год	신정		нет	нет	да
1-й день 1-й луны	Корейский Новый год	설날		нет	нет	да (3 дня)
1 марта	День провозглашения Декларации независимости Кореи	3·1절	Установлен в память 1 марта 1919 года, когда 33 патриота зачитали Декларацию независимости	да	да	да
5 мая	День детей	어린이날	Официально отмечается с 1961 года. Инициативу отметить этот день выдвинул в 1922 году детский писатель Пан Джон Хван (방정환)	нет	нет	да
8-й день 4-й луны	День рождения Будды	부처님 오신 날		нет	нет	да

Продолжение табл. 1

1	2	3	4	5	6	7
6 июня	День памяти	현충일	Установлен в память о тех, кто погиб в борьбе за независимость или на военной службе	нет	да (при- спу- щен)	да
17 июля	День Конституции	제헌절	Установлен в честь принятия Конституции Республики Корея 17 июля 1948 года	да	да	нет
15 августа	День освобождения	광복절	Установлен в честь капитуляции Японии в 1945 году. В этот же день в 1948 году было провозглашено создание Республики Корея (Южной Кореи)	да	да	да
15-й день 8-й луны	Чхусок	추석	День урожая и поминовения предков	нет	нет	да (3 дня)
1 октября	День вооружённых сил	국군의 날	Установлен в память о том, что 1 октября 1950 года во время Корейской войны вооружённые силы Республики Корея пересекли 38-ю параллель	нет	да	нет
3 октября	День основания страны	개천절	Считается, что в этот день в 2333 года до н.э. Тангун основал государство Кочосон	да	да	да

1	2	3	4	5	6	7
9 октября	День хангыля	한글날	Установлен в память о том, что 9 октября 1446 года указом вана Седжона был введён в действие национальный корейский алфавит хангыль	да	да	да
25 декабря	Рождество Христово	크리스마스		нет	нет	да

Примечание: сост. по: Евгений Штефан. Праздники в Корее // КИМ. – 2014. – 25 декабря.

В период правления династии Корё среди праздников годового цикла четко выделялись две категории: официальные праздники, которые определялись как «великие праздники», и народные, отмечавшиеся в периоды смены сезонов. К официальным праздникам были отнесены: Праздник фонарей (Ёнъдынъхве, 1-й день 2-го месяца); праздник Восьми духов (Пхальгванхве, 1-й день 10-го месяца или 15-й день 11-го месяца) и День омовения головы и расчесывания волос (Рюдуналь, 15-й день 6-го месяца). Народных сезонных праздников в период правления династии Корё, как свидетельствует «История династии Корё», было девять: Новый год (Соль, 1-й день 1-го лунного месяца); Праздник полнолуния 1-го лунного месяца (Чонъволь порым, Санъвон, 15-й день 1-го месяца); День холодной пищи (Хансик, на 105-й день после зимнего солнцестояния); Первый день змеи (Санъса, 3-й день 3-й луны); праздник Середины [года] (Тано, 5-й день 5-й луны); праздник Осеннего вечера (Чхусок, 15-й день 8-й луны); праздник Двойной девятки (Чунъгу, 9-й день 9-й луны); народный вариант праздника Восьми духов (Пхальгван, 15-й день 10-й луны); День зимнего солнцестояния (Тонъджи, 20-е числа 11-й, иногда 12-й луны).

В преддверии Нового года при дворе ванов Корё исполнялись танцы в масках. Среди них особое место занимали театрализованные представления «Танец Чхоёна», возникшие еще в период Силла. Эти представления были связаны с обрядами, молениями о благополучии

в наступающем году, о богатом урожае и процветании. «Танец Чхоёна» сохранялся и в последующие века.

В деревнях широко бытовал в эпоху Корё обычай хоги (кричащие знамена), согласно которому молодые люди ходили с флагами по домам, зажигали фонари и получали за это определенное вознаграждение. Этот обычай присутствовал и в период правления династии Ли. Запись о нем мы находим в трудах выдающегося корейского писателя и музыковеда, известного политического деятеля XV в. Сон Хёна (1439–1504). Он рассказывает о том, что в его времена в народе существовала традиция, согласно которой юноши и мальчики ранней весной, накануне Праздника фонарей, собирались вместе. Они мастерили из бумаги большие флаги, а из рыбьей кожи делали барабаны. Затем все вместе они обходили деревни и зажигали в каждом доме фонари, за что получали от хозяев подарки (обычно куски ткани). Очевидно, из-за того, что юноши подходили к каждому дому с шумным весельем, под звуки барабанов, этот обычай и получил название «кричащие знамена».

Например, в XIX в., согласно «Тонгук сесиги», в уезде Ённам существовал обычай устраивать в 15-й день 3-го месяца традиционный пир для конфуцианских ученых. На этом торжестве все участники занимали места строго по возрастным группам: 50-летние, 60–70-летние, 80–90-летние. Когда все рассаживались по своим местам, старейшина зачитывал клятву: «Сын, не почитающий родителей, да изгонится. Брат, живущий со своим братом в раздоре, да изгонится. Осуждающий государственную политику, да изгонится. В первую голову мы настойчиво советуем безупречно относиться друг к другу, во вторую – помогать одиноким матерям, в трети – защищать друг друга, в четвертую – оказывать взаимопомощь. Каждый в своем округе должен почитать родителей, следовать братству, верности, чтить традиции».

Синкретизм древнего музыкального исполнительства, танца и драматического действия в корейском искусстве был тесно связан с проведением ритуала и являлся своеобразной формой общения народа с божеством Ханыл (Небом). Из отношения к музыке как к посреднику между божеством и человеком следует восприятие музыкальных инструментов, выступающих средством извлечения звука для установления контакта с другими мирами, в качестве сакральных объектов.

Одним из самых значительных праздников годового цикла корейцев считался праздник Тано. Он отмечался в 5-й день 5-го месяца – в разгар летнего периода, когда пышно разрастаются и расцветают травы и цветы, созревают фрукты: вишни, персики, сливы.

В прошлом к этому времени крестьяне заканчивали посевы яровых культур и высадку рисовой рассады в поле. Завершение посевной сопровождалось народными торжествами – праздником Тано. Истоки праздника связаны, с одной стороны, с окончанием посевного периода в сельскохозяйственном цикле, с другой – с переломным моментом в природе – летним солнцестоянием (по григорианскому календарю – 22 июня), о чем свидетельствуют древние наименования праздника – Сезон знойного полдня, Сезон середины Неба.

Девятый месяц являлся месяцем, когда все полевые работы заканчивались. Крестьяне заготавливали себе на зиму различные овощи (редьку, репу, чеснок, перец, капусту и пр.). Часто устраивались пиршества, в которых участвовала вся деревня.

Одним из самых любимых и древних праздников осени был праздник, отмечавшийся в 9-й день 9-го месяца – праздник Двойной девятки «*Чуньгу*». Этот день считался и Праздником хризантем. Многие прилагали все свое старание, чтобы развести и вырастить самые красивые экземпляры этого растения. Ко времени праздника хризантемы обычно были в полном цвету; владелец красивых и крупных цветов созывал к себе знакомых, которым с гордостью показывал лучшие экземпляры растения. Обильное угощение довершало этот своеобразный праздник. Среди непрменных праздничных блюд были пирожки, приготовленные из желтых лепестков хризантем и рисовой муки. Их запивали сладким соком с мелко нарезанными мандаринами, грушами, гранатами и орехами.

Последние дни старого года были насыщены различными обрядами. По традиции считалось весьма важным к концу года завершить все дела, уладить денежные расчеты, поэтому каждая семья спешила уплатить свои долги. Долг можно было отдать и в последний день года.

В семьях среднего сословия, придерживавшихся конфуцианского учения, их члены посещали храмы, где отвешивали в знак уважения низкий поклон духам своих родных. Такой обряд назывался «прощание со старым годом». В этот день все – и богатые, и бедные – освещали свои комнаты бумажными фонариками.

Новогодний праздник приходился на период, когда обозначались первые признаки пробуждения природы. После холодной зимы приближение весны встречали как праздник возрождения природы и новой жизни. Начиналась подготовка к новому годовому сельскохозяйственному циклу; с ней были связаны надежды на благоприятную погоду и обильный урожай. Это естественное желание благополучия и счастья в течение сотен поколений облекалось в строгую обязательную обряд-

ность, принимавшую нередко магико-религиозный характер. Согласно народным верованиям благополучие и счастье человека зависели от сверхъестественных сил – сил природы и фантастических существ.

Поэтому значимое место занимали обряды, направленные на умиротворение враждебных нечистых духов и ограждение людей от их пагубного влияния, для чего необходимо было заручиться поддержкой и помощью тайных сил природы и духов предков [9].

Главные официальные, календарные праздники в Корее:

1 января – Новый год,

1 марта – День движения за независимость (в честь Первоапрельской демонстрации за независимость 1919 г.),

5 апреля – День высадки деревьев (перестал быть выходным),

Конец апреля – начало мая – День рождения Будды,

1 мая – официально не является выходным, но госучреждения и многие компании часто не работают,

5 мая – День детей,

6 июня – День памяти павших,

17 июля – День Конституции,

15 августа – День освобождения,

3 октября – День основания Кореи мифическим правителем Тангуном,

9 октября – День корейской письменности Хангыль,

25 декабря – Католическое Рождество.

Таким образом, в новое и новейшее время традиционные обычаи и обряды, особенно календарные праздники, стали восприниматься как одна из форм проявления национальной культуры, как одно из выражений этнического самосознания народа. Корейцы не изменяют своим убеждениям, верованиям, а в отношении праздников и традиций особенно, ведь это очень важные и красочные моменты в жизни.

Литература по теме

1. Иргебаев А.Т., Тимонин А.А. Корейская Народно-Демократическая Республика: справочник. – М.: Политиздат, 1988. – 109 с.

2. Ли Г.Н. Обычаи и обряды корейцев России и СНГ [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/li-grigorij-nikolaevich-oby-chai-i-obryady-korejtsev-rossii-i-sng/> (дата обращения 04.07.2016).

3. Ланьков А. Корея. Будни и праздники. – М.: Международные отношения, 2000. – 480 с.

4. Ионова Ю.В. Погребальные обряды корейцев [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/yu-v-ionova-pogrebalnye-obryady-korejtsjev/> (дата обращения 04.07.2016).

5. Дмитриевский А. Записки, составленные переводчиком при окрестном управлении на острове Цусима, Отано Кигаро // Зап. Имп. Русск. геогр. общ. по общей геогр. Т. XII. – СПб., 1884, № 4, прил. («Великое собрание законов»).

6. Лачина Е.В. Традиционные ценности в современной [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/traditsionnye-tsennosti-v-sovremennoj-koree/> (дата обращения 05.07.2016).

7. Культура и обычаи Кореи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.all-lims.ru/publ/9-1-0-19> (дата обращения 05.07.2016).

8. Ждарылгасинова Р.Ш., Крюков М.В. Календарные традиции и обряды народов Восточной Азии. Новый год Крюков. – М.: Наука, 1985. – 262 с.

9. Календарные обычаи и обряды народов Восточной Азии. Годовой цикл. Корейцы [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/kalendarny-e-oby-chai-i-obryady-narodov-vostochnoj-azii-godovoj-tsikl-korejtsy/> (дата обращения 05.07.2016).

Контрольные вопросы

1. Как конфуцианство повлияло на корейские традиции и праздники?
2. Как проходили погребальные ритуалы корейцев?
3. Назовите главные характерные особенности корейского быта.
4. Каким образом проходит воспитание ребенка в корейской семье?
5. Как изменилась современная корейская свадьба в отличие от традиционной?
6. Какие традиционные корейские праздники не утратили силу в современной Корее?

Темы для рефератов

1. Влияние конфуцианства на обычаи и поведение корейцев.
2. Современные обряды и традиции корейского народа.
3. Праздники в Северной и Южной Корее.

Тема 4. ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ

В развитии и становлении национального костюма отразилась сложная этнокультурная история корейцев, которая еще недостаточно изучена. Наиболее убедительной считается выдвинутая в науке версия о северном, связанном с перемещением с территории Северо-Восточной Азии, и южном, связанном с малайским миром, компонентах в этногенезе корейцев. Весьма вероятно, что существует также связь корейского костюма с одеждой народов Сибири и восточноазиатских народов.

Одежда служила человеку для защиты от воздействия внешней среды (для этого он использовал шкуры зверей и растения), а также для украшения, о чём свидетельствуют множество форм, расцветок и рисунков, которыми люди на протяжении тысячелетий украшали свою одежду. Потребность украшать тело возникла даже гораздо раньше, чем сама одежда, так как ещё задолго до её появления люди раскрашивали своё тело в разные цвета.

Первоначально одежда имела магическое значение. Надев шкуру диких животных с зубами, лапами и когтями, человек думал, что он способен заклинать силы этих животных [6. С. 5]. В первобытном обществе изготовление одежды и украшений являлось личным делом каждого человека. В результате внутри родовой общины более умелый человек мог иметь богатую с великолепными украшениями одежду [Там же. С. 6].

Эстетика традиционного корейского костюма исходит из благородства материала, простоты формы и конструкции изделий. Двухчастное деление (у женщин куртка чогори – сверху и юбка чхима снизу; у мужчин – чогори и штаны паджи) корейского костюма присуще ему с глубокой древности, гармонично отображает определённый ритм и пропорции человеческого тела, отвечает национальным представлениям о красоте. Связь национальных традиций корейцев с танцевальной пластикой опосредована представлениями об эстетике одежды, ибо

в корейском танце не принято демонстрировать обнажённое тело – не только женское, но и мужское.

Корейское слово «одежда» выглядит в иероглифической графике как схематичный образ человека с расставленными ногами и разведёнными горизонтально руками, т.е. человека, полностью открытого миру. Этот иероглиф был разработан изобретателем корейского алфавита государем Седжоном, утверждавшим, что одежда отражает характер того, кто её носит, характер народа.

При исполнении одного из самых популярных традиционных танцев Бучэчхум, или Танца с веерами, танцующие надевают национальный костюм ханбок, а в руках держат яркие веера из перьев. С помощью вееров создаются «волна», «цветок» и другие красочные элементы» [7], но всё внимание этого номера направлено на подчёркивание огромной роли костюма в Корее, а именно: ханбок – символ традиционализма, глубокого сохранения культурных ценностей и выражения специфики, индивидуальности корейского народа. История костюма интересна и уникальна в своём роде.

Первоначально ханбок изготовляли из конопляной ткани, дающей ощущение прохлады в жаркое время, а в холодное – сохраняющей тепло. Конопляный ханбок желтоватого естественного цвета носили все слои общества: и клановая знать, и бедняки. Но к концу I тыс. н.э. в Корее появились изысканные китайские шелка, сделавшиеся вскоре преимущественным материалом для изготовления одежды знати и чиновничества. В XIV–XV вв. корейцы начали возделывать хлопчатник, и хлопковые ханбоки получили распространение как весенняя одежда всех сословий.

Традиционный костюм ханбок значительно отличается от японских и китайских аналогов, его внешний вид и внутренний образный посыл являются ключом для понимания особенностей национальной корейской культуры. В одежде прослеживается стиль жизни и характер самого народа. Название «ханбок» собирательно (об этом свидетельствует само его смысловое значение «корейский костюм»), его применяют по отношению как к мужскому, так и к женскому одеянию [1. С. 11]. Под этим словом скрывается множество типов одежды, характерной для старой Кореи.

Ханбок – традиционная одежда корейцев, естественная и неприменная черта их особенного национального духа. Бывают дни, когда кажется, что все корейцы одеты в ханбоки. В один из таких дней, день рождения Будды, не являющийся государственным праздником, на одном из главных стадионов страны собираются сотни тысяч корейцев

в ханбоках и с цветными бумажными фонариками. После ритуальных речей и песнопений со всеми карнавальными атрибутами на различных праздничных повозках и конструкциях с фольклорными сценами из жизни Будды все бродят по городу в многокилометровых колоннах [19. С. 288].

Корейский ханбок структурно делится на две части – верхнюю и нижнюю, отражая космологические представления о дуализме всего сущего во Вселенной – *ым* и *ян* (соответствует кит. Инь и Ян). Верхняя часть одинакова и в мужской, и в женской версиях. Основу ханбок составляет свободный распашной кафтан, открытый спереди и завязывающийся на бант с помощью широкой ленты – пояса корым на правую сторону вне зависимости от пола. Корым был не только функциональным элементом. Пояс играл роль декоративного украшения, отличаясь от одежды цветовой гаммой. Характерной для европейского костюма строгой дифференциации деталей одежды на мужские и женские (расположение застёжек или наличие гульфика) в ханбоке не существует. В целом на Дальнем Востоке тенденции в одежде всегда лежали в иной плоскости, определяя род занятий и социальное положение, указывая на принадлежность человека к той или иной религии и т. д.

Женский вариант ханбок, сложившийся во времена династии Ли (1392–1910), представляет собой удлиненное платье с поднятой на уровень груди талией или же короткая расклешенная блузка чогори в сочетании с удлиненной юбкой чхима, имеющей завышенную талию, под ней для создания эффекта объемного силуэта носят несколько нижних юбок. Чхима подпоясывается высоко под грудью и спускается складками почти до пят. Под юбку или платье надевают короткие или удлиненные шаровары (коджаны) из холщовой или хлопчатобумажной ткани. Они выполняют роль нижнего белья и являются как бы продолжением блузки чогори. К кофте пришивается лента из яркой ткани в виде банта, служащая для фиксации одежды. Считается, что такой вид одежды скрывает недостатки женской фигуры, свойственные кореянкам, и максимально высвечивает их достоинства, делая походку и движения женщин мягкими и грациозными, кроме того, в такой удлиненной, похожей на колокол юбке кореянка выглядит стройнее и выше [1. С. 11].

Ханбок – это самый доступный вид корейского искусства, произведение которого можно увидеть на улицах корейских городов и деревень и даже на показах мод в Париже. Корейская национальная одежда ханбок шьётся на заказ из разных тканей и может быть разных цветов в зависимости от возраста владельца и обстоятельств. Девушки носят ярко-красные юбки-сарафаны чхима и короткие блузы жёлтого цвета

чогори с разноцветными в полоску рукавами; молодые замужние женщины одеваются в красные юбки и блузы зелёного цвета. Женщины постарше могут выбирать ткани из множества ярких цветов и рисунков. В особо торжественных случаях и женщины, и мужчины надевают более нарядный ханбок. Для холодного времени года ханбок шьется из шёлка или атласа, а одежду для весенне-летнего периода делают из легких тканей [10. С. 39].

В корейской культуре господствует мнение, что ханбок идеально соответствует климатическим условиям страны и является воплощением национальной эстетики, а безразмерные чхима и паджа (юбка и брюки) выражают свойственную национальному характеру широту и эмоциональное тепло. Скрывающий телесные формы и драпирующий человеческую фигуру сверху до низу, этот костюм отразил также и этические ценностно-нормативные представления конфуцианского общества, в котором высшей добродетелью мужчины считались честность намерений и чистота сердца, а женщины – целомудренное поведение.

Под влиянием моды, пришедшей из Китая, корейские дворяне стали носить широкие шаровары и жакеты с поясами, а женщины благородного происхождения – длинные юбки-брюки и длинные жакеты (к концу периода Трёх Государств). Позже, под влиянием монгольской моды, жакеты стали короче, появились юбки с высокой талией. К XV веку юбки стали подпоясывать подмышками, а жакеты были укорочены, и с тех пор женское платье ханбок изменилось мало. Рукава, скроенные по косой, узкий белый воротничок и бант с одной стороны платья – это три элемента, по которым оценивается красота женского ханбока.

Мужской костюм отличается от женского тем, что вместо юбки *чхима* он включает широкие брюки *паджи*, также мужская кофта *чогори* существенно длиннее женской и достаёт до пояса, по сути дела это удлинённый кафтан. В качестве нижнего белья используют специальные варианты *чогори* и *паджи*. Дополнением служат жилетка *чокки* и короткий пиджак *магоджа*. Непременной частью мужского костюма был головной убор, в зависимости от социального положения его изготавливали из конского волоса (традиционная шляпа *кат*), тонких бамбуковых планок, промасленной бумаги *кальмо* или рисовой соломки. Мужчины собирали волосы в тугий высокий узел и повязывали голову полоской ткани *мангон*. Такой обычай до сих пор широко распространён в сельской местности. В ненастье и холодное время года поверх ханбок мужчины и женщины надевали плащ *турумаги* с прорезями вместо рукавов. У состоятельных людей он мог быть подбитым ватой и украшен меховой оторочкой. На ноги надевались стёганные носки

с подкладкой *посон*. Обувь не отличалась разнообразием – это матерчатые с вышивкой тапочки *котсин*, соломенные лапти *чипсин*. С начала XX в. распространяется каучуковая и резиновая обувь – *комусин*.

По своему предназначению одежда делилась на три типа: повседневный (обычное бытовое одеяние), ритуальный (одежда праздничная и обрядовая) и военный костюм [1. С. 11–12].

Глубокий символический смысл имеет в корейском национальном костюме цвет. Излюбленным цветом повседневной одежды традиционно считался белый. Кроме него основу одежды составляли красный, синий, черный и желтый цвета. Каждый цвет имел свое значение: красный ассоциировался со счастьем и богатством, синий (индиго) – с постоянством, чёрный – с бесконечностью и творческим началом, жёлтый – с харизмой государственной власти, белый являлся символом скромности и чистоты помыслов.

Праздничная одежда шилась из ярких тканей контрастных цветов. Непривычная для европейцев красно-зелёно-жёлтая гамма всегда радовала глаз корейцев. Однако белый цвет был самым популярным, т.к. символизировал скромность и чистоту душевных помыслов. Существовала и иная социальная символика цвета: например, на свадьбе синяя одежда предназначалась для матери жениха, розовая – для матери невесты, пурпурный цвет воротника блузы означал, что женщина состоит в браке, а голубые манжеты – что она имеет сына, жёлтая блуза и красная юбка служили праздничным оформлением внешности незамужних женщин (девушек на выданье) [10. С. 272–274].

Национальный костюм дополнялся различными аксессуарами: лентами, кошельками, подвесками и другими предметами. Аристократки периода Чосон проводили сотни часов, вышивая длинные декоративные ленты для волос, шёлковые кошельки покчумони для мужчин и женщин. Изготавливали норигэ – подвески с петлёй наверху и длинной шёлковой кисточкой, которые прикрепляются под бант на блузе. На них вышивался орнамент, украшались резной яшмой или маленьким серебряным кинжалом. Мужские аксессуары состояли в основном из жёсткой шляпы, сделанной из конского волоса (такие шляпы были распространены с периода Силла и до начала нашего века) и длинного шёлкового шнура, обвязанного вокруг груди. В наши дни мужчины пользуются этими элементами одежды только в особых случаях [10. С. 96].

В наши дни национальную одежду надевают только в торжественных случаях – на свадьбу, встречу Нового года или празднества по случаю 60-летнего юбилея родственника или знакомого. Но всё же ханбок можно увидеть почти каждый день на улицах и в метро, осо-

бенно на пожилых людях, которые чаще носят традиционное платье [10. С. 39]. Это свидетельствует о том, что в наши дни ношение традиционного национального костюма объясняется стремлением корейцев сохранить и закрепить культурное наследие своих предков. Ханбок символизировал незыблемость общественных устоев, поэтому в танцевальном искусстве является столь же важным художественным средством эстетического воздействия, сколько и собственно телесная пластика.

Со второй половины XIX в. и по настоящее время в Корее распространяются европейский костюм яньбок и европейская мода. Поэтому Ханбок приобрёл в основном торжественный и сакральный смысл. Но своё второе рождение он получил в традиционном хореографическом искусстве, где придерживаются национальных традиций и сохраняют традиционный костюм в первоизданном виде. Все танцы, начиная с народных и заканчивая придворными и ритуальными, например: Сальпури, танец Чхоёна, танец соловья и др. – исполняются строго в традиционных костюмах с учётом значения танца. В современной хореографии в настоящее время, что немаловажно, происходит возврат к традиционному танцевальному искусству и, конечно же, к традиционному костюму. Это мы наблюдаем в таких постановках как танец с веерами, танец с мечами, национальном балете «Легенда о верной Чхунян» и др.

Обычно очень яркая и броская ритуальная одежда шамана во время проведения обрядов имела не только зрительно-эмоциональное воздействие, но и несла определённую функциональную нагрузку. Практически для каждого обряда требовалось своё одеяние. Иногда, при определенных ритуалах, одежда шамана представляла собой фантастическое зрелище, что было весьма существенно в контексте таинственности самого действия. По образной сути – яркостью красок, активностью цветовых отношений, богатством пластики и обилием украшений шаманский костюм на протяжении многих веков почти не изменялся. Более того, шаманы современности своими одеяниями стараются и сейчас в подробных деталях следовать традиционным образцам.

Одежда шамана, его атрибуты и музыкальные инструменты несли большую функциональную нагрузку во время камлания. Для каждого важного шаманского обряда требовалась особая «священная» одежда. При обряде, посвящённом духу гор, шаманка надевала синюю юбку, а поверх неё одежду воина «с небесными крыльями» и подпоясывалась красным кушаком. Головным убором служила большая соломенная шляпа красного цвета.

При обряде поклонения Чесоку (Владыке пяти частей света, духу урожая) шаманки надевали белую буддийскую шапку, длинную белую одежду,

а поверх неё безрукавку с металлическими бляхами, в руки брали чётки и веер. Одежда шаманов имела фантастический вид [11. С. 18].

Следует отметить среди различных типов шаманской одежды му-дань, элементы военного костюма, например, металлический шлем, плащ-панцирь с пластинами из кожи, прикрепленными металлическими бляхами, и оружие (меч, копьё, трезубец, стрелы). Военный костюм выполнял защитные функции. Функциональное назначение военного костюма, надеваемого корейской шаманкой, показать, что она воплощает в себе одного из мифических предводителей небесного воинства. Тому служит примером шаманское одеяние с элементами военного костюма, функциональным назначением которого является воплощение одного из мифических представлений небесного воинства. Главный элемент такого костюма – синий плащ намчхоллик, служивший формой военных офицеров не ниже третьего ранга в эпоху Чосон. Он имеет прямой вырез, а у талии собирается в складку. Ранее к этому костюму добавляли панцирь с кожаными пластинами, металлические бляхи и всевозможные декоративные нашивки. К костюму также полагались некоторые виды оружия: меч, трезубец, копьё и стрелы [12. С. 93].

И. Бишоп отмечала, что одежда шаманок шилась из дорогой шёлковой ткани, часто с цветными полосатыми рукавами, украшалась богатой вышивкой, к ней прикреплялись шёлковые, расшитые, как правило, цветочным орнаментом полосы, спускавшиеся от пояса вниз поверх юбки, которые обвивались вокруг тела шаманки во время танца [13. С. 252].

Интересно, что мужчинам-шаманам, как и женщинам, был присущ своеобразный ритуальный трансвестизм (переодевание в одежду другого пола). Перед исполнением ритуальных танцев и песен многие мужчины надевали на себя женскую одежду и имели женоподобный вид. Песни и танцы являлись для них главной работой, так как они не имели права совершать какие-либо самостоятельные обряды – кут. В свою очередь женщины-шаманки во время обрядов часто надевали мужской костюм, соответствовавший значимости того или иного ритуала [12. С. 90].

Ханбок – символ традиционализма, глубокого сохранения культурных ценностей и выражения специфики, индивидуальности корейского народа. История костюма интересна и уникальна в своём роде.

Самыми древними элементами женского костюма были длинные, присобранные внизу штаны *паджи* и длинная подпоясанная кофта *чогори*. *Паджи* имели широкие штанины, и этот покрой почти полностью сохранялся в женском корейском национальном костюме вплоть до XIX в. В период Когурё *паджи* были одним из основных элементов женской одежды, что свидетельствует о древних культур-

ных связях когурёсцев с кочевыми народами Восточной Азии. Еще в конце XIX в. корейки нередко ходили в одних *паджи* без юбки. Благодаря фрескам можно установить, что *паджи* выполнялись из тканей золотистого, черного и белого цветов [2. С. 12].

Традиционный корейский костюм *ханбок* (рис. 1) значительно отличается от японских и китайских аналогов, его внешний вид и внутренний образный посыл являются ключом для понимания особенностей национальной корейской культуры. В одежде прослеживается стиль жизни и характер самого народа. При желании в национальном одеянии корейцев можно усмотреть влияние китайских и даже монгольских корней, но они настолько трансформировались под влиянием местных природно-климатических условий, социально-экономических и политических факторов, народных вкусов и предпочтений, что на сегодняшний день ханбок для корейца является таким же исключительным национальным символом корейца, как *кимоно* для японца.

Рис. 1. Традиционный ханбок

Основу ханбок составляет свободный распашной кафтан, открытый спереди и завязывающийся на бант с помощью широкой ленты-пояса *корым* на правую сторону вне зависимости от пола. Корым была не только функциональным элементом, но и играла роль декоративного украшения, отличаясь от одежды цветовой гаммой. Характерной для европейского костюма строгой дифференциации деталей одежды на мужские и женские (расположение застежек или наличие гульфика и ширинки) в ханбоке не наблюдается. В целом на Дальнем Востоке различия в одежде всегда лежали в иной плоскости, определяя род занятий и социальное положение, указывая на принадлежность человека к той или иной религии и т.д.

Завершают наряд белые носки *посон* и шелковые с вышивкой туфли *котсин* (рис. 2).

Рис. 2. Посон

Рис. 3. Котсин

Цвет женской одежды зависел от возраста: девушки и молодые женщины шили одежду из ярких тканей: красных, синих, зеленых, желтых и др.; женщины после тридцати лет могли носить фиолетовую одежду, а пожилые женщины – преимущественно белую. Крестьянки для работы надевали синие, а в конце века черные короткие юбки. Выходя на улицу, женщины набрасывали на голову халат и при встрече с посторонним мужчиной прикрывали полами халата лицо. Обычай этот был больше распространен среди знати и горожан [4].

Детская одежда копировала одежду взрослых. Как только ребенок начинал ходить, ему дарили штаны и куртку. Одежда девочек отличалась от одежды мальчиков после пятилетнего возраста. Летом дети ходили голыми или одетыми в короткие курточки [3] (рис. 4).

Рис. 4. Детские костюмы

В женском варианте ханбок, сложившийся во времена династии *Ли*, представляет удлиненное платье с поднятой на уровень груди талией или же короткую расклешенную блузку *чогори* в сочетании с удлиненной юбкой *чхима*, имеющей завышенную талию, под ней для

создания эффекта объемного силуэта носят несколько нижних юбок. Чхима подпоясывается высоко под грудью и спускается складками почти до пят. Под юбку или платье надевают короткие или удлиненные шаровары *коджаный* из холщовой или хлопчатобумажной ткани, они служат как нижнее белье и дополняются нижней чогори. К кофте пришивается лента из яркой ткани в виде банта, служащая для фиксации одежды. Считается, что такой вид одежды скрывает недостатки женской фигуры, свойственные кореянкам, и максимально высвечивает их достоинства, делая походку и движения женщин мягкими и грациозными, кроме того, в такой удлиненной, похожей на колокол юбке кореянка выглядит стройнее и выше. В КНДР можно увидеть весьма специфичный вариант платья, оно укорочено, его длина поднимается чуть выше щиколотки. Большое внимание всегда уделяли прическе и украшающим её головным шпилькам, многие из которых можно считать шедеврами прикладного искусства.

Своеобразной расцветкой отличалась одежда танцоров, музыкантов и, возможно, шаманов – по светлому фону ткани наносился ритмичный орнамент в виде темных пятен (роспись из гробницы «Ссаньенчхон») [3].

Ханбок преобразуется в современном мире, становится более удобным и на правах модной и дорогой одежды входит в жизнь современных жителей Кореи. Его сейчас надевают не только на праздники и свадьбы. Корейские модельеры смогли разработать буквально за несколько последних лет молодежный национальный стиль – ханбок для бытовой носки, и эти удобные, элегантные костюмы быстро завоевали себе место на изобильном рынке корейской одежды. В осовремененном ханбоке с удовольствием ходят и дети, и юные девушки – придиричивые модницы. Единственный недостаток «повседневного ханбока» – его дороговизна. И окраска ткани, и шитье производятся вручную, что, конечно, отражается на цене [1. С. 286].

Знатные женщины в торжественных случаях сооружали на голове высокие и сложные прически с помощью накладных волос и длинных шпилек. Несколько бронзовых позолоченных шпилек длиной до 13 см каждая были найдены при раскопках когурёского поселения в окрестностях г. Цзиань. В «Самгуг саги» указано, что королевская семья, знать и простолюдины должны были носить разные шпильки – *пинье*. Согласно этому манускрипту традиция носить различные прически и виды заколок берет свое начало еще в эпоху Трех Государств. При выполнении высоких причесок широко использовались ленты.

Рис. 5. Заколка

Очень интересны прически и головные уборы. В основном благородные дамы носили прямой пробор и гладкую укладку, основная масса волос укладывалась в узел или форму из кос ниже затылка. Такая прическа украшалась заколками (рис. 5).

Корейские традиционные прически состоят из большого количества накладных кос, специальных шпилек и заколок из драгоценных металлов (рис. 6).

Рис. 6. Вариант повседневной прически придворной дамы. Заколки из золота с драгоценными камнями и яшмой

К когурёским прическам восходит современная свадебная причёска невесты – *кхын мори* («большие волосы»). В повседневной жизни были распространены более скромные причёски – гладко уложенные волосы, лишь иногда украшенные лентами [2. С. 12].

Литература по теме

1. Габрусенко Т.В. Эти непонятные корейцы. – М.: Муравей, 2003. – 304 с.
2. Данилова О.Н. Костюм народов Зарубежной Азии. – Владивосток, 2011. – 19 с.
3. Характерные черты одежды корейцев и некоторые вопросы ее развития [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/you-v-ionova-harakternye-cherty-odezhdy-korejtssev-i-nekotorye-voprosy-ee-razvitiya> / (дата обращения 04.07.2016).
4. Толстых И.Н. Этнокультурные особенности хореографического искусства корейцев: дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2010. – 183 с.
5. Корейский национальный костюм [Электронный ресурс]. URL: <http://korea-blog.livejournal.com/24536.html> (дата обращения 04.07.2016).
6. Тиль Э. История костюма / пер. с нем. – М.: Лёгкая индустрия, 1971. – 104 с.
7. Чумыль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorabol.ac.kr/atone/> (дата обращения 10.07.2016).
8. Малевич И.А. Когда в Европе ещё вчера, в Корее уже завтра. – Минск: Харвест, 2002. – 304 с.
9. Добро пожаловать в Республику Корея! – Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 2008. – 195 с.
10. Волков С.В., Симбирцева Т.М. Корея. – М.: Наука, 2000. – 340 с.
11. Ионова Ю.В. Шаманство в Корее (XIX – начало XX в.) // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии: сб. ст. – М.: Наука, 1980.
12. Марков В.М. Республика Корея, традиции и современность в культуре второй половины XX века. Взгляд из России. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1999. – 449 с.
13. Bishop I.B. Korea and Her Neighbours. – London, 1898. – 452 p.

Контрольные вопросы

1. Из каких частей состоит женский костюм?
2. Какую обувь используют с ханбок?
3. Из каких частей состоит детский ханбок?
4. Виды костюма «ханбок».
5. С какого возраста мальчики и девочки начинают носить традиционную одежду?
6. Раскройте характерные особенности традиционной корейской одежды.
7. От чего зависит цвет костюма у корейских женщин?
8. Почему свадебный наряд украшали вышивкой цветов и павлинов?

Темы для рефератов

1. Особенности корейского женского национального костюма.
2. Костюмы для свадебных церемоний в Корее.
3. Роль цвета в традиционном корейском костюме.

Тема 5. ДЕКОРАТИВНО-ПРИКЛАДНОЕ И ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОЕ ИСКУССТВО КОРЕИ

5.1. Декоративно-прикладное искусство в период Трех Государств

Богатая живописная традиция Трех Государств, основанная на курганных фресках, общеизвестна. Необходимо подчеркнуть жанровую ограниченность живописи Самгук (кроме фресок, иные изображения отсутствуют) и ее четкую локализацию в северокорейских курганах Когурё. Если в северной части полуострова раскопано около 70 памятников с огромным количеством фресок, то находки фресок в Пэкче и Силла – исключительное явление. Большинство настенных изображений связаны с курганами на правом берегу р. Амноккан в районе ранней столицы Когурё Хвандо, с районом Тункоу (Цзиань, КНР) и, наконец, с гробницами в Анаке и Кансо (Южный Пхёнан). Примечательной особенностью когурёских фресок является их прекрасное состояние, в то время как рисунки на стенах усыпальниц двух других государств сохранились плохо и фрагментарно.

Создатели фресок применяли два варианта красителей: растительного происхождения и минеральные. За исключением охры, в Когурё производились только растительные краски, минеральные привозили из Китая. Дорогие минеральные краски не потеряли своей свежести до наших дней, а их растительные аналоги не выдержали испытания временем. В техническом отношении фрески практически идентичны: сначала вырисовывался черный контур изображения, затем его раскрашивали густыми мазками. Когда рисунок высыхал, некоторые детали фрески еще раз обводили черной краской по контуру, с тем чтобы отчетливей прорисовать изображение [1. С. 78].

В ходе комплексного изучения курганных погребений настенные рисунки удалось датировать IV–VII вв. Ранние фрески, относящиеся к периоду до конца V в., отличаются жесткостью контура, фронтальным

расположением сидящих человеческих фигур, изображают покойного и его супругу, а также дом-усадебу. Рисунки среднего периода (начало – конец VI в.) интересны передачей различных планов и перспектив, на них фигурируют покойный и его окружение в различных жизненных ситуациях: на пиру, охоте, церемониях; помимо изображения людей представлен условный пейзаж. Поздние фрески (конец VI – начало VII в.) воспроизводят изображения мифологического содержания, главным образом духов четырёх сторон света. Несмотря на исключения, когда изображения четырёх духов-хранителей относятся к первой половине IV в., а бытовые фрески – к VII в., прослеживается явная тенденция развития сюжета рисунков от бытовых сюжетов к общественным, а затем – к сакральным и мифологическим.

Ранний и средний варианты стенописи широко представлены в среднем течении р. Амнокан, у Тункоу, где когда-то располагались столицы Когурё. Концом IV – первой половиной V в. датируются гробницы Самсильчхон, Саллёнхвачхон («Гробница опадающих лотосов»), Какчочхон, Муёнчхон, к VI в. относится Сасинчхон («Гробница четырёх духов-хранителей»).

Замечательно изображен на потолке одной из камер Саллёнхвачхон небесный свод с солнцем, луной и звездами в обрамлении цветов лотоса. Какчочхон дает представление о жанровых сюжетах, самым примечательным из них является яростный поединок двух полуобнаженных борцов. В Муёнчхон развернута большая композиция в стиле китайской стенописи династии Хань, изображающая пиршество с участием музыкантов, танцоров, актеров и акробатов.

Большая серия фресок покрывает стены усыпальницы Ссаньёнчхон (рис. 7), или «Гробницы с двумя колоннами» (Токхвари, Южный Пхёнан, 409 г.).

Рис. 7. Роспись гробницы Ссаньёнчхон

Большинство из них относятся к бытовому жанру. Например, процессия на конях и в боевом вооружении движется вслед за экипажем, где под зонтом сидит вельможа. Стенопись детально воспроизводит костюмы, облик оружия, повозок и архитектурных сооружений, отчетливо выделяет прислугу и аристократов, столь детальные материалы имеют не только художественное, но и историческое значение. Еще одна особенность фресок «Гробницы с двумя колоннами» заключается в применении исключительно минеральных красок, благодаря чему рисунки хорошо сохранились и поражают полихромным сочетанием коричневато-красных, голубовато-зелёных, золотистых, охристых тонов и киновари. Их применение свидетельствует о знатности и богатстве семьи покойного [1. С. 78–79].

Всемирную известность получили три гробницы Саммё (Кансо, Южный Пхёнан), ставшие символом когурёских фресок позднего периода. Главная из них – Тэмё («Большая гробница», 565 г.) – считается захоронением вана Янвона (545–558), в ней представлены шедевры мифологической стенописи сасин, изображавшей духов-хранителей стран света.

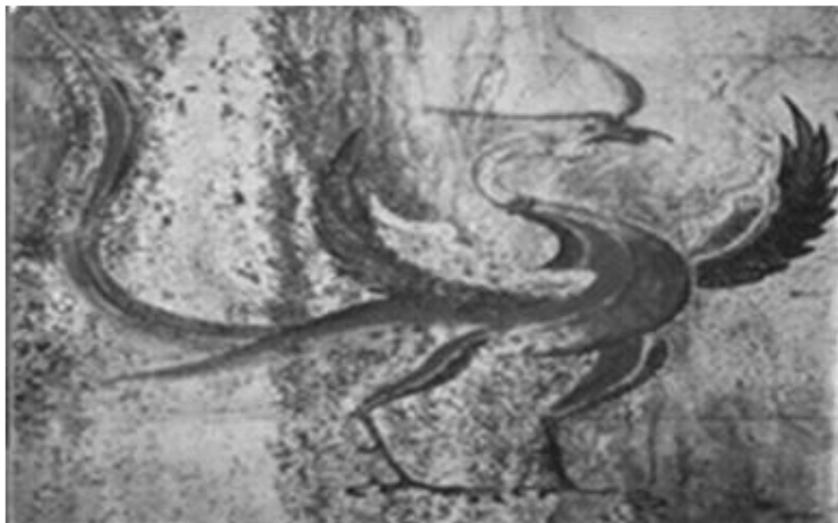

Рис. 8. Роспись Большой гробницы – пурпурная птица, хранитель Юга

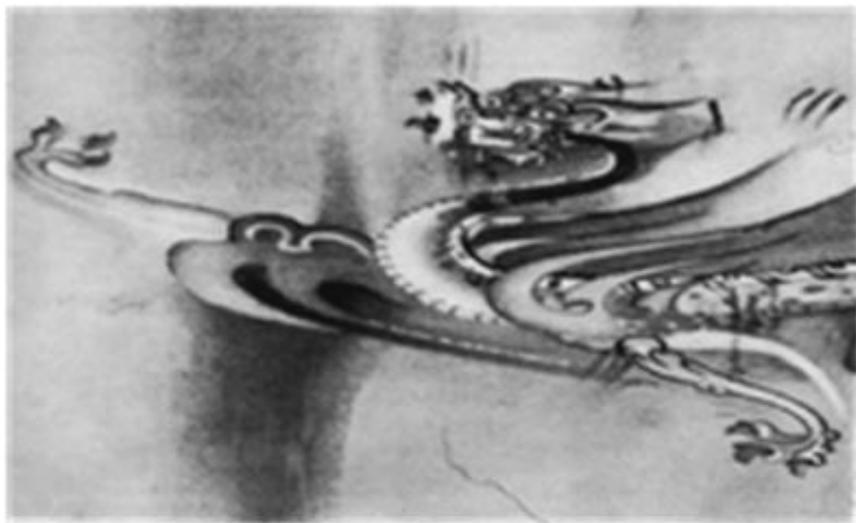

Рис. 9. Роспись Большой гробницы – зеленый дракон, хранитель Востока

Выполненные растительными и минеральными красками нежных, спокойных тонов, монументальные изображения мифических животных: черепахи, обвитой змеей (хранительницы Севера хёнму), пурпурной птицы чуджак (покровителя Юга, возможно сопоставление с фениксом) (рис. 8), зеленого дракона чхоннён (стража Востока) (рис. 9) и белого тигра пэкхо (защитник Запада, его изображение сохранилось плохо) – до сих пор в Корее считаются наиболее совершенным воплощением древней космогонической идеи о единстве стихий земли и неба, даосских и буддийских представлений о мире природы и человека. Фрески двух других гробниц Саммё кроме подобных мифологических сюжетов содержат пейзажные зарисовки [1. С. 80].

Когда говорят о достижениях ремесел в ранней Корее, то прежде всего упоминают королевские короны, которые были найдены в гробницах. Как правило, короны изготавливались из бронзы и покрывались позолотой. Однако обнаружены четыре силлаские короны, выполненные из чистого золота. Форма корон напоминает рога животных. В этом прослеживают связь культуры ранней Кореи с сибирскими (скифскими) культурными пластами.

Кроме того, в королевских гробницах Когурё, Пэкче и Силла были найдены золотые серьги, серебряные шпильки для волос, бронзовые зеркала, изделия из стекла (кувшины, кубки, бусы), а также упряжь для

лошадей и многое другое. Больше всего ремесленных изделий сохранилось в силласких гробницах, расположенных на южной оконечности Корейского полуострова, в районе которого происходило не так много баталий, в отличие от северо-запада или центральной части Кореи.

Вся керамика периода Трех Государств была глиняной. Фарфор появился на территории Корейского полуострова значительно позже. Высшее сословие иногда пользовалось посудой из золота, серебра и бронзы. Бронзовые изделия встречаются чаще.

В Когурё и Пэкче наибольшее развитие получила черная керамика, в Сила – более светлая, серо-черная или серая. Во всех Трех Государствах керамические изделия изготавливались также и из традиционной красной глины. В силлаской керамике на стенках сосудов нередко встречаются рельефные изображения мифических животных и всевозможные узоры. В Когурё большое распространение получили сосуды с тремя ножками и с четырьмя ушками. Пэкчская керамика отличается большей плавностью линий. В начальный период истории Пэкче изготавливалась в основном темная керамика. Позднее приобрели популярность серые трехножные сосуды. Нередко на пэкчских сосудах оставались «естественные узоры», образовывавшиеся в результате термической обработки [2. С. 63].

Живопись в Трех Государствах представлена в основном настенными росписями гробниц. Согласно историческим источникам, можно утверждать, что в Когурё, Пэкче и Силла получила развитие также классическая дальневосточная живопись на бумаге и шелке. Однако ни одно из ее произведений до наших дней не сохранилось. Известны лишь имена отдельных художников: например, пэкчский художник V в. Инса Раа, когурёский буддийский монах-художник Там Чжин (579–631). Кстати, оба в свое время жили в Японии и внесли значительный вклад в развитие японской живописи.

Настенную живопись Трех Государств принято делить на четыре основные категории:

- 1) религиозная небуддийская;
- 2) религиозная буддийская;
- 3) бытовая добуддийская;
- 4) бытовая буддийская.

К религиозным небуддийским мотивам относят изображения солнца, луны, звезд, Небесного государя (верховное божество мироздания), трехногой птицы, четырех духов-хранителей сторон света. За юг «отвечал» красный феникс, за восток – синий дракон, за запад – белый тигр, за север – «черное воинство», т.е. змея с черепахой. Самым

распространенным буддийским мотивом является изображение лотоса. Лотос – особый цветок буддизма, символ чистоты и красоты, растет на болоте, посреди грязи всего мирского. В скульптуре и живописи изображение лотоса часто играет роль постамента, на котором располагают фигуру (скульптуру) Будды. К буддийским мотивам также относятся свастика – символ печати сердца Будды, изображение буддийских монахов.

К бытовым добуддийским элементам в живописи Трех Государств относят изображения погребенного, его приближенных, различных сцен из жизни покойного: охота, церемониальные шествия, прием подчиненных сановников. Также на стенах гробниц можно увидеть пейзажную живопись, изображения сцен трудовой деятельности простого народа.

Бытовые буддийские мотивы выражены неярко. Как правило, они проявляются в особенностях изображения отдельных узоров или фрагментов пейзажа, стилизованных изображениях облаков [2. С. 63].

5.2. Искусство Объединенного Силла

Принято считать, что история скульптуры началась в Корее с проникновения и распространения буддийской скульптуры, поскольку ничего более раннего обнаружить не удалось. С другой стороны, рельефные изображения на стенах гробниц и рельефные фрагменты на добуддийской керамике дают основания предполагать, что в Трех Государствах скульптура могла развиваться и до буддизма.

Сначала скульптурные изображения были исключительно буддийского содержания. В период Объединенного Силла стали появляться скульптуры людей и животных. Особенно интересны небольшие керамические фигурки, изображающие сцены любви, что, в общем, нетипично ни для предшествующей, ни для последующей скульптуры Кореи.

Несмотря на то, что буддизм начал проникать на Корейский полуостров еще в IV в., все сохранившиеся скульптуры датируются временем после VI в. При этом выделяются три ее типа: позолоченная бронзовая, каменная и глиняная. Считается, что глиняная скульптура в основном присуща Когурё, остальные виды – Пэкче и Силла. Тем не менее, все виды скульптуры можно найти во всех Трех Государствах.

Тип буддийской скульптуры Трех Государств определяется как китайский, но с некоторыми изменениями. Например, пэкческие скульптуры отличаются удивительно доброй и широкой улыбкой буддийских персонажей.

Выявлены следующие особенности скульптурного изображения будд и бодхисатв: волосы заплетены в шишкообразную прическу; шишечек может быть много или всего одна; глаза имеют узкий разрез; на губах – «таинственная улыбка»; на шее – три складки (три «кольца»), иногда может быть ожерелье. Складки одежд, как правило, и- или u-образные.

Когда говорят о достижениях ремесел в ранней Корее, то обычно упоминают королевские короны, которые были найдены в гробницах. Как правило, короны изготавливались из бронзы и покрывались позолотой. Однако обнаружены четыре силлаские короны, выполненные из чистого золота (рис. 10). Форма корон напоминает рога животных. В этом прослеживаются связь культуры ранней Кореи с сибирскими (скифскими) культурными пластами.

Рис. 10. Золотая корона одного из правителей государства Силла. Начало VI в.

Историю развития настенной живописи Когурё разделяют на три этапа. Первый этап длился до V в. Тогда на стенах погребальной камеры гробницы изображался покойный («хозяин гробницы»), его супруга, а рядом, на втором плане – приближенные. Второй период датируется первой половиной VI в. В это время в центральном помещении гробницы располагались портреты только покойного и его жены. Портреты приближенных и слуг – на стенах соседних помещений. Изображения духов-хранителей можно было найти при входе в гробницу или по краям картин. Третий период длился со второй половины VI в. до первой половины VII в. Тогда изображение хозяев полностью исчезло, и основным мотивом росписи стали духи-хранители четырех сторон света.

От настенной живописи Пэкче практически ничего не сохранилось. В некоторых гробницах в районе современных городов Кончжу и Пуё находят места, где раньше, очевидно, была штукатурка, по которой наносилось изображение. До наших дней дошли лишь фрагменты изображения духов-хранителей — синего дракона и белого тигра.

Остатки красочного покрытия, которое находят на стенах погребальных камер силласких гробниц, доказывают, что и в Силла была развита настенная живопись. Однако до наших дней сохранились лишь фрагменты изображения цветов лотоса на потолке, фигур людей и лошадей. Манера изображения лошадей в Силла схожа с техникой исполнения в Когурё: тот же развевающийся по ветру хвост и поднятые над землей четыре ноги.

Лучшая сохранность фресок на севере Кореи, а погребальной утвари – на юге во многом объясняется особенностями географического положения мест захоронений. В районе Пхеньяна (поздней столицы Когурё) климат значительно суше, чем у Кёнчжу (столицы Силла). С другой стороны, Кёнчжу находился в стороне от основных полей сражений как между самими Тремя Государствами, так и с северными и западными соседями. Пхеньян же, наоборот, располагаясь не так далеко от северо-западных границ страны, чаще подвергался нападениям и грабежам со стороны внешних агрессоров [2. С. 78–80].

5.3. Декоративно-прикладное искусство в период Корё

В связи с тем, что буддизм был господствующей религией и получал от государства поддержку, в Корё строилось очень много буддийских монастырей. Только в окрестностях столицы Корё было сооружено около 70 больших и малых монастырей. Поскольку постройки были

в основном деревянными, то от большинства монастырей не сохранилось практически ничего, кроме фундаментов павильонов, а также каменных пагод и изваяний Будд. Тем не менее, в южной части Кореи, наименее пострадавшей от многочисленных войн, сохранился ряд монастырских деревянных построек периода Корё. Это павильон Кынакчон монастыря Пончжонса и павильон Мурыан-сучжон монастыря Пусокса провинции Северная Кёнсан, а также главный павильон Тзунчжон монастыря Судокса провинции Южная Чхун-чхон.

Одним из самых величественных буддийских монастырей эпохи Корё был столичный монастырь Хынванса, строительство которого завершилось в 1067 г. Его постройки имели 2800 помещений (комнат).

Каменные пагоды Корё, как уже отмечалось, стали более разнообразными по форме, нежели в предшествующие периоды, имели восьмигранные или даже круглые яруссы. На территории Северной Кореи особо отмечают пагоды монастырей Пурильса (5 ярусов; 951 г., г. Кэсон), Хёнхваса (7 ярусов, 1020 г., г. Кэсон), Похёнса (9 ярусов, 1044 г., горы Мёхянсан). На территории Южной Кореи – каменные пагоды монастырей Вольчжонса (8 граней, 9 ярусов, XI–XII вв., провинция Канвон), Кёнчхонса (10 ярусов, 1348 г., провинция Кёнги).

Рис. 11. Монастырь Вольчжонса

Скульптурные изображения Будд в Корё делали из камня, золота, дерева. Самым знаменитым и в то же время самым большим в Корее каменным изваянием Будды Майтрейи является статуя из монастыря Кванчхокса (провинция Южная Чхунчхон). Согласно записям на создание изваяния высотой более 21 м потребовалось 38 лет и его установили в монастыре только в 968 г. В храме Пусокса провинции Северная Кёнсан была найдена уникальная деревянная статуя Будды Амитабы начала эпохи Корё высотой в 2,78 м [2. С. 141].

Живопись в Корё находилась в сфере пристального внимания государства. В столице при дворе были учреждены особые ведомства, занимавшиеся вопросами изобразительного искусства. Они назывались Тохвагон (Палата рисунков и картин), Хавагук (Управление изобразительного искусства). В Корё высокого уровня достигла пейзажная живопись. Известно, что слава о мастерстве корейского художника Ли Нёна (начало XII в.) достигла Китая. Ли Нён не только жил в Китае династии Сун, но и учил своему искусству китайских художников. Художник конца XI – начала XII в. Чон Дыккон был известен особым мастерством в изображении рыб.

Не так много картин, созданных в период Корё, сохранилось до наших дней. Среди них – настенная живопись в павильоне Чосадан буддийского монастыря Пусокса (провинция Северная Кёнсан), портрет конфуцианского ученого Хве Хона, хранящийся в совоне Сосу (1318 г., автор неизвестен, провинция Северная Кёнсан). Государь Конмин-ван (1351–1374) был знаменит своим искусством каллиграфии и живописи. Сохранилась написанная им «Картина большой охоты у Небесных гор» («Чхонсан тэрёпто»). Отдельные произведения живописи эпохи Коре, в основном буддийского содержания, хранятся в Японии.

Несмотря на зависимость Корё от монгольской династии Юань в Китае, Корея сумела сохранить свою национальную культуру, и в XIV столетии вступить на путь реформ, вернуть былую самостоятельность [2. С. 149].

5.4. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство периода Чосон

5.4.1. Изобразительное искусство

Бурное развитие экономических и культурных связей с Китаем предоставило чосонским художникам возможность познакомиться с китайской живописью XIII–XV вв. Ее влияние на корейское искусство

неоспоримо, но оно в восприятии философских концепций конфуцианства и даосизма. Изобразительное искусство Кореи в период XV–XVI вв. продолжает развиваться на основе общих для всех конфуцианских стран эстетических норм, воплощающих идеал совершенной духовной и физической гармонии. Опирающееся преимущественно на буддийские традиции корёское искусство послужило основой для творчества мастеров королевства Чосон, однако абсолютное преобладание конфуцианской системы привело к серьёзным переменам и в изобразительной сфере.

Буддизм с его вниманием к внешним формам больше влиял на изобразительную сторону произведений. Ослабление буддийской традиции в конце XIV–XVI вв. сопровождается возрастанием роли конфуцианства. Отличаясь известной строгостью и чрезмерной регламентированностью, оно пренебрегало формой и сосредоточивало внимание на символике. Поэтому все искусство начального периода королевства Чосон, развивавшееся в условиях, когда конфуцианство набирало силу как господствующее учение, отличается ярко выраженным символизмом и довольно однообразно с точки зрения формы. В то же время слияние и переплетение буддийского и конфуцианского канонов, их мотивов и образов, приводили к созданию своеобразных произведений изобразительного и прикладного искусства.

В конце XVI в. (время начала кризиса феодальной системы Кореи) культура постепенно приобретает антиклерикальный и гуманистический характер. В предшествовавшие эпохи основной темой изобразительного искусства были религиозные сюжеты, изображения божеств и церковных деятелей, теперь же живопись обратилась к реальной жизни людей и природе, призванной украсить эту жизнь. Художники рисовали на бумаге и стенах жилых помещений жанровые сцены, цветущую сливу, красные клены, цветы и деревья, передающие яркую, многоцветную земную красоту. Их произведения дополняли мистические картины буддийского рая и ада или монохромные пейзажи в духе конфуцианской или даосской философии [1. С. 93–94].

Заметный вклад в сокровищницу корейской культуры внесли ремесло, живопись, архитектура раннего Чосона. В это время проходит мода на зелено-голубую керамику корёского типа и большое распространение получает белая керамика с более свободной от стилизации росписью – пунчхон.

Как и в период Корё, при дворе королей династии Ли существовало особое ведомство, занимавшееся организацией творчества и жизни художников, – Академия живописи (Тохвасо).

Основными живописными жанрами были пейзаж, а также изображения птиц и животных. До наших дней дошли произведения корейских художников XV–XVI вв., такие, как «Мудрец, созерцающий во лу» Кан Хвиана (1419–1464), «Путешествие во сне в страну цветущих персиков» Ан Гена. Буддийская живопись в связи с гонениями на буддизм и постепенным становлением конфуцианства в качестве господствующей идеологии не получила заметного развития, так же как и буддийская архитектура. Из построек раннего Чосона наиболее значимыми и величественными являются дворцовые комплексы, например, Чхандоккун в Сеуле (конец XIV – начало XV в.). «Визитной карточкой» двух современных корейских столиц стали городские Южные ворота (Намдэун, 1448 г.) в Сеуле и городские Ворота у реки Потхон (Потхонмун, 1473 г.) в Пхеньяне [2. С. 159].

При становлении королевства Чосон огромное внимание уделялось нормализации подорванных в период монгольского ига традиционных связей с ханьским Китаем. Минская империя в начале XV в. поддержала династию Ли, связи между двумя государствами усилились, в первые десятилетия века в Сеул было завезено множество произведений китайских мастеров.

В системе изобразительных искусств XV–XVI вв. ведущее место занимает живопись. Мастерство владения кистью воспринимается в обществе как признак высокой культуры и одна из конфуцианских добродетелей. Именно поэтому при королевском дворе Ли Сонге в 1392 г. было создано учреждение по вопросам живописи Тохвасо (просуществовало вплоть до XIX в.), которое по примеру минской Академии живописи служило не только для подготовки художников-профессионалов, но и для контроля государства над трудом живописцев. При академии Тохвасо сложилась официальная группировка художников, получившая название тохва. Будучи высочайшими профессионалами, они должны были владеть всеми современными жанрами и приемами живописи, однако принадлежность к конфуцианской академии требовала от них преимущественной работы в жанре портрета. Этот живописный жанр в конфуцианском мире становится культовым, имеет тесную связь с обрядом почитания предков и пятью добродетелями. Ни в одной дальневосточной стране портрет не занимал столь значительного положения, как в Корее. Официальные художники писали канонические портреты государей, знатных сановников, конфуцианских ученых, чиновников и их семей. Портреты создавались в строгом соответствии с северо-сунскими традициями, основанными на тонкой графичности рисунка, яркости цветового колорита. Отступления от

канона не допускались; он определял позу, выражение и поворот лица, церемониальное одеяние. Портрет был настолько канонизирован, что после смерти изображенного на нем выдающегося человека картина становилась своего рода конфуцианской «иконой», выставленной для поклонения в храме или ином ритуальном помещении.

Виднейшими мастерами портретной живописи были Кан Хиан (1418–1465) (рис. 12) и его последователь Ли Синхым (1570–1631), занимавшие к тому же достаточно высокие государственные должности.

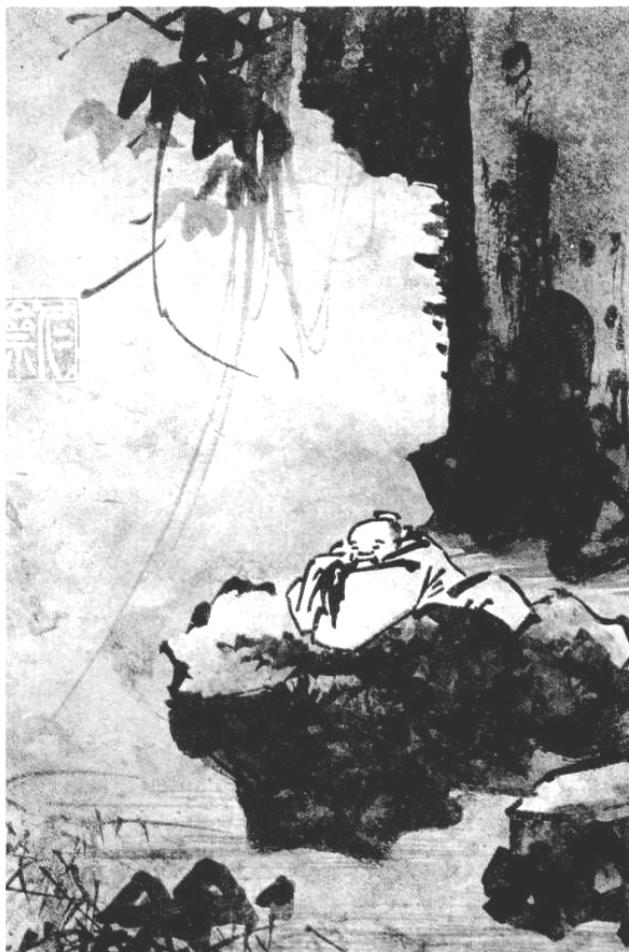

Рис. 12. Кан Хиан. Созерцание у воды. XV в. Национальный музей, Сеул

Параллельно с официальной школой тохва развивалось направление так называемых художников-дилетантов мунихва. Представители мунихва считали себя хранителями корейской традиции, но в то же время использовали южно-сунскую технику с применением мягких тушевых размывов и оттенков. Дистанцирование от официальной конфуцианской школы позволяло им развивать более вольное направление живописи со свободной манерой письма. Мунихва представлена многочисленной плеядой художников, в отличие от мастеров тохва они подписывались под своими работами. Культовые портреты, как правило, подписи не имели, поэтому сведения об авторстве практически отсутствуют.

Полуофициальным жанром можно считать пейзажную живопись, ею занимались некоторые представители тохва и практически все художники-дилетанты. Пейзаж становится ведущим жанром светской живописи в XV–XVIII вв., он максимально приближается к китайским пейзажным зарисовкам сунского образца – «горы и воды» (сансухва). В работах конфуцианских художников Кан Хиана, Ан Гёна на первый план выступало эпическое начало, все природные явления у них подчинялись определенному порядку [1. С. 94–95].

Кан писал цветной тушью и подчеркивал неразрывную связь человека с природой, однако пейзажная классика часто была лишена эмоциональной окраски, концентрировалась на изображении покоя и внутренней уравновешенности. Творивший в середине XV в. Ан Гён часто допускал отклонения от канона, тяготея либо к пейзажному реализму, либо к даосской мистике. Художники-даосы стремились передать свои переживания при восприятии природы. Именно этим и прославился Ан Гён. Помимо портрета и пейзажа с XV в. складываются и другие жанры национальной корейской живописи: декоративный, основанный на жанре «цветы и птицы» (Чо Сок, Хван Джипчун, Синса Имдан, Ли Ге-хо), так называемый жанр «четыре совершенства» (О Моннён, Ли Джон), изображавший цветущую сливу, орхидеи, хризантемы и бамбук, и анималистическая живопись (Ко Ун, Ли Ам).

Картины-свитки писались на шёлке, бумаге и ткани из растительных волокон, преимущественно тушью и водяными красками на минеральной основе. Они служили для украшения храмовых и дворцовых павильонов. Выше всего ценились монохромная живопись черной тушью хва и мопхирхва с их каллиграфичностью, богатством и нежностью нюансов. Особой популярностью пользовалась живопись мунихва с применением размывов туши. К сожалению, во время Имджинской войны большая часть произведений ранней живописи королевства Чосон погибла, но сохранившиеся произведения указывают на высокое мастерство художников XV–XVI вв. [1. С. 96].

Часто в качестве сопутствующего компонента живописного ряда или самостоятельного вида изобразительного искусства выступала каллиграфия. XV–XVI вв. оставили корейскому народу богатейшее наследство четырех великих каллиграфов – принца Ан Пхёна, Ким Гу, Хан Хо и Ян Саона. Их творчество отмечено виртуозным техническим мастерством.

Каллиграфические свитки, как и произведения живописи, украшали храмы, дворцы и учебные заведения, встречались даже в частных домах образованных людей. Искусство каллиграфии ценилось как высшее проявление грамотности; аристократы, ученые и монахи обязаны были овладеть им наряду с основами живописи.

Значительно снижается роль буддийской храмовой живописи, занимавшей в Корё ведущее место, в королевстве Чосон она уже не имела такого распространения и спроса со стороны общества и государства.

В корейском изобразительном искусстве периода изоляции (XVII–XVIII вв.) страны прослеживаются две основные тенденции. С одной стороны, это приверженность старым традициям, связанным с идеологией господствующего феодального класса, все идеалы которого были обращены в прошлое. С другой стороны, это стремление к новому художественному осмыслению действительности, к созданию новых форм, отражающих мировоззрение вновь появившихся слоев корейского общества.

Первое направление, представленное традиционной, конфуцианской, школой живописи, в своей основе оставалось консервативным, поскольку опиралось на эстетические категории и старые формы искусства. Старые каноны утратили свое живое содержание, стали мешать развитию художественного мышления. Этим объясняется упадок традиционной живописи во второй половине XVIII в.

В живописи появляется новое течение, главную роль в его развитии сыграло то обстоятельство, что основными потребителями и создателями художественных ценностей становились представители различных социальных слоев, в том числе растущее торгово-ремесленное население города.

Особенно большое впечатление на корейских художников произвела новая для них техника европейской живописи. Западные приемы быстрее всего были восприняты мастерами гравюрного жанра. На рубеже XVIII–XIX вв. появляются первые корейские живописцы, использовавшие некоторые приёмы европейской живописной техники, в том числе письмо маслом.

Распространение новых тенденций в изобразительном искусстве связано с укреплением в живописи реалистических мотивов и проявлений.

Реализм максимально обнаруживался в дальнейшем оформлении стиля национального корейского пейзажа и в возникновении жанровой живописи, отражавшей народную жизнь, его быт и трудовую деятельность.

Создателем корейского пейзажа можно считать выдающегося художника Чон Сонна, отказавшегося от изображения легендарных мест Китая или абстрактных картин природы в различные времена года. Чон Сон обратился к родной природе, стремился отразить ее красоту и величие. Новаторство художника заключается в том, что он привнес в изобразительное искусство принцип философии сирхак: иметь дело с реальной стороной и практическими потребностями окружающего мира. Этому же принципа придерживался еще один выдающийся пейзажист XVIII в. Сим Саджон.

Пристальным вниманием к реальности отличались и работы жанровых живописцев Юн Дусо, Син Юнбок и Ким Дуряна. Их полотна отражали повседневную жизнь народа: его обычаи и нравы, бытовые сцены, картины из любимых народом сказок и легенд. Ким Дурян избрал в качестве главной творческой темы реалии корейской деревни. Братья Ким Дыксин и Ким Соксин писали жанровые бытовые картины, повествующие о повседневной сельской и городской жизни. С именем Син Юнбока связано появление в корейской живописи женских образов, увиденных им непосредственно в окружающей действительности (рис. 13).

Рис. 13. Син Юнбок «Развлечение у воды в день праздника Тано»

В портретной живописи также наблюдались демократические тенденции: помимо классического конфуцианского художники-портретисты работают и в области светского портрета. Ли Мёнук, Юн Ду-со, продолжая традицию мунинхва, делают героями своих произведений простых людей, сельских тружеников. Сохраняет популярность анималистический жанр, но и здесь объект изображения меняется: интерес художников Ким Сика, Ким Джэ и Пён Санбёка вызывают не канонические «птицы – кошки – собаки», а животные из реальной жизни: вол, лошадь, летучая мышь и т.д. Самым знаменитым живописцем конца XVIII в. является Ким Хондо, прославившийся во всех ведущих жанрах: он создавал пейзажи, канонические и светские портреты, жанровые зарисовки, изображал на своих полотнах животных и растения.

Одно из классических направлений живописи – каллиграфия – долгое время развивалось исключительно по канону. Во второй половине XVIII в. и оно сумело вырваться из пут китайской традиции. Сделать это удалось мастеру Ким Чонхи, создавшему оригинальный каллиграфический стиль, получивший название чуса.

В области живописи XIX в. наблюдается утрата реалистических тенденций, характерных для XVIII в. Художники отказались от изображения жизни и быта простых людей и вновь сосредоточились на созерцании природы. Распространились традиционные жанры пейзажа, натюрморта, классические картины в стиле «четырёх совершенств». Известными мастерами были Син Мёнъён и Пэк Ынбэ. Реалистические традиции пытался сохранить Син Ви. Вершиной живописи XIX в. становится творчество Чан Сынопа, писавшего в реалистической манере и пытавшегося овладеть европейской техникой [1. С. 97–100].

В конце XIX – начале XX в. не было создано особенно значительных произведений живописи и искусства, но творческий процесс корейских мастеров определялся развитием передовых направлений общественной мысли и усвоением приемов европейского искусства.

5.4.2. Декоративно-прикладное искусство

Развиваются традиционные виды прикладного искусства: вышивка по шелку, керамическое и фарфоровое производство, изготовление бронзовой посуды и холодного оружия. В целом прикладное искусство этого периода было достаточно разнохарактерным, поскольку отвечало потребностям образа жизни различных социальных слоев. Новые для корейского искусства и культуры тенденции к украшательству и показной пышности были связаны с образом жизни и культурными запросами чиновно-феодальной верхушки и формировавшихся городских слоев.

Особое место занимали керамика и фарфор. Корейские мастера производили самые разнообразные изделия: всевозможные вазы, кувшины, чаши и посуду. Они овладели методикой кобальтовой росписи на фарфоре (ранее такие изделия вывозились из минского Китая), научились изготавливать белоснежную фарфоровую посуду. Однако главной цели творческого поиска в области фарфорового производства ни в XV в., ни в последующий период достичь не удалось.

В период монгольского господства был безвозвратно утрачен секрет производства предмета гордости корёского прикладного искусства – знаменитого голубовато-зеленого (очень близкого по цветовой гамме к малахиту) фарфора селадон и его инкрустации цветными глинами (техника сангам чхонджа). Попытки многих мастеров восстановить производство селадона не увенчались успехом. На смену ему приходит фарфор белого цвета с удивительно четкими очертаниями.

Широкое распространение в период Ли получает производство расписных и инкрустированных перламутром лаковых изделий и мебели, как правило, они покрывались черным или светлым лаком и узорчатыми украшениями из металла. Подносы, трапезные столики, шкапулки, сундуки и другие предметы сочетают в себе красоту древесной фактуры и совершенство формы, их изящество славилось за пределами корейского государства [1. С. 109].

Период XVII–XVIII вв. ознаменовался широким распространением керамики нового типа, отдельные немногочисленные образцы которой появились еще в конце XV столетия. Ее отличительными особенностями были белый цвет и синие или голубые рисунки, наносившиеся поверх белого фона. Поэтому керамика получила название чхонхва пэкча, что значит «белая керамика с синими цветами». Роспись, однако, не ограничивалась изображением цветов. Это могли быть горы, деревья, птицы. Согласно точке зрения корейской историографии, бело-синяя керамика отличается особым корейским колоритом и не похожа на керамику Китая или Японии [2. С. 199].

В XVII–XVIII вв. создано немало ярких и самобытных образцов корейского прикладного искусства, многие из них высоко ценились за рубежом. Развивалось производство узорчатых шелковых тканей, лаковых изделий, традиционная вышивка шелковой нитью. Популярными становились ювелирные изделия и бамбуковое плетение, перламутровый декор деревянных изделий. Особенно ценилась домашняя мебель, покрытая перламутровой инкрустацией: одежные шкафы, сундуки, письменные столы и конторки для бумаг и т. п. Новым явлением стало украшение мебели богатой резьбой по дереву.

В то же время следует подчеркнуть некоторое снижение общего художественного уровня прикладного искусства в Корее. Это вызвано пленением огромного количества мастеров в годы Имджинской войны, секреты отдельных ремесленных школ были надолго или даже безвозвратно утрачены. Еще одним фактором снижения художественного уровня изделий следует признать появление поточного производства: ремесленники стремились изготовить больше продукции, часто в ущерб ее качественным характеристикам. Особенно заметно сказалось это на фарфоровом производстве.

В декоративно-прикладном искусстве эпохи сложились три направления, обладавшие достаточно специфичными чертами. Первое – развитие художественной промышленности на основе фарфоровой и текстильной мануфактур. Второе – профессиональное творчество мастеров и художников различных специальностей: керамики, фарфора, ткачества, росписи тканей, лака, изделий из металла, дерева и т.д. Третье – народные художественные ремесла: ручное ткачество, бытовая керамика, плетение, игрушки и т.п. Общее развитие всех направлений формировалось на основе двух тенденций: традиционалистской и неотрадиционалистской. Представители первой следовали старым образцам, стремились возродить забытые традиции, восстановить древние способы производства. Приверженцы второй пытались обновить традиции, сочетая корейскую технологию с европейскими формами и декором [1. С. 102].

5.5. Корейская самоцветная живопись

Картина из самоцветных порошков – это новый вид живописи, вид пластического художественного изображения с помощью самородных и искусственных драгоценных камней. Специфичные материалы и разнообразные способы изображения не только придают картине красоту, но и вызывают у человека исключительно своеобразную эмоциональность.

Исследовательская работа по этому виду живописи начиналась в Корее в начале мая 1984 года. В то время в области изобразительных искусств активно велась работа по развитию всех их видов и форм на основе корейской живописи.

Особенно усиленно велась работа по обеспечению неизменяемости красок и других видов художественных материалов.

Краски являются одним из основных факторов, гарантирующих жизнённость произведений. Поэтому живописцы при их создании уделяют серьезное внимание цветосочетанию, чтобы предотвратить изменение колоритности произведений.

Корейские живописцы, изучая старинные произведения живописи, стали обращать внимание на фрески древних могил периода государства Когурё, которые не обесцвечивались, несмотря на то, что прошли тысячелетия. На стройке Н-ского здания их внимание привлекали великолепные украшения фасада здания из разноцветных каменных порошков. В их воображении вставляли изображения на могильных фресках периода Когурё и привлекательные украшения здания. Неутомимые творческие поиски живописцев, проведенные в сотрудничестве с рабочими и специалистами, дали им уверенность в возможности создания нового вида живописи [3. С. 2–3].

«Белый павлин», авт.
Ли Рюр

«Слоны и голубой
зимородок», авт.
Ли Рюр и Ли Хо Хёк

«Сторожевая собака»,
авт.
Пак Хён Чхор

Рис. 14. Образцы корейской самоцветной живописи

В мае 1987 года новый вид живописи, созданный из порошка природных самоцветов, удостоен государственного изобретательского права.

Корейским живописцам удалось создать не только портретную, но и пейзажную, анимальную живопись, они добились успехов и в изображении явлений природы.

В ходе этого они совершенствовали материальные вещества, необходимые для создания картины из порошка самоцветов, творчески воплощали в своей работе замечательные технические приемы корейской живописи, отвечающие национальным чувствам и эмоциям корейского народа.

В результате картина из порошка самоцветов стала развиваться, будучи одним из основных видов пластического искусства и новым самостоятельным видом живописи.

В понятии корейской самоцветной живописи, разумеется, содержится значение применения драгоценных камней и самородных материалов, но более важное значение состоит в ее яркой образности картин, которые издают такой блеск, как самоцвет, и вызывает у зрителей исключительную эмоциональность [3. С. 3–4].

Литература по теме

1. Культура Кореи: учеб. пособие. Ч. 1: С древнейших времен до 1910 г. / сост. Л.А. Андропова; Томск. политех. ун-т. – Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2014.
2. Курбанов С.О. История Кореи с древности до начала XXI века. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009.
3. Корейская самоцветная живопись. – Пхеньян 98 чучхе, 2009. – 30 с.
4. Ксенофонтова Р.А. Старинная корейская керамика // Сб. МАЭ. 1987. Т. 41.
5. Глухарёва О.Н. Искусство Кореи с древнейших времён до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.

Контрольные вопросы

1. В каком веке буддийские живописцы овладели искусством гравюры?
2. Охарактеризуйте особенности становления керамики Корё.
3. В какой период было создано учреждение по вопросам живописи Тохвасо?

Темы для рефератов

1. Особенность керамики чхонхва пэкча.
2. Корейская гравюра.
3. Буддийские гравюры в Корее.

Тема 6. АРХИТЕКТУРА И СКУЛЬПТУРА

6.1. Традиционное жилище

Корейский сельский дом всегда имеет один этаж и состоит из комнат двух типов. Комната для отдыха семьи обычно отапливается системой отопления «ондоль»: теплом и дымом либо от кухонной плиты, либо через подземный дымоход от дворового очага. Глиняные стены в комнате с «ондодем» опираются на деревянные столбы, раздвижные двери и окна затянуты толстой бумагой, которая на удивление очень хорошо держит тепло. Комната с «ондодем» полностью соответствует образу жизни корейцев. В ней нет ни стульев, ни кроватей. Люди сидят на подушках прямо на полу, а спят на циновках, которые днем складываются и убираются. Меблировка такой комнаты состоит, в основном, из лаковых сундучков и полочек, подставок для чтения книг и из складных ширм. Кроме того, в традиционном корейском доме имеются комнаты с деревянными полами – «маару». Как правило, одна сторона «маару» почти не имеет стены и выходит прямо во двор, однако в более зажиточных семьях эта комната отгорожена раздвижной стеклянной дверью. В комнатах «маару», особенно в теплые месяцы, собирается обычно семейный совет, хозяева беседуют с гостями, всей семьей смотрят телевизор. Во дворе традиционного дома находятся небольшой сад, колодец, семейная усыпальница, разные подсобные помещения и кладовки [2. С. 8].

По архитектуре жилище корейцев делится на три основных типа построек: однорядный дом, все помещения которого расположены по одной линии; двухрядный, когда жилые и подсобные помещения идут двумя параллельными рядами; наконец, трехрядный, в котором постройки расположены в три параллельных ряда. Наиболее типичным в Корее был однорядный каркасно-столбовой дом, состоявший из кухни, нижней и верхней комнат и открытой площадки-веранды.

Дом обычного корейца представлял собой одноэтажную постройку с соломенной крышей и глиняными стенами. Чаще всего дома строили

по принципу букв Г и П, чтоб каждый дом имел внутренний дворик. Такие дома приобрели широкое распространение в период династии Чосон [4].

Традиционное жилище зажиточных корейцев, именуемое ханок, состояло из нескольких строений, расположенных в одном дворе, огороженном одной стеной. Парадная дверь открывалась во двор, в котором находился дом главы семьи – сарангбан. С двух сторон располагались помещения для слуг. За домом хозяина, в глубине двора, находилось помещение – ангче, где жила хозяйка дома. Сарангче и ангче делит стена. В ангче есть несколько комнат – анбан (комната, где непосредственно живет хозяйка), коннонбан (комната напротив нее), кухня, склад и т.д. Кухня находится рядом с анбаном, и в ней не только готовят еду, но из нее исходит отопление дома.

Традиционный корейский дом делился на женскую и мужскую части. Анбан была обычно комнатой, где проживала хозяйка дома. В эту комнату не могли заходить посторонние мужчины, кроме мужа или членов семьи. Она находилась подалеже от парадной двери, в глубине дома, как правило, к ней примыкала кухня. В анбане супруги спали и принимали пищу. В этой комнате хранились одежда и постельные принадлежности всей семьи. Сарангбан – комната, а у богатых людей – отдельный дом, где проводил большую часть времени хозяин дома и глава семейства, был особенно распространен в период Чосон, когда в стране процветало конфуцианство и большое значение придавалось науке и знаниям [3. С. 442].

Обязательная часть корейского жилого дома – терраса (мару) с деревянным полом. В малых крестьянских домах она скромна по размеру – укладывается в периметр незначительного по площади здания и имеет с ним общую кровлю. В этом случае проще решается ее конструктивное устройство [7].

Ханок строили из деревянных балок, которые соединялись при помощи пазов. Стены обмазывали глиной, затем их штукатурили смесью глины и извести, поверх наносили слой из белой глины. Такие стены впитывали влагу и сдерживали холод.

В ханоке помимо комнат есть также веранда тэчонг, пол которой находится высоко над землей, для того чтобы не попадала влага и было прохладно в жару. Она находилась между анбаном и коннонбаном, на нее падает тень от крыши, покрытой обычно черепицей.

В доме были внешние и внутренние стены-ограды, которые украшались узорами, надписями различных цветов. Сверху стену обкладывали

вают черепицей либо камышовыми плетениями, чтобы гармонировало с крышей дома [3. С. 443].

Постройки чаще всего покоятся на каменном основании, в котором расположены каналы системы отопления – ондоль, обогревающие пол. Полу уделяется особое внимание. Он играет огромную роль в жизни корейца: на нем спят, сидят во время трапезы и т.д. Поэтому он содержится в исключительной чистоте и входить в дом в обуви не принято [7].

6.2. Скульптура

Огромное влияние оказал на развитие корейской скульптуры буддизм. Громадные, в 20 метров высотой, круглые фигуры, вырубленные из естественных скал, встречающиеся в Корее, считаются буддийскими и, следовательно, не относятся к национальным корейским произведениям [6. С. 780].

Период Самгук знаменовался развитием и повсеместным распространением буддийской скульптуры. Становление единой системы началось с подражания завезенным из Китая скульптурам и буддийским миниатюрам. В сюжетном отношении это изображения различных перевоплощений Будды. Одиночные и групповые предметы, в центре которых располагался сам Будда, а также воссоздание образов бодхисатв, чаще всего – Авалокитешвары и Майтрейн. Основным материалом являлась простая и позолоченная бронза (рис. 15). Найдены скульптуры из камня, глины и дерева [8. С. 56].

Рис. 15. Статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары

Замечательным памятником ранней скульптуры Кореи является деревянная статуя буддийского божества – бодисатвы Каннам (Канон), находящаяся в Японии в храме Якусидзи в Нара, которая была исполнена скульптором из корейского государства Пэкче в 654 г. В фигуре ощущается внутренний ритм; линии одежды отличаются пластической изысканностью. Образ проникнут торжественностью и величием (рис. 16).

Рис. 16. Скульптура Бодисатвы Каннам

Еще более известна классическая статуя Канным, находившаяся в главном храме ансамбля Хорюдзи в Нара и позднее перенесенная в музей Нара. Она исполнена корейским скульптором из дерева и скупю раскрашена. Большая монументальная статуя (высотой более 2 м) поражает своим суровым обликом.

Архитектоника ее удлинённых пропорций, подчеркнутая высоким остроконечным нимбом, сообщает фигуре Канным величие и строгость [9].

Традиционная буддийская скульптура издавна стала неотъемлемой частью корейской культуры. Древние скульптурные работы остаются сегодня неотъемлемым атрибутом не только храмов и монастырей, но и музеев или открытых площадок в природной среде и городском пейзаже [10].

Монументальность и одухотворенность свойственны и ранней каменной скульптуре Кореи, примером которой может служить голова божества Канным, высеченная из темно-серого базальта (VIII–X вв.). Текучесть и мягкость линий традиционной прически с высоко поднятыми надо лбом прядями волос хорошо сочетаются со строгостью и мужественностью черт лица.

Еще в 602 г. в честь объединения Трех Государств была высечена из монолита фигура гигантской каменной черепахи. Скульптура отличается суровой простотой форм и прекрасной обработкой камня [9] (рис. 17).

Рис. 17. Черепаха

Скульптура периода Трех царств сохранила черты своих китайских оригиналов, соединившиеся в Корее с особой одухотворенностью образов и мягкостью форм. Юношеское лицо, слишком большие голова и руки и крепость фигуры сидящего Будды, сделанной в Пэкче, также типичны для корейского искусства, как и абстрактность образа вследствие неглубокой резьбы и простоты форм. Передача духовности оставалась более важной целью, нежели физическое совершенство. Наиболее характерный из ранних корейских образов – бодхисатва, сидящий в позе «на европейский манер»: одна нога подогнута, другая опущена к земле, а пальцы руки касаются щеки. Такие изображения стали очень популярны по всей Восточной Азии, особенно в Корее. Эту фигуру обычно идентифицируют как изображение Будды будущего – Майтреи, ожидающего своего неизбежного перерождения для спасения этого мира [11] (рис. 18).

Рис. 18. Скульптура Будды будущего – Майтреи

Храмовая скульптура периода Силла, выросшая в годы распространения в стране буддизма, отразила уже сложившиеся к этому времени каноны буддийской пластики Индии и Китая, но в то же время сохранила самобытное начало, нашедшее выражение в глубокой, хотя и несколько отвлеченной одухотворенности образов. Корейским статуям VII–IX вв. свойственны своеобразная мягкость форм, пластическая текучесть линий и грация движений.

Все эти черты находят свое яркое воплощение в целом ряде произведений раннекорейской скульптуры, как, например, в небольшой золотой статуе сидящего в размышлении Будды (VII в.), в которой при всей ее условности ощущаются черты глубокой жизненности в раскрытии внутреннего состояния изображенного божества [9].

Сначала скульптурные изображения были исключительно буддийского содержания. В период Объединенного Силла стали появляться скульптуры людей и животных. Особенно интересны небольшие керамические фигурки, изображающие сцены любви, что в общем нетипично ни для предшествующей, ни для последующей скульптуры Кореи [3. С. 408] (рис. 19).

Рис. 19. Скульптуры собак без языков (период Объединенного Силла)

Выделяют следующие особенности скульптурного изображения будд и бодхисатв. Волосы заплетены в шишкообразную прическу: шишечек может быть много или всего одна. Глаза имеют узкий разрез.

На губах – «таинственная улыбка». На шее – три складки (три «кольца»), иногда может быть ожерелье. Складки одежд, как правило, и- или у-образные.

Больше всего скульптур (как небольших бронзовых позолоченных статуэток, так и монументальных каменных изваяний) сохранилось от королевства Силла (впоследствии – Объединенного Силла). Они датируются VII–VIII вв. Однако существуют редкие когурёские и пэкческие экземпляры. Среди них самыми известными являются когурёская бронзовая позолоченная статуэтка Будды Амитабы (покровителя «Западного рая») 539 г., обнаруженная в 1963 г. в селении Хачхонни провинции Южная Кёнсан, и пэкческая бронзовая позолоченная статуэтка бодхисатвы Авалокитешвары (по-корейски – Кваным) конца VI в., обнаруженная на месте бывшего монастыря в селении Кунсури провинции Южная Чолла [1. С. 62].

В наши дни корейская скульптура широко представлена в Национальном музее современного искусства в Сеуле, в Парке скульптуры на острове Чечжу (430 экспонатов), в специализированном музее искусств Моран (106 экспонатов) и в музее искусств Мокам (166 экспонатов) в провинции Кёнги. Прекрасная коллекция из более чем 200 скульптурных композиций находится в частном музее «Хоам». Большинство скульптурных групп установлены на открытом воздухе на территории музея. Помимо музеев и памятников выдающимся деятелям страны скульптура давно стала достоянием улиц, скверов, интерьеров общественных зданий и офисов.

6.3. Архитектура

С проникновением в Корею религиозных представлений китайцев развивалась храмовая архитектура, основанная на буддийских традициях и канонах. Классический буддийский храм состоял из нескольких сооружений: внешних ворот, главного павильона, храма для проповедей, колокольной или барабанной башни, сокровищницы, книгохранилища, одной или нескольких многоярусных пагод.

Первые храмовые сооружения, построенные в Корее с конца IV века под руководством китайских миссионеров, резко отличались от привычных корейских жилых и культовых сооружений: они поражали невиданными архитектурными формами и ярким многоцветием декора.

Известен силланский храм Хванёнса в окрестностях города Кенджу, признанный специалистами Южной Кореи буддийским сооружением, возведенным в 533–566 гг. Храмовый ансамбль, вытянутый с юга

на север, занимал площадь 19 тыс. кв. м и был обнесен каменной стеной [8. С. 53].

Свидетельством высокого уровня развития архитектуры также являются старинные гробницы периода Трех Государств, преимущественно Когурё и Пэкче. Для всех трех государств характерно возведение погребальных сооружений в виде мавзолеев и курганов.

Мавзолейный тип погребений представлен крайне редко. Такое наземное сооружение сохранилось в окрестностях когурёской столицы Хвандо. Находившаяся на возвышенности семиступенчатая пирамида Чангунчхон, или «Могила полководца», имела вход с юго-западной стороны и возвышалась на 13 м [8. С. 55] (рис. 20).

Рис. 20. Тунгоу. Гробница полководца Чангуна близ Тунгоу, 412 г.

Могила Чангуна свидетельствует о монументальном характере древней каменной архитектуры Кореи, главными чертами которой являлись строгость и суровая простота форм.

Западным влияниям более всего подвержена современная архитектура деловых и торговых центров, отелей и иных зданий, связанных с развитием как местного, так и международного бизнеса. В первую очередь это касается сеульских «небоскребов», таких, как 55-этажное здание Корейского международного торгового центра. Конструктивную основу здания составляет мощный параллелепипед без оконных проемов, облицованный плитами золотистого цвета. Хорошо известны другие высотки корейской столицы – две прямоугольные башни «Поско-центр» в 30 и 20 этажей, 63-этажное здание страховой компании

«Дэхан», двухбашенный 35-этажный комплекс зданий компании «Эл-Чжи», офис компании «Самсунг», ультрасовременный по стилю небоскреб «Тонбан-плаза», «Золотой небоскреб» и т. п.

За последние тридцать лет развития архитектура Республики Кореи сделала значительный шаг вперед. Союз архитекторов Кореи насчитывает сегодня 1100 членов – профессиональных зодчих. В масштабах страны – это большая творческая сила, способная достичь многого. Сейчас в архитектуре Кореи происходят процессы взаимодействия самых разных стилей и направлений, однако и в XXI веке перед архитекторами стоит задача гармоничного сочетания традиции и современности [3. С. 410].

Литература по теме

1. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во Санкт-Петерб. ун-та, 2009.
2. Кочешков Н.В. Нравы, обычаи, традиции народов Восточной Азии: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 1997.
3. Республика Корея / Г.Н. Ким. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с.
4. Путеводитель по Корее [Электронный ресурс]. URL: <http://koreamuseum.ru/arh.html> (дата обращения 08.07.2016).
5. Архитектура и строительство в разных странах [Электронный ресурс]. URL: <http://nastroike.com/stroitelstvo-v-raznykh-stranakh/803-arkhitektura-yuzhnoj-korei-kreposti-dvortsy-khramy> (дата обращения 05.07.2016).
6. Вёрман К. Искусство первобытных племен, народов дохристианской эпохи и населения Азии и Африки с древних веков до XIX столетия. – СПб.: ООО «Издательство Полигон», 2000. Т. 1: История искусства всех времен и народов. – 944 с.
7. Орейское классическое искусство: сб. ст. [Электронный ресурс]. URL: <http://koryo-saram.ru/korejskoe-klassicheskoe-iskusstvo-sbornik-statej/>
8. Культура Кореи: учеб. пособие / сост. Л.А. Андропова; Томск. политех. ун-т. – Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2014. Ч. 1. – 139 с.
9. Искусство Кореи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.bibliotekar.ru/Iskuss2/32.htm> (дата обращения 04.07.2016).
10. Скульптура [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ruskorinfo.ru/wiki/skulptura/> (дата обращения 05.07.2016).

11. Искусство стран дальнего востока [Электронный ресурс]. URL: http://artclassic.edu.ru/catalog.asp?cat_ob_no=19489&ob_no=20130 (дата обращения 04.09.2016).

Контрольные вопросы

1. Определите специфику корейской архитектуры.
2. Когда началось строительство буддийских храмов?
3. Устройство корейского жилища.
4. Каковы особенности корейского города, корейского дома и интерьера?
5. Наиболее известные архитектурные памятники современности.
6. В какой период появились первые скульптуры?
7. Особенности скульптурного изображения будд и бодхисатв.
8. Самые распространенные формы современного искусства в Корее.

Темы для рефератов

1. Особенности корейской архитектуры.
2. Традиционные стили корейской архитектуры.
3. Основные виды корейской скульптуры.
4. Европейское влияние на корейскую архитектуру.

Тема 7. ЛИТЕРАТУРА

7.1. Литература Южной Кореи

Корейская литература зародилась в первых веках нашей эры, когда на полуострове складывались государства и формировались идеалы государственного устройства. С периодом образования ранних государств связано появление письменной традиции. Памятники того давнего периода не сохранились, до наших дней дошли только прозаические и поэтические тексты, включенные в исторические сочинения позднего времени (XII–XIII вв.). В них записаны образцы эпической традиции – исторические предания о создателях корейских государств и древние ритуальные песни хянга, тексты, в которых представлена модель понимания мира и взаимодействия в нем сил хаоса и космоса. Эта модель определила облик корейской поэзии и прозы [3. С. 11].

В 1000 г. н.э. в Корее выделяется поэзия на ханмуне. Этот процесс был неизбежным для корейской культуры, так как был связан с такими явлениями, как буддизм и государственность.

На ряду с поэзией на ханмуне в Корее существовала, по-видимому, проза на иду. Сохранились лишь несколько эпиграфических надписей. Это надписи на камнях, храмовых колоколах, статуях Будд, стелах в разные годы. Они кратки и содержат преимущественно деловые сообщения. Большинство надписей – буддийские [7. С. 115].

Название *хянга* на русский язык можно перевести как «песни родной страны» или «песни, написанные на родном языке». Это общее название поэзии, распространенной в государстве Силла (IV–VII вв.), которое было расположено на юго-востоке Корейского полуострова, а в VII в. объединило под своей властью весь полуостров (VII–X вв.). Понятие хянга выделяет поэзию, созданную на корейском языке и противопоставляет ее китайским поэтическим сочинениям – поэзии государства Тан (VII–IX вв.), которая так и называлась танси – танские стихи. Так, в корейской культуре с самого начала определяется четкое

разграничение «своего» и «чужого», при этом свое оказывается не менее ценным, чем чужое [3. С. 20].

Самая ранняя литература связана с появлением первых государств и формированием государственного устройства. От этого периода остались лишь названия отдельных сочинений и некоторые фрагменты, включенные в исторические сочинения более позднего периода. Исторические сочинения, рассказывая о появлении ранних корейских государств, на первый план выдвигают «основателя», который, как правило, имеет необычное происхождение или даже приходит из другого мира. До наших дней дошли в основном тексты, включенные в записи корейских и китайских историков. Особое место занимают предания об основателе государства Когурё Тонмёне – Чумоне и предание об основателе государства Чосон Тангуне – Вангоме [7. С. 114].

Корни классической корейской литературы лежат в традиционных верованиях и сказаниях народов Корейского полуострова. Также на неё повлияли конфуцианство и буддизм, а ещё в некоторой степени – даосизм. Традиционная корейская литература, написанная китайскими иероглифами («ханджа»), была создана в то время, когда оригинальное китайское письмо появилось на полуострове. Корейские учёные умы сочиняли и записывали поэзию в классическом китайском стиле ещё в IV в. – некоторые историки вычёркивают эти произведения из числа корейской литературы, утверждая, что это были всего лишь формы китайской литературы. Другие, однако, утверждают, что факт использования китайских иероглифов не является основанием для исключения этих произведений из классической корейской литературы, в особенности потому, что они отражают корейские мысли и опыт. В Единой Силе когда-то была создана национальная академия специально для того, чтобы продвигать корейскую литературу. Большую часть той эпохи высшее образование в Корее проходило на двух языках – корейском и китайском [4].

Известно, что в VII–IX вв. существовали авторские сборники биографической прозы, например, «Жизнеописания министров и наставников» Чхве Чхивона и «Биографии выдающихся наставников», «Разные биографии из Керим» Ким Тэмуна. Это позволяет говорить о том, что в корейских государствах существовала развитая историческая проза на китайском языке, давшая, в частности, образцы биографического жанра [3. С. 28].

В королевстве Силла в VIII в. был создан первый памятник корейской литературной письменности, который был написан при помощи китайских иероглифов – иду, так называли этот способ письма для пе-

редачи корейской речи. До настоящего времени сохранились только 25 стихотворений, записанных на иду, которым дали название хянга.

Поэзия Корё испытала на себе большое влияние танской традиции, а проза – сунской. Корёская литература подверглась также и японскому влиянию, о чем свидетельствуют стихи в стиле танка. В Корё была распространена техника ксилографической печати, с помощью которой были напечатаны более 10 тыс. томов буддийских текстов («Тэджангён», «Сокчангён») [6. С. 342].

Новый жанр коре каё стал популярным в среднем периоде эпохи Коре, позже стал появляться интереснейший жанр сичжо – лирическая поэзия, который, как правило, состоит из трех строк. Так, в сжатой форме до читателя доносили определенные чувства и мысли. В XV веке, после сочинения алфавита хангыль, появились еще несколько видов любовной лирики.

В период эпохи Чосон стал распространенным жанр пейзажной лирики, издаваемый на родном языке – коса. В своих стихах поэты передавали своё восхищение красотой родной природы. Начались перемены в корейской литературе, когда в стране в XVII веке распространилось движение Сирках. На письменность давило западное влияние, появилась идея равенства всех людей. Авторами сочинений стали не только профессиональные поэты, но также и простые люди, которые буквально захлестнули страну сочинениями на хангыле [5].

Известны исторические сочинения двух типов – конфуцианские и буддийские. В первый период эти два типа были представлены «Историческими записями Трех Государств». «Исторические записи Трех Государств» составлены в 1145 г. Это был ведущий памятник конфуцианской историографии и единственное сохранившееся сочинение по истории корейских государств [3. С. 47].

Второй период истории литературы Коре гораздо богаче памятниками и крупными именами поэтов и прозаиков. Это было время расцвета поэзии на китайском языке и одновременно увлечения собственным народным творчеством. Ведущие литераторы собирали предания и народные песни, переводили их на китайский язык, составляли сборники. Проза была представлена прежде всего неофициальными историческими сочинениями, которые составлялись буддийскими наставниками высокого ранга, а также собраниями пхэсоль – «низких речений» (они относились к типу неофициальных историй), их авторами были известные поэты Ли Инно, Чхве Ча, Ли Кюбо и Ли Чехён [3. С. 54].

Самым первым произведением классической корейской художественной литературы является «Кымо Синхва» («Geumo Sinhwa», «Сказки

Кымо»), автором которого является Ким Си-сып (Kim Si-seup). Это произведение написано китайскими иероглифами. С XVII в. художественная литература становится всё более популярной и более доступной для читателя. Особенно популярной формой беллетристики была «пансори» («pansori»), появившаяся в конце XVII – начале XVIII вв. и основанная на устных сказаниях об обычных людях того времени и их стереотипах [4].

Неофициальные истории в жанре пхэсоль получили распространение в XIII–XIV вв. Название жанра пришло из Китая, где еще в первых веках до нашей эры существовал термин *байгуань вэньсюэ* (кор. пхэгван мун-хак). *Байгуань сяошо* – «литературные творения мелких чиновников». Авторами ранних корейских пхэсоль были ведущие поэты своего времени, не состоявшие на службе (во всяком случае в те годы, когда они писали свои собрания «пустяковых речений») [3. С. 65].

Поэты XII–XIV вв. дали корейской литературе новый жанр изящной прозы – аллегорию или псевдобιοграфию. Это короткое произведение, составленное по правилам традиционной биографии и помеченное знаком чон Ш: вначале дано представление героя, затем рассказывается о его деяниях, а в конце приводится «суждение историка». Однако героем аллегории могут быть не только люди, но и любой предмет окружающего мира. Аллегии знакомят нас с таким явлением дальневосточной литературы, как использование традиционного жанра для создания произведений нового типа. Эти произведения, в отличие от традиционной биографии, специально ориентированы на вымысел (сообщение о выдуманных героях и событиях). Псевдобιοграфия не была «корейским изобретением», она пришла из Китая, где известными мастерами этого жанра были Хань Юй и Лю Цзун-юань (VIII в.) – поэты танской эпохи [3. С. 89].

Появление письменности определило особенности литературы этого периода и способствовало развитию национальных жанров поэзии и прозы. Литературу эпохи Чосон условно можно разделить на три больших периода:

1. XV–XVI вв. (до Имчжинской войны с Японией) – появление и расцвет национальных жанров поэзии сичжо и каса.

2. XVII–XVIII вв. – появление и развитие национальных жанров прозы – больших повествовательных форм, которые принято называть романами *чанпхён сосоль* дневников на корейском и китайском языках, новых жанров поэзии на корейском языке *чансичэю* (длинные сичжо), *кихэн каса* (напевные строфы о путешествиях) и *кюбан каса* (напевные строфы женской половины).

3. XIX в. – в этот период рядом с традиционными жанрами поэзии и прозы на корейском и китайском языках появляется проза средних и малых форм (повести и рассказы) на корейском языке, драма на китайском языке и авторские тексты для народной драмы пхансори [3. С. 103].

В середине периода Чосон появились притчеобразные истории, а к концу этого периода писатели стали отходить от ортодоксальных правил классической китайской литературы, и вскоре рассказы о простых людях, вроде торговцев или воров, стали обычным явлением [4].

В XVI–XVII вв. появились три больших цикла стихов о природе, которые включали по десять и более стихов. Их авторами были известные поэты, философы и государственные деятели Ли Хван (1501–1570), Ли И (1536–1584) и Юн Сондо (1587–1671) (рис. 21). Поэты создавали свои циклы в периоды вынужденной отставки, когда они жили в провинции, в родных местах [3. С. 123].

Рис. 21. Юн Сондо

В XVI–XVII вв. в центральных и южных провинциях Кореи появился и стал приобретать широкую популярность новый жанр устного народного творчества пхансори – сказание повестей нараспев в сопровождении корейского барабана пук. И в настоящее время этот вид народного творчества не потерял своей значимости для корейской культуры.

В среде образованного сословия возник большой интерес к корейским народным сказаниям, которые стали записывать на ханмуне – официальном письменном древнекитайском языке. Таким образом, устное народное творчество получило статус литературы. Наиболее известным считается сборник рассказов «Неофициальные рассказы [страны] Зеленых Холмов» («Чхонгу ядам»), составившийся на протяжении XVIII столетия [2. С. 185].

Однако самым замечательным явлением в литературной жизни периода Позднего Чосона стало стремительное развитие народной популярной художественной литературы на корейском языке, записанной с помощью корейского алфавита. Первым известным произведением такого рода, дошедшим до наших дней, является «Сказание о Хон Гильдоне» («Хон Гильдон чжон» – повесть о предводителе народного восстания), написанное еще на рубеже XVI–XVII вв. прозаиком, поэтом и высокопоставленным сановником с очень непростой судьбой Хо Гюном (1569–1618). Однако авторство большинства произведений популярной прозы того времени, написанных на корейском языке, неизвестно. Причем некоторые литературные произведения классифицируются как запись устных народных сказаний – пхансори. Самые известные из них: «Сказание о Чхунхян» («Чхунхян чжон» – повесть о любви Чхунхян, девушки из низшего сословия, и юноши янбана), «Сказание о Симчхон» («Симчхон чжон» – повесть о заботливой дочери), «Сказание о Хынбу» («Хынбу чжон» – повесть о двух братьях, бедном и богатом), «Повесть о зайце» («Тхокки чжон» – новая вариация когурёского мифа, зафиксированного в «Исторических записях Трех Государств»), «Записи [годов] имчжин» («Имчжин нок» – повесть о событиях Имчжинской войны) и др. [2. С. 186].

В «Сказании о Чхунхян» – лучшем творении средневековой корейской литературы – повествуется о верной любви, не признающей сословных барьеров, о стремлении человека отстоять собственное достоинство, утвердить свое право на счастье.

Любовь и верность – лейтмотив произведения, главная его тема, что нашло отражение даже в имени главной героини повести: «Чхун-

хян» означает «Весенний аромат». Весна – время обновления и любви. Именно в эту пору встречаются герои повести [8].

Рис. 22. Верная Чхуан: Корейские классические повести XVII–XIX вв.

После освобождения Кореи одна из главных задач творческой интеллигенции заключалась в возрождении национальной литературы.

Однако в литературных кругах, как и во всем корейском обществе, заметился идеологический раскол как следствие противоборства идей коммунизма и западной демократии. Разделение нации привело к размежеванию единой национальной литературы. В ходе Корейской войны и после нее левое направление исчезло с южнокорейской литературной сцены. Старые мастера в Южной Корее оставались верными традициям в поэзии и прозе. Молодые авторы, пережившие братоубийственную войну, занялись поиском нового смысла жизни. Не находя ответов на волновавшие их вопросы, они выражали в своих произведениях пессимизм и нигилизм. Схематично можно отметить, что вторая половина 1960–1970-х годов характеризуется как период застоя в художественной прозе, что, в первую очередь, связано с условиями военной диктатуры в стране, 1980-е годы – период идейности, а 1990-е – период индивидуальной чувственности [1. С. 366].

7.2. Литература послевоенного периода

Переломным этапом развития литературы Южной Кореи является вторая половина 1950-х годов, когда появилось новое поколение молодых. Многие поэты и писатели оказались в действующей армии, принимали участие в боях, и этот личный жизненный опыт стал основой их творчества. На литературной сцене появились молодые талантливые авторы-модернисты, которых называют «послевоенным поколением». К ним относятся О Санвон (1930–1985), Со Гивон (род. в 1930 г.), Чхве Инхун (род. в 1936 г.), Сон Чхансон (1922–1959) и др. Эти новые авторы стремились использовать нетрадиционные литературно-художественные средства, чтобы передать свое видение трагизма войны и ее последствий [1. С. 366].

В послевоенный период творчество корейских писателей характеризуется стремлением к эпическому отображению жизни, к созданию широких литературных полотен о героическом прошлом народа и трудовых свершениях рабочих и крестьян в социалистической Корее. Особое место в литературе занимают произведения, посвященные проблеме объединения родины, разоблачению реакционной политики южнокорейского режима. Среди них роман Пак Тхэ Вона «Рассвет над родиной», эпопея Сок Юн Ги «Рождение эпохи», романы Чхон Се Бона «История бедствий» и Хван Гона «Заря над родной землей», повесть Ли Ги Ёна «Судьба одной женщины», романы Им Чхун Джу «Молодежный авангард», Чхон Се Бона «Новый берег в тумане», Сок Юн Ги «Густо растущие подсолнечники» [10].

В поэзии стали выделяться три основных направления: традиционная лирика, «ангажированная поэзия» (чхамё си) и «чистая поэзия» (сунсу си). Во второй половине 1960-х годов внимание поэтов начинают привлекать проблемы, связанные с происходящими переменами: расслоение общества, отдаление людей от природы и их излишняя материалистичность. Ли Сонбу (род. в 1942 г.), Чо Тхэиль (род. в 1941 г.), Чхве Харим (род. в 1939 г.) и другие поэты описывают жизнь простого народа, говорят о противоречиях между разными классами общества. Основная тенденция развития прозы 1960-х годов – отход от «чистой литературы» (сунсу мунхак) и обращение к вопросам, которые преподносит действительность [1. С. 367].

7.3. Современная литература

До 1980-х гг. корейская литература была в значительной степени неизвестной за пределами полуострова. Но с тех пор количество переведённых работ улучшилось, область переводимых работ также расширилась, плюс улучшилось качество перевода.

Первой антологией корейской литературы, изданной на английском языке, стал сборник «Цветы огня». В неанглоязычных странах, к сожалению, издаётся чрезвычайно мало переводов корейских произведений, но в целом интерес к литературе этой страны, возникший благодаря увеличению корейских фильмов в западном прокате, возрастает [4].

Чрезвычайно популярной в Корее книгой последних лет стал роман «Намхансансон» писателя Ким Хуна. Намхансансон – это старинная крепость вблизи Сеула. В романе описываются события с конца 1636 и начала 1637 г., когда войска династии Цин вторглись на Корейский полуостров. Корейская армия была не готова к войне и не могла оказать сопротивления. Король Инчжо и придворные укрылись за крепостными стенами вместе с жителями и защитниками крепости. Более полутора месяцев защитники крепости сопротивлялись, но потом, когда запасы продовольствия иссякли, они были вынуждены сдаться в унижительный плен.

Ким Хун и раньше писал исторические романы, которые снискали немалую известность. Один из них был посвящен жизни корейского национального героя адмирала Ли Сун Сина, другой представляет собой биографию музыканта по имени Урык, который жил в VI веке нашей эры в государстве Силла.

Книга Ким Хуна не единственный бестселлер из разряда исторических романов. В списке самых популярных книг роман Син Гён Сук под названием «Ли Чжин» – это имя одной из придворных дам в государстве Чосон. Еще один пример – книга Ким Хон Сина «Великое Пархэ», повествующая об истории периода государства Пархэ [1. С. 370].

7.4. Женское литературное творчество

В 20–30-е годы на литературной арене появились первые писательницы, положившие начало современной женской литературе. В своих произведениях они пытались показать бесправное положение своих современниц и несправедливость старых патриархальных законов, которые низводили их до уровня «домашних рабынь». Но борьба за изменение судьбы женщины шла не только на литературной арене. В самом корейском обществе стали раздаваться голоса в защиту ее прав [9].

В 50–60-е годы на литературной арене Кореи появляется много поэтесс, например, О Синхё, Син Донъчхун, Хам Херён, Ким Намхван, Ким Джихянъ, Хонъ Юнсук и др. Поэтесс этого периода волнуют не только проблемы семьи и любви. Так, например, когда поэтесса О Синхё говорит о Первомайском движении, она вспоминает друзей, которые принимали в нем участие и погибли, сражаясь за свободу и независимость Кореи:

Когда приходит март, о мои дорогие друзья,

Я вспоминаю, как вы прятались в церквах,

Что стоят в полях и горах Маньчжурии.

В ушах моих до сих пор звучат ваши голоса, требующие свободы.

В северный ветер и снег знамя Кореи они высоко поднимали.

Словно источая пламень, кричали: «Да здравствует независимость!».

Образы любимых друзей, проливавших кровь, в глазах моих стоят.

Свободно реет на реках и озерах знамя Кореи.

На родине теперь отмечают день Первомайского движения.

И не знают на юге, когда закончился день печали.

Старые патриоты, отдавшие себя за родину,

Став душами, болеющими за страну и родных,

И в моем сердце жарко огнем пылают.

Когда этот огонь разгорался,

Можно ли было что-нибудь еще зажечь.

Маленькая лодка, на которой мы спаслись, и упорная сила врагов.

Сжечь бы ее целиком и осветить всю Корею! [11. С. 250].

Одной из самых ярких корейских писательниц можно назвать Чхве Мён Хи (1947–1996), ставшую известной с появлением в свет первого тома романа «Хонбуль». Далее началась 17-летняя эпопея написания этого романа, который в итоге был издан в 10 томах. Слово *хонбуль* связано с народным поверьем и означает сияние, которое исходит от дома, когда «хон», то есть душа (дух), покидают жившего в нем человека. Действие романа происходит в конце 1930-х годов и до 1943 года в деревне Нобон провинции Северная Чолла, описана жизнь женщины, представительницы трех поколений одной семьи. О романе «Хонбуль» говорят как об одном из шедевров, с которыми корейская литература входит в новое тысячелетие. Благодаря своему творению, которому Чхве Мён Хи отдала свою жизнь, она навсегда останется в сердцах любителей корейской литературы. Деревню Нобон стали иногда называть иначе – деревня «Хонбуль», в ней сейчас действует литературный музей в память ушедшей писательницы [1. С. 372].

Литература по теме

1. Ким Г.Н. Республика Корея. – Алматы: Дайк-Пресс, 2010. – 584 с.
2. Курбанов С.О. История Кореи: с древности до начала XXI в. – СПб.: Изд-во Санкт-Петербур. ун-та, 2009.
3. Троцевич А.Ф. История корейской традиционной литературы (до XX в.): учеб. пособие. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2004. – 323 с.
4. Корейская литература за рубежом [Электронный ресурс]. URL: <http://goryeo.ru/node/39> (дата обращения 08.09.2016).
5. Литература Кореи [Электронный ресурс]. URL: <http://www.litera-asia.ru/geografia/corea/> (дата обращения 08.08.2016).
6. Всемирная история / отв. ред. П.Ю. Уваров. – М., 2012. Т. 2: Средневековые цивилизации Запада и Востока. – 894 с.
7. Культура Кореи: учеб. пособие / сост. Л.А. Андропова; Томск. политех. ун-т. – Томск: Изд-во Томск. политех. ун-та, 2014. Ч. 1: С древнейших времен до 1910 г.
8. Литературное наследие [Электронный ресурс]. URL: <http://korea.narod.ru/content/korea/11/10.htm> (дата обращения 21.07.2016).
9. Истоки корейской женской прозы [Электронный ресурс]. URL: <http://www.dslib.net/literatura-mira/rasskaz-v-tvorchestve-sovremennyh-pisatelnic-respubliki-koreja.html> (дата обращения 21.07.2016).

10. Литература и искусство [Электронный ресурс]. URL: <http://geography.su/books/item/f00/s00/z0000009/st010.shtml> (дата обращения 21.07.2016).

11. Галкина Л. Женское направление в современной южнокорейской поэзии // Известия Восточного института. – 1996. – № 3. – С. 245–251.

Контрольные вопросы

1. Основные этапы эволюции корейской литературы.
2. Основные поэтические и прозаические жанры, их характеристика.
3. Перечислите первые произведения – предания.
4. Корни классической корейской литературы.
5. В каком веке был создан первый памятник корейской литературной письменности?
6. Основные типы исторических сочинений.
7. Литературные периоды эпохи Чосон.
8. К какому литературному жанру принадлежит произведение «Сказание о Чхунян»?
9. Охарактеризуйте литературу послевоенного периода.

Темы для рефератов

1. Ранняя проза Кореи.
2. Литература эпохи Чосон.
3. Литературные жанры Республики Корея.

Тема 8. ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРА И ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА КОРЕЙЦЕВ

8.1. История формирования хореографического искусства Кореи

Генетические корни хореографического искусства Кореи глубоко проникают в культуру древности, но его национальные истоки следует искать в средневековой культуре – от эпохи Трех Государств до конца эпохи династии Чосон. Культурные традиции этих столетий, передаваемые от поколения к поколению, особенно ярко высветились в танцевальном искусстве Кореи в годы правления династии Чосон и, успешно минув тяжёлые годы японской оккупации, несмотря на раздел страны на две части, во всей их полноте проявились в начале XXI века.

Первые упоминания о танцевальной культуре корейцев датируются IV веком. Это гробница с танцующими (Муёнчхон), находящаяся в районе Тунгоу. Стены гробницы расписаны традиционными сценами весёлого пира. Подобные сцены должны были увеселять души усопших, развлекать их, как это было при их жизни. Поэтому роспись Гробницы – изображения весёлых пиров с участием танцоров, актёров, акробатов, как считает известный исследователь корейской культуры О.Н. Глухарёва, представляют большой научный интерес для изучения жизни, культуры и быта знати того времени [1. С. 26].

Хореографическое искусство Кореи быстро и органично впитывало в себя не только буддийские каноны, относящиеся к танцам и музыке, но и практическую систему духовного обогащения личности, включающую в себя традиционные ступени совершенствования (созидание добрых причин, устранение желаний, снятие преград, гармонизация духа и т.п.).

Государство Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.), расположенное ближе к Китаю, получило больше культурных заимствований из Китая

и намного раньше, чем Силла и Пэкче. В результате новая религиозная и светская музыка, а также и танец в Когурё получили развитие намного раньше, чем в других корейских государствах.

Так как южные провинции находились под проникающим влиянием Китая, то и там развивались танцы и музыка в период Пэкче, включая танец масок, известный как камугиак. Многих певцов и танцоров в VI веке отправляли в Японию, где они демонстрировали новые виды искусства. С ростом изучения конфуцианской мысли и развитием китайской поэзии в государстве Силла стало распространяться сочинение песен на китайские национальные мотивы, а первые танцы в масках стали предшественниками современных танцев в масках как шаманского, так и светского происхождения [2. С. 337].

Своеобразным симбиозом народных и дворцовых традиций следует признать танцы Чхоёнму. Такое название этот вид корейской хореографии получил по имени знаменитого постановщика и исполнителя танцев в IX в. Чхо Ёна. Он создал зрелищные танцевальные представления в масках, которые постепенно приобрели вид театрализованного действия с участием большого количества актёров музыкантов и танцоров. Танцы Чхоёнму пользовались огромной популярностью в государстве Корё [3. С. 36].

Дворцовые танцы, появившиеся с установлением королевской власти и устраивавшиеся во время дворцовых мероприятий или празднеств в честь высокопоставленных лиц, обычно восхваляли благородство и величие королевского рода. При исполнении дворцовых танцев – «хакму», «комму» и «чхоёнму» – каждый танцор одевался в красочный костюм с высокохудожественной отделкой [4].

В народной среде бытовали различные виды песен, танцев, песенных сказов и кукольных представлений, отвечающих вкусам и устремлениям сельских и низших городских сословий. Театральное искусство XV века представляло собой творческое развитие достижений предшествующего периода. На этой основе к началу XV века складываются два вида средневекового театра: театр масок сандэгык и театр марионеток квервегык. Они принадлежали простому народу, развивались на городских площадях и улицах. Театральные представления в масках Сандэгык знаменуют собой появление подлинно театрального искусства, поскольку оно вбирает основные драматические компоненты: драматическую основу, сценическое действие, диалог, музыку и танец. Ориентированные на простых горожан и сельских жителей выступления театров масок и марионеток имели явно выраженный сатирический характер. Музыкальная культура в XV веке развивалась в двух направ-

лениях: церемониальная музыка и народная песенно-музыкальная традиция.

Маски, которые по-корейски называются «тхаль», делались из бумаги, дерева, тыквы и меха. Большинству из них придавались выражения и черты, присущие корейским лицам, но некоторые должны были изображать богов и животных, как настоящих, так и воображаемых. По размерам маски были значительно больше человеческой головы, а их черты носили гротескный характер, так как танцевальные представления «тхальчхум» обычно исполнялись в вечернее время при свете костров. Представление нередко заканчивалось жизнерадостным танцем, в котором принимали участие не только актеры, но и зрители.

Исполнители танцев, которые были выходцами из простой среды, скрывающие лица под масками аристократа, кокетливой молодой женщины, жены или любовницы, мужа или слуги, разыгрывали комические сценки. Сатирический характер таких представлений и критика негативных явлений, имеющих место в реальной жизни, находили широкий отклик среди простых людей (рис. 23, 24).

Рис. 23. Nahoe Tаль Yangban – аристократ (слева), Бу NE – кокетливая молодая женщина (справа). Используются в традиционных корейских танцах династии Чосон

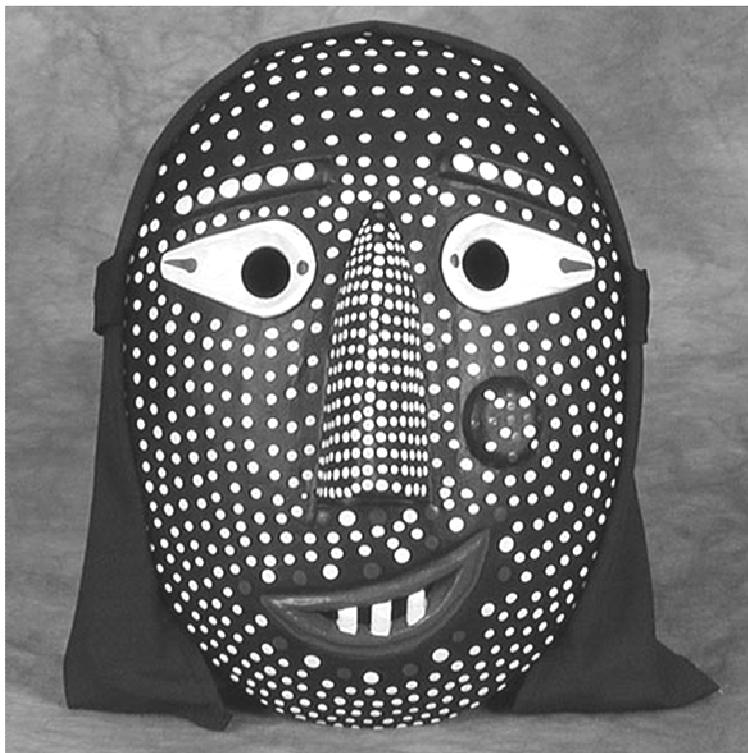

Рис. 24. Ми Ял НАЛ ми – маска пожилой женщины. С тканевым капюшоном для покрытия головы в виде имитации чёрных волос. Используется в традиционных корейских танцах (Тхаль чхум)

Народные крестьянские танцы, появившиеся с развитием сельского хозяйства, по мере увеличения сельскохозяйственной продукции и повышения культурного уровня простого населения значительно расширили свой жанровый и тематический диапазон. Эти танцы не только правдиво отражали жизнь народа, но и выражали протест против существующих порядков. Наиболее популярными были танцы «тхальчхум», «сандэнори», «сынму», «мусокчхум», «кокдугакси», «тхэпхёнму», «ханьянму» и «сальпхури» [4].

В народной среде в XV в. были распространены старинные песни и танцы о сельскохозяйственном труде, быте, повседневной жизни, обрядах и других занятиях простолюдинов. Особое место занимал в этот период ритуальный шаманский танец Мудань, так как вера в духов природы по-прежнему была очень сильна. Очень популярными

становятся песни Каё, своеобразная песенная традиция обычных горожан. Основаны они были на поэтическом музыкальном жанре Касса, под музыку которого на праздниках девушки водили хороводы.

Таким образом, этнокультурные особенности традиционного хореографического искусства Кореи заключаются в сочетании исключительно национальных по своим истокам элементов с другими компонентами, перенесёнными с азиатского и других континентов и принятыми или ассимилированными сообразно вкусам корейцев, органично включёнными в состав национальной культуры.

8.2. Классификация традиционных корейских танцев

Этнический танец – отражение народной жизни. Как любое явление фольклора он вобрал в себя всё самое существенное и принципиальное, что характерно для данного народа, именно поэтому танцы часто так не похожи друг на друга и уникальны в своём роде. Танец – своеобразный язык народа и ценнейший источник информации. Народные танцы во всём мире выражают характер, отличительные свойства каждой национальности: воинственность и удаль, необузданное веселье, сдержанную вежливость либо просто радость ритмического движения [5. С. 403]. Игровые танцы в прошлом имели магический смысл. Одновременно они являлись средством физического и морального воспитания, входили в комплекс шаманских камланий и национальных праздников и имели не только ритуальный, но и развлекательный характер [6. С. 329].

К фундаментальной основе корейской пластической культуры можно отнести шаманские танцы во время камлания. Шаманизм является древнейшей формой религии и способом гармонизации человеческого сообщества с природой, окружающим миром, который представлялся древнему человеку населенным множеством сверхъестественных существ. Шаман был связующим звеном между ними и человеком. Способом осуществления этой связи служили обрядовые действия, сущность которых состояла в игре на специальных инструментах, пении и плясках.

Ритуалы корейского шаманизма преследуют много простых житейских целей. Главная из них – достижение гармонии и благополучия своей общины [7. С. 120]. Культурная практика в корейском шаманизме весьма разнообразна. Главной функцией шаманов является проведение камлания «кют», во время которого шаманка (шаман) исполняет всё убыстряющийся танец под аккомпанемент барабанов и колокольчиков.

Параллельно с танцем исполняются песнопения-заклинания, в которых шаманка призывает своих духов-покровителей. Кульминационной точкой камлания является впадение шаманки в транс, во время которого происходит её «общение» с духами.

Рис. 25. Танец шаманки Мудань. Театр г. Дегу, 2003

В общем шаманские танцы очень индивидуальны, так как их исполнители, исходя из сложившейся ситуации, создают различные дополнительные движения в танце. Среди шаманских танцев есть и свой придворный Комму, или «Танец с мечами». Танцор держит два обычных меча с короткими лезвиями, соединёнными проволокой с короткой рукояткой, и, размахивая ими в танце, издаёт определённый шум. Этот

красочный и привлекательный танец сегодня является одним из самых популярных в Корее [8. С. 25].

Народный танец – самый древний вид танца. Среди уникальных черт корейского народного танца можно выделить преобладание движений исполнителя над ритмом. В придворных танцах строго следуют ритму, а народный танец контрастирует им своей свободой и импровизацией. Такое художественное несовпадение ритма аккомпанемента с движениями танцора достигает своего пика в исполнении крестьянского танца, где «...все шествуют под тройной метр так бесстрастно, будто они гуляют по просёлочной дороге, совершенно не обращая внимания на ритм» [2. С. 357].

Ещё одним важным показателем корейского народного танца является отрешенность от временного континуума, что выражается в малой подвижности танцора, по большей части он только двигает плечами (вверх и вниз). В народном танце всё направлено на достижение духовного покоя.

Рис. 26. Кангансуволле. Фестиваль Кангансуволле. Этнографическая Деревня г. Сувон, 2008

В древние времена в Корее крестьянские танцы исполнялись только мужчинами, так как они были наполнены силовыми акробатическими элементами. В наше время в энергичном крестьянском танце принимают участие как мужчины, так и женщины.

Важно отметить, что крестьянские танцы в прошлом завершали собой проведение ритуалов кут, поскольку коллективный танец повы-

шал, согласно традиционным представлениям, мощь ритуального воздействия. В современной корейской культуре крестьянские танцы принято считать самыми близкими корейскому народу, ибо вера в благу силу коллективного действия очень сильна и поддерживает неразрывную связь исторического прошлого, настоящего и будущего.

Танцы в масках как основной вид театрального искусства существовали в Корее с незапамятных времён. Об этом свидетельствует летопись «Самгук саги», сообщающая, что в IX веке в Объединённом государстве Силла были распространены три вида подобных представлений, и «Корё СА» («История Корё»), которая упоминает театр масок сандэ чапкын как один из видов увеселений при дворе короля Коджона (1214–1259).

Был он популярен и в начальный период Чосон, когда во дворце даже была утверждена официальная должность распорядителя представлений в масках. Однако в 1634 г. её упразднили. Постепенно театр масок стал зрелищем простого народа [9. С. 436]. Сегодня ученые считают, что танцы в масках тхальчхум происходят из ритуалов, которые средневековые корейцы исполняли весной и осенью в честь земных и небесных духов.

Рис. 27. Тхальчхум. Танец в масках. Этнографическая деревня г. Сувон, 2008

Танцы в масках, объединяющие пластику, пение и устное повествование, включали также элементы шаманских обрядов и были очень популярны у простого народа. Их исполнение часто носило сатирический характер и содержало элементы критики дворянства, что вызывало большой восторг аудитории. Танцы в масках представляют культурно-историческую ценность, сочетая национальные традиции и современность, отражая духовную и повседневную жизнь, древние воззрения корейского этноса.

Ритуальные и религиозные танцы традиционной культуры Кореи тесно связаны с конфуцианством, буддизмом и шаманизмом. «Конфуцианские ритуальные танцы исполнялись под аккомпанемент «элегантной музыки». С момента принятия этого вида искусства корейцами в начале XII века конфуцианские ритуальные танцы сохранились в первоизданном виде» [2. С. 330].

Большинство танцевальных движений, которые сопровождают конфуцианский обряд, лаконичны и величественны. 64 танцора (мужчины, стоящие в восемь рядов) медленно склоняются в поклоне в такт музыке во время исполняемого в наши дни конфуцианского ритуала. Церемония, исполняемая в честь 20 правителей династии Чосон, отличается большим разнообразием движений: помимо почтительных поклонов танцоры (также восемь рядов по восемь человек), облаченные в пышные одежды пурпурного цвета, совершают движение руками, описывающими круг, и поднимают ноги (сгибая в колене и отрывая от пола на 10–15 сантиметров) [10. С. 58]. В начале XXI века этот церемониальный танец исполняется строго по определённым правилам, являясь священным, культовым.

В совокупности все ритуальные конфуцианские танцы называются «ильму»; они до сих пор исполняются весной и осенью в конфуцианских храмах Сеула и посвящены непосредственно Конфуцию и его ученикам. Похожие ритуальные танцы исполнялись в Императорском Храме предков на окраинах Сеула.

Танцы *ильму* состоят из «Гражданского танца» и «Военного танца», исполняются двумя группами танцоров, которые образуют 8 линий, по 8 танцоров в каждой. Такая расстановка именно в этих танцах получила название «Восьмая Ильму». В танцах используется целая серия простых, медленных и стилизованных движений, но не для самого танца как такового, а с целью проведения церемонии жертвоприношения.

Рис. 28. Конфуцианский ритуальный танец Ильму – исполнители «гражданского танца»

Для обоих танцев характерны очень медленные движения рук и ног, учтивые приседания и ритуальные поклоны. Их чувственная основа тесно связана с основными моральными принципами конфуцианской этики: прославление добродетели, солидарность в защите родины, сыновняя почтительность и уважение к старшим по возрасту людям.

Кроме перечисленных видов танца в Корее существуют и другие ритуальные танцы. Например, «барачхум», «бопгочхум» и «набичхум» танцуются во время буддийских ритуалов.

Буддийские танцы, которые были представлены в Корее в VIII веке, пришли из Индии через Китай и уже в IX веке приобрели характерные корейские черты, потеряв первоначальный вид. Несмотря на это, сохранились 4 танца, составляющие основную часть репертуара буддийских ритуальных обрядов. Эти танцы исполнялись с целью взывания к Будде с мольбой о душах умерших, чтобы они смогли достичь рая.

Одним из самых известных корейских буддийских танцев является достаточно сложный ритуальный танец Чакпоп (создание дхармы), состоящий из трёх взаимосвязанных между собой частей. Сначала исполняется «Танец бабочки», который своей грацией, тонкостью и сдержанностью исполнения не уступает легким, воздушным движениям бабочки.

Танец сопровождается аккомпанементом большого гонга и буддийским призывным пением. Из существовавших 14 видов этого танца до нас дошли лишь 6 вариаций, которые исполняются и по сей день. Обычно «Танец бабочки» танцуют два монаха, которые одеты в длинные одежды белого и жёлтого цветов с очень широкими рукавами. На их головах имеется обычный монашеский остроконечный колпак, который значительно утяжелён добавочными складками и украшен орнаментом. Также на танцорах надеты красные мантии, проходящие через плечо и застёгнутые на груди, которые напоминают крылатых насекомых (бабочек) [11. С. 54].

Рис. 29. Тхачжучхум – Танец бабочки. Буддийский храм г. Сеул, 2008

Буддизм и шаманизм определённым образом влияли друг на друга. Например, буддисты заимствовали некоторые религиозные шаманские принципы. Один из них – концепция божественности горы. Также буддистами была спроектирована конструкция здания, в котором шаманские божества прекрасно дополняли общую картину буддийского храма. С другой стороны, у шаманизма 30% всех ритуалов, носящих название «кут», имеют буддийские корни. Шаманский ритуал, известный

под названием «Семь звёзд», является тому ярким примером. В этом ритуале шаманка, одетая в ризы монаха с буддийскими чётками, исполняет «Танец спускающегося бога» под аккомпанемент цимбал, так же как и в буддийском «Танце с цимбалами», принося бесконечную покорность славе Будды [12].

Особенного внимания из серии ритуальных танцев заслуживают погребальные танцы. Их духовная основа – вера в бессмертие, в неразрывную связь живых с умершими предками.

В череде подобных танцев первым значится *Сангё нори*. Он исполняется во время прощания родственников и знакомых усопшего, когда несущие гроб несколько раз обходят деревню, заходя в каждый дом, где при жизни бывал умерший. Другой сольный танец *Пансансичхум* исполняется непосредственно возле стоящего гроба.

Богатый потенциал ритуальных и религиозных танцев в Корее очевиден. Бесспорен и тот факт, что наследие этих видов танца – культурное достояние всей мировой культуры в целом. Именно они имеют яркое и многозначительное сочетание глубокой древности и прогрессивной современности.

Традиционные придворные корейские танцы – это огромный культурный пласт корейского этноса, его история. Возрождение и сохранение этого вида танца становится важной проблемой и задачей в современном мире. Корее удалось сохранить памятники её славного прошлого.

Как и народные, придворные танцы ярко выделяются в корейском танцевальном искусстве. Они имеют единые корни древнего происхождения, сходны и в манере их исполнения. Они нуждаются в особом внутреннем настрое. Придворные танцы в Корее бывают двух видов: исполнявшиеся под музыку двора и под мелодии местных напевов, их целью было развлечение короля и его свиты [13. С. 22].

Корейский придворный танец имеет очень давние традиции. Уже в VIII веке, то есть примерно за 400 лет до появления в Италии в эпоху Возрождения придворного балета, во дворце правителя Корё устраивались красочные поэтические представления, в которых участвовали женщины. Перед их началом и в конце исполнялись специально написанные песни. К каждому спектаклю шились богатые костюмы, изготовлялись великолепные декорации [14. С. 98].

Придворный танец развивался более свободно в период широкого распространения буддизма, чем в годы, когда доминировало конфуцианство. В период Корё танцовщицы в великолепных костюмах на фоне декораций исполняли замысловатые придворные танцы. Например,

один из танцев изображал катание на лодке. Шесть прекрасных девушек тянули лодку, в которой сидели двое детей. После того как был брошен якорь, четыре танцовщицы заставляли лодку кружиться с помощью канатов. Всего в танце участвовали 32 девушки [3. С. 39].

Большинство костюмов для придворных танцев закрывают всё тело, ноги скрыты под широким подолом платья или юбки. Красота этих танцев заключается в тонкой выразительности поз и жестов, мягкости и плавности движений и постоянном духовном напряжении [2. С. 354].

Существовало чуть больше 50 разновидностей придворных танцев. Многие из них исполнялись двумя группами – основной и побочной. Мужские роли – основные партии – исполнялись мальчиками, которых называли «мудон», а женские партии – побочные – исполнялись придворными танцовщицами – «кисэн». Мудоны, как правило, танцевали для императоров, принцев и их гостей, а кисэны – для цариц, принцесс, в том числе и в присутствии императора с гостями на различных придворных церемониях.

Придворные танцы были возвышенными, величественными, торжественными, витиеватыми и тонко разработанными, так как они предназначались к исполнению утончённого спектакля, в котором участвовали более 200 танцоров. Все движения, фигуры танцев были строго расписаны и распределены по ролям. Для того чтобы подчеркнуть характерную стройность танцев, использовали дорогие орнаментированные костюмы, а для увеличения помпезности и соответствия величию и славы трона – богатые декорации. Как правило, при исполнении придворных танцев строго придерживались определённого ритма [15].

Классический танец весеннего соловья – Чхуненчжон – исполняется сольно и является самым медленным из всех придворных танцев (рис. 30). Для этого номера танцор надевает желтые одежды, перетянутые на груди красной лентой; на голове – замысловатая корона в форме многолепесткового лотоса. Танец исполняется на большой соломенной циновке с изображениями цветов и журавлей. Этот танец самый медленный по темпу и ритму. Он исполняется артистом, почти не сходя с места. Внимание зрителя неизменно приковывают к себе длинные струящиеся рукава танцора с разноцветными полосками на концах, которыми он совершает ряд точных, грациозных движений. Каждый жест, даже самое малейшее движение пальца имеют многозначный смысл, связанный с конфуцианским этикетом.

Рис. 30. Танец весеннего соловья в исполнении Ким Чхон Хуна. Этнографический музей г. Сеул, 2003

Танец «Каин Чонмоктан» («Красавица собирает пионы») и сегодня является одним из самых популярных придворных танцев, это очень красочный и зрелищный номер (рис. 31). Сегодня его можно посмотреть в исполнении танцевального коллектива Национального центра традиционного исполнительского искусства в городе Сеуле [16].

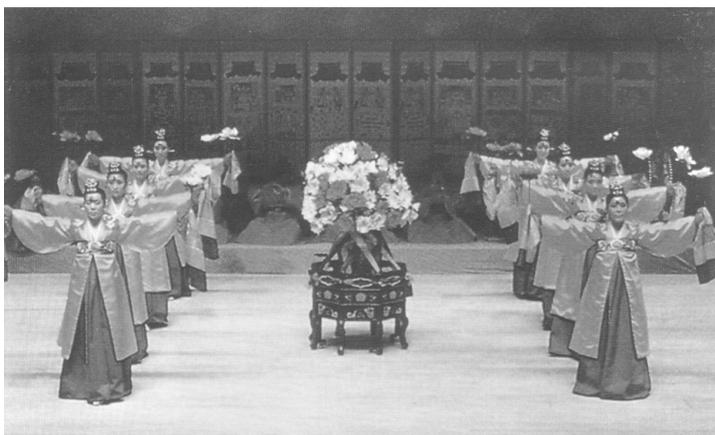

Рис. 31. Танец «Красавица собирает пионы» в исполнении танцевального коллектива Национального центра традиционного исполнительского искусства г. Сеул

Таким образом, традиционные корейские танцы, вбирая все этнокультурные особенности, представляют собой удивительное и неповторимое явление в мировой культуре. В танцевальном искусстве Кореи, как и в других видах творчества, существует несколько различных направлений: шаманские, народные, религиозные, придворные. Танцы имеют свои этнокультурные особенности и различия, и каждый известный сегодня танец в процессе исторического развития определённым образом трансформировался, видоизменялся, поэтому в чистом виде до нас дошли лишь основополагающие, выполняющие сохранно-объединяющую функцию или религиозную (при обращении к богам). Остальные сохранили лишь свой сюжетный, символический стержень, изменившись в ритме, такте и композиции. Но и те и другие являются неотъемлемой частью культурного достояния танцевального искусства Кореи.

Литература по теме

1. Глухарёва О.Н. Искусство Кореи с древнейших времён до конца XIX века. – М.: Искусство, 1982. – 256 с.
2. Коо J.M., Нахт А.С. An introduction to Korean culture Hollym. – Seoul; Degy, 1997. – 597 p.
3. Kim Malborg. Korean dance. – Womans University Press, 2005. – 145 p.
4. Танцы в Корее [Электронный ресурс]. URL: <http://www.koreasaram.freenet.kz/articles/ks-address-forms.dok> (дата обращения 10.05.2016).
5. Фокин М.М. Против течения. – Л.-М.: Искусство, 1962. – 639 с.
6. Старцев А.Ф. Культура и быт удэгейцев (вторая половина XIX – XX в.). – Владивосток: Дальнаука, 2005. – 443 с.
7. Малевич И.А. Когда в Европе ещё вчера, в Корее уже завтра. – Минск: Харвест, 2002. – 304 с.
8. Верхоляк В.В., Галкина Л.В., Кожемяко В.Н. Учебник корейского языка / В.В. Верхоляк. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 1998. Ч. 2. – 236 с.
9. Корея. Карманная энциклопедия / сост. С.В. Волков, Т.М. Симбирцева. – М.: Муравей-Гайд, 2000. – 429 с.
10. Добро пожаловать в Республику Корея! – Сеул: Корейская служба информации для зарубежных стран, 2008. – 195 с.
11. У Мён Гик «Танец бабочки» // Куннип-Куканвон Эактан. – Кёнджу, 2003. – С. 54–58.

12. Чумыль [Электронный ресурс]. URL: <http://www.sorabol.ac.kr/atone/> (дата обращения 10.05.2016).

13. Zile Judy Van. Perspectives on Korean Dance. Published by Wesleyan University press. – Middletown, 2001. – 334 p.

14. Пак М.Н. Очерки ранней истории Кореи. – М.: Восточная литература, 1979. – 302 с.

15. Мы будем почитать вас от всей души [Электронный ресурс]. URL: http://www.russiankorea.com/rus/about_korea/naper/ (дата обращения 02.07.2016).

16. Толстых И.Н. Этнокультурные особенности хореографического искусства корейцев: дис. ... канд. ист. наук. – Владивосток, 2010. – 138 с.

Контрольные вопросы

1. Где и когда были найдены первые упоминания о танцевальной культуре корейцев?

2. Назовите главные особенности театрального искусства XV века.

3. Для чего служил шаманский танец?

4. Какие атрибуты использовались в шаманском танце?

5. Какими уникальными чертами обладает корейский народный танец?

6. Почему коллективный танец чаще использовался в ритуальных действиях и обрядах?

7. Почему танцы в масках были популярны именно у простого народа?

8. С чем близко связаны ритуальные и религиозные танцы?

9. Какие танцы сохранились в своем первоначальном виде?

10. Какие черты характерны для «Гражданского танца», какие для «Военного танца»?

11. Назовите самые известные корейские буддийские танцы.

Темы для рефератов

1. История формирования хореографического искусства Кореи – от эпохи Трех Государств до эпохи Чосон.

2. Классификация традиционных корейских танцев.

3. Хореографическое искусство в контексте этнокультурных особенностей корейского народа.

Тема 9. ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОРЕИ

9.1. Музыкальная культура первобытной Кореи

На основании корейских и китайских исторических хроник и археологических находок можно предполагать, что музыкальный быт древних корейских государств, представлявший собой пение и танец в сопровождении бронзовых колоколов, гонгов, барабанов, основывался на проведении ритуальных празднеств, посвященных культу неба, и календарных циклах сельскохозяйственных работ. К примеру, на севере, в государстве Пуё, в 12-е полнолуние совершалось жертвоприношение небу *ёнго* («встреча барабаном»), сопровождаемое пением и плясками, а в мае и ноябре по случаю начала и окончания полевых работ такие обряды совершались в южных государствах Самхан [1. С. 35].

Синкретизм древнего музыкального исполнительства, танца и драматического действия в корейском искусстве был тесно связан с проведением ритуала и являлся своеобразной формой общения народа с божеством Ханыл (Небом). Из отношения к музыке как к посреднику между божеством и человеком следует восприятие музыкальных инструментов, выступающих средством извлечения звука для установления контакта с другими мирами, в качестве сакральных объектов.

Для корейского региона, как и для всей Юго-Восточной Азии, характерны использование и сакрализация инструментов из бронзы и камня. Звучание таких инструментов долго не затухает, волнообразно расходится во все стороны и слышится на большие расстояния, особенно в горах и у воды. Оно усиливает энергодинамические, магнитные реакции окружающей, прежде всего воздушной, среды. Исследователями обнаружено, что низкие звучания способны распространяться на гораздо большие расстояния, чем высокие. В этом видится причина использования в корейской ритуальной музыке, апеллирующей к потустороннему миру, низкочвучающих инструментов или низких голосов.

К тому же малочастотные низкие звучания способствуют погружению в трансовое состояние [2. С. 85].

Рис. 32. Парачхум – Танец с ударными тарелками. Выступление ансамбля традиционного танца. Этнографическая деревня г. Сувон, 2008

Таким образом, согласно традиционным представлениям такое звучание должно было обеспечить наиболее полноценное общение с божественным миром, распространяя звук на большее пространство во внешнем проявлении и погружая сознание слушателей в экстагическое состояние.

Сакральное отношение к инструментарию прослеживается на всех этапах исторического развития традиционной музыки Кореи и присутствует и в современной музыкальной практике (рис. 32). Это можно проследить на примере обучения основным приемам техники игры на барабане чангго: «Представьте, что умер близкий вам человек. В горе и печали вы припадаете к земле и в слезах ударяете по ней ладонью. Вы стучите по земле: ттак, тта, да, док, кунь; вы играете: кукунь, кидак; вы играете обеими руками: донь. Нет таких людей, которые автоматически, как машина, били бы руками по земле. Но есть люди, которые, доведя технику удара до автоматизма, искусно бьют в барабаны чангго с чувством уважения и почтительности» [3. С. 9].

Таким образом, определим музыкальную культуру Древней Кореи как синкретичную, основанную на принципах континуальности мифологического мышления, ритуальном действе, на принципах непосредственного взаимодействия с окружающей средой и зависимости человека от нее.

9.2. Традиционная музыкальная культура в эпоху Самгук

В период Трех Государств: Когурё (37 г. до н.э. – 668 г. н.э.), Пэкче (18 г. до н.э. – 660 г. н.э.) и Силла (57 г. до н.э. – кон. 60-х гг. VII в. н.э.), а затем Объединенного государства Силла (кон. 60-х гг. VII–IX вв.), были заложены основы традиционной корейской национальной музыки *гугак*, установились регулярные связи с Китаем, Маньчжурией, Японией, государствами Центральной Азии, оказавшие влияние на религиозные взгляды, социально-экономический и культурный уклад жизни корейцев и, соответственно, на их музыкальную культуру.

В V в. в государстве Когурё музыкант Ван Сан Ак на основе китайского прототипа изготовил инструмент *комунго*, или *хёнгым*, который представляет собой деревянную деку с настроенными на ней шестью струнами. Под тремя средними струнами находятся 16 ладков, вторая и третья струны, настроенные в чистую квинту (*Des-As*), являются мелодическими, остальные – открытыми.

Многие произведения далекой старины сохранились в записи для *комунго*. Это было вызвано большой популярностью инструмента в аристократических кругах. *Комунго* – инструмент для музыкантов-профессионалов. Именно на нем вычленились специфические для корейской традиционной музыки приемы извлечения звуков. И в настоящее время техника игры обогащается новыми приемами.

Несколько позже в государстве Силла появляется инструмент *каягым*. *Каягым*, или *каяго*, выглядит как деревянная дека с расположенными на ней 12 струнами, ладки под которыми передвигаются по желанию музыканта-исполнителя. Для извлечения звуков правая рука выполняет щипковые движения, а левая надавливает на струны для украшения звучания. Тембр звука нежный и потому звучание *каягым* уподобляется женскому голосу. Диапазон инструмента, как и диапазон *комунго*, довольно широк: от ми-бемоль большой октавы до ля-бемоль первой октавы.

В период государства Когурё на корейскую землю была ввезена свирель *пхири* (с кор. «дудка, свирель»). Под термином «пхири» в литературных произведениях часто подразумеваются все духовые инструменты. Это небольшой, длиной 25–26 см, бамбуковый инструмент

с тростью и восьмью звуковыми отверстиями, одно из которых расположено на задней стороне. *Пхири* является главным инструментом, ведущим основной мелодический голос, используется в народной и классической музыке и сравним с ролью первой скрипки в оркестре. Существуют три разновидности *пхири*. Один из них, *ханъпхири*, с ограниченным диапазоном от ля-бемоль малой октавы до фа второй октавы, используется в народной и классической музыке и сравним с ролью скрипки в европейском оркестре.

В эпоху Самгук первобытный культ предков со временем трансформировался в идею о божественном происхождении власти и государства. Предки монархов объявлялись потомками всевышнего духа Неба, а их власть – выражением небесной воли [4. С. 39]. В этом нам видится первоочередная причина четкого расслоения музыки на обслуживающую идеологические, эстетические запросы господствующего класса аристократическую и песенно-танцевальную народную традицию.

Таким образом, музыкальное творчество эпохи Самгук в полной мере отобразило раннефеодальный характер социально-экономического развития трех корейских государств, в том числе через расслоение на музыку господствующего класса и народную традицию. Оно пользовалось почетом и уважением в различных слоях общества не только в государствах, расположенных на территории Корейского полуострова, но и в соседнем Китае и Японии. К этому времени относится появление основных музыкальных инструментов, определивших дальнейшее развитие традиционной музыки и отношение к ней. Являясь основой для формирования корейской национальной музыкальной культуры, сложившаяся традиция периода Трех Государств получила развитие в Объединенном силланском государстве.

9.3. Музыка Объединенного Силла

Объединение Трех Государств под началом государства Силла создало благоприятную почву для развития музыкальной культуры Кореи. Основными памятниками, донесшими до нас сведения о корейской музыке этого периода, являются исторические хроники Кореи («Самгук саги», «Самгук юса») и Японии («Нихон сёки», «Нихон коки»), согласно которым в государстве Объединенного Силла развивалась «местная музыка» *хяньбак*, т.е. музыка *комунго* и инструментально-ансамблевая музыка *самхён самчжук*, а среди иноземной – музыка буддизма.

Самхён самчжук исполняется на трех струнных инструментах (*каягым, комунго*, четырехструнная лютя *танъпинха* китайского происхождения) и трех духовых деревянных (*тэгым, чунъгым, согым*).

Музыка буддизма (*пультгё ымак*), пришедшего в Корею в форме махаяны и ставшего с 688 г. по 1392 г. государственной религией, в то время как буддийские храмы – центрами культуры и искусства, распевалась в храмах в виде церемониального пения *помпхэ* («Индийские звуки») танского стиля с конца VIII в., а регулярным такое пение стало с начала IX в. Позже сформировалось *помпхэ* силланского, т.е. истинно корейского стиля, в котором оно становится частью корейской национальной музыки *гугак* [1. С. 40–41].

Помпхэ классифицируются в зависимости от мелодического образования на *хотсори* («простой звук») и *читсори* («деланный, искусственный звук»). Мелодия *хотсори* проста и поется соло или хором, в то время как мелодия *читсори* богата разного рода мелизматикой и исполняется только хором. Пение *помпхэ* производится в особых случаях: в честь усопших, в честь царей подземного царства, и сопровождается зачастую обрядовыми танцами, которые очень медлительны и свободны в метроритмическом отношении.

В арсенале буддийской музыки содержится более 30 инструментов, из которых в повседневной жизни в большей степени используются деревянная колотушка *моктхак* и металлический колокольчик *ёрён*.

Музыка Объединенного Силла продолжила лучшие традиции эпохи Трех Государств: использовались духовые инструменты (*тэгым, согым, чунъгым*), с помощью которых создавались и воспроизводились сочинения широкого акустического диапазона. К делению музыки на аристократическую и народную добавилась ритуальная музыка в буддийском проявлении, вобравшая в себя основные элементы древней ритуальной шаманской музыки.

9.4. Музыка государства Корё

Большое влияние на развитие музыкальной культуры в период Корё оказал буддизм, проложивший путь для проникновения на корейскую землю иноземной музыки, в большей степени сунского и юаньского Китая (1271–1368), которая впоследствии стала частью корейской национальной музыки. Церемониальный ритуал буддизма представлял собой синкретический жанр, в котором инструментальная музыка, пение и танец существовали как неразрывное целое.

Музыкальная культура государства Корё (918–1392) развивалась в двух направлениях: дворцовая музыка *аак* и народно-песенная – *каё*. Широко поощрялось развитие музыки *аак*, возникшей на основе заимствованной из сунского (960–1270) Китая классической конфуцианской музыки *хяньак*.

Аак сопровождала государственные и конфуцианские церемонии, пиры и другие мероприятия развлекательного характера, проводимые в аристократических кругах. Интересен тот факт, что классическая сунская музыка исчезла в Китае бесследно, в то время как в Корее *аак* исполняется и в настоящее время [4. С. 85].

Каё, будучи памятником средневекового фольклора, представляет музыкальную традицию простолюдинов, в лирической, шуточной, сатирической песенных формах повествовавших о тяготах и радостях жизни.

Завершающий этап развития ориентированной на аристократию и буддизм культуры Корё охарактеризовался процессом ее угасания и упадка в условиях монгольского ига и хозяйственной разрухи XIV в. Однако получившее продолжение развитие традиционных корейских взглядов на музыку не было утеряно: в неизменном виде инструменты государства Корё составляют современный музыкальный инструментарий Кореи.

9.5. Развитие музыкальной культуры в эпоху Чосон

События XV в. корейской истории, называемого веком расцвета национальной культуры, имеют непосредственную связь с формированием доминирующего типа мышления, особенностей языка и письменности корейского народа. Объединение страны выступило стимулом для преобразования во всех сферах жизнедеятельности: так, застраивается новая столица Хансон (современный Сеул), создается придворная Академия живописи Тохвасо, в новом русле находит свое развитие музыкальная культура.

В 1432 г. выдающийся ученый-музыкант Пак Ён (1378–1458) вместе с монархом Сечжоном (1418–1450 гг. правления) создал систему нотации чжонгганбо, благодаря которой сохранились самые древние на Дальнем Востоке образцы музыкального творчества Кореи и Китая. Главная заслуга Пак Ёна, относящаяся к музыкальной сфере, заключается в том, что он научно классифицировал придворную и народную музыку, впервые дав им исчерпывающую характеристику. Его классификация музыки на три категории *аак*, *танъак* и *хяньак* имеет место в современной классификации музыкальных произведений в историческом аспекте.

Музыкальные инструменты корейской национальной музыки исторически настраиваются в двух разных ладовых системах, что основывается на территориальном происхождении инструментов: иноземном и исконно корейском. Таким образом, музыка аак и таньяк исполняется в строе с исходным звуком, приблизительно равным до первой октавы, а музыка хяньак – в строе с основным звуком ми-бемоль первой октавы. К тому же при исполнении хяньак, в отличие от аак и таньяк, в руках танцующих отсутствуют атрибуты и пение ведется на корейском языке.

Монарх Сечжон, критиковавший господство китайской культуры в Корее, ко времени своего прихода к власти в 1418 г. был убежден в необходимости коренной реформации музыкальной культуры. Считается, что Сечжон – автор ряда крупных циклических произведений, таких, как «Чонъдэоб» (восхваление силы оружия), «Потхэпхён» (восхваление силы знания), «Ёминрак» (восхваление корейской письменности), два первых из которых составляют основу первой корейской ритуальной музыки «Чжонъмё чжереак» [1. С. 43–44].

«Мунмё чжереак» – конфуцианская музыка, исполняемая в честь конфуцианских ученых и святых старой Кореи и Китая. Будучи образцом древнейшей китайской музыки, «Чжесгонъчжсиак Мунмёак» (сокращенно «Мунмё чжереак») проник в Корею из сунского Китая. Впервые музыка «Чжонъмё чжереак» прозвучала в 1464 г., во время нахождения у власти вана Сечжо (1455–1468 гг. правления). Вплоть до аннексии Кореи Японией, когда «Чжонъмё чжереак» была запрещена, эта музыка регулярно исполнялась на протяжении почти 500 лет. С 1969 г. традиция исполнения была восстановлена, и на настоящее время музыка «Чжонъмё чжереак» находится под охраной государства Республики Корея как «Памятник культурной ценности №1».

В настоящее время музыка «Чжонъмё чжереак» состоит из двух одиннадцатичастных сюит: лирической «Потхэпхёнъ», написанной в ладу пхёнзё, и героической «Чонъдэоб» – в гемёнзё. Мелодия «Чжонъмё чжереак» насыщена мелизматикой и относительно «Мунмё чжереак» необычна в ритмическом отношении. Ансамблевый и хореографический состав, а также обрядно-церемониальное отношение с некоторыми изменениями напоминает «Мунмё чжереак».

К началу XVI в. из-за ослабления централизованного государства в упадке оказалась и музыка. В результате Имчжинской войны и нашествия маньчжуров в 1636 г. корейская земля была опустошена и разорена. Долгое время культовые церемонии проводились без музыкального сопровождения, и только с середины XVII в. музыка вновь стала равноправным атрибутом культового действия.

В XVII–XIX вв. особо расцветает фольклорное творчество. Самой распространенной и популярной среди всех слоев общества была народная песня *минё*. Сохранилось множество народных песен патриотического, лирического, драматического и шуточного содержания. Некоторые из них имеют ряд вариантов в зависимости от территорий их распространения, к примеру «Ариран». Среди городских жителей популярностью пользовались сложная песня *чанка*, по форме похожая на *каса*, календарная песня *тальгори*, трудовые и обрядовые песни *тхарён*.

В начале XVIII в. в музыкально-поэтическом творчестве родился новый оригинальный жанр *пхансори*. «*Пхансори*, – определяет музыкальная энциклопедия, – корейская народная драма, в которой синкретически слились музыкальная драма и народный песенный сказ; актер *пхансори* под ритм *чангго* передавал содержание инсценированного произведения, чередуя пение с чтением нараспев, сопровождая рассказ танцевальными и мимическими движениями. Позже на основе *пхансори* развилась корейская музыкальная опера *чхангык*» [5. С. 944].

Трех корейских музыкантов – создателя комунго Ван Сан Ака из государства Когурё, создателя каягым У Рыка из Кая и Силла и Пак Ёна – корейцы называют *Самдэ аксен* («великими музыкантами-святыми»). В этом видится сохранение отношения к музыке как к сакральному объекту, выступающему посредником между Земным и Небесным мирами.

Таким образом, особенности исторического развития и теории музыкальной культуры Кореи обусловлены соседством с Китайской империей и территориальной отдаленностью от других цивилизаций. Основы материальной и духовной культуры Кореи брали свое начало в Китае. Привносимые на корейскую почву, они быстро проходили процесс усвоения, и в результате появлялись новые модификации с корейскими национальными чертами, которые и становились традиционной культурой Кореи.

Одной из специфичных черт культуры Кореи является ее способность ассимилировать элементы, привнесенные из других культур, и в результате процесса их освоения получать новые феномены мирового музыкального наследия. Большинство инструментов и жанровых классификаций, составляющих музыкальную традицию, были вызваны к жизни именно таким способом.

9.6. Принципы музыкальной организации в традиционной корейской музыке

Строй в музыке как система звуковысотных отношений существует в виде инвариантных представлений о высоте каждой ступени зву-

коряда, обусловлен национальным своеобразием музыкальной культуры, особенностями развития ладогармонической системы, сложившимися требованиями к музыкальному слуху. На формирование музыкального строя большое влияние оказывают акустические свойства музыкального звука. Музыкальный строй отражает типичные для господствующей ладовой системы звуковысотные связи, хотя не включает в себя ладовые и гармонические отношения между звуками.

В энциклопедии музыкального знания «Акхак квебом» говорится, что трудности музыки велики и начинаются с того, что музыка – не есть видимый предмет, она эфемерна, т.к. исчезает, прозвучав однажды [6. С. 17]. Музыка рождается в человеческом сердце, растроганном под воздействием вещей внешнего мира [7. С. 219], и этим музыка походит на тень, которая отражает какую-то фигуру, но сама таковой не является. Чтобы преодолеть эту призрачность музыки, нужно ее запечатлеть в нотах. Если у людей они есть, тогда люди легко и правильно понимают ритм и высоту музыки [6. С. 17].

За историю корейской национальной музыки в ней использовались различные системы графических знаков для ее письменной передачи, многие из которых к настоящему времени исчерпали свои возможности. В настоящее время в Корее выделяют восемь систем музыкальной записи [1. С. 69–72]: *юлчаб*, *гоньчокбо*, *якчабо*, *юкбо*, *чжоньганбо*, *оьмякбо* (с кор. «пятивзвучный простой способ»), *хапчаб* и *ёнымпхё* (дословно – «обозначение связными тонами»).

Научное изучение мелодики как совокупности мелодических закономерностей и специфических черт корейской национальной музыки практически не началось. Главная причина этого состоит в том, что традиционная музыка Кореи представляет собой музыку устной и немного устно-письменной традиции, с отведением большой роли импровизации. Мелодия корейской музыки не содержит таких привычных европейской классической теории составляющих, как мотив, фраза, предложение. Она подчинена общей тематике, которая, разворачиваясь посредством долгих вариантов изменений, формирует музыкальную композицию.

Звук (*юл*) в корейской музыке выступает носителем огромного эмоционального заряда. Мелодия в связи с этим ориентирована на разворачивание и декорирование звука.

Вопрос о гармонии в корейской музыке остается открытым. Считается, что корейская музыка не имеет гармонии, т.к. между мелодическими линиями голосов не образуется интервалов, кроме унисона и октавы [1. С. 81]. Другие авторы смело называют корейскую музыку многоголосной, но делают ремарку: «многоголосная музыкальная

ткань в традиционной музыке... Кореи... включает одновременное звучание вариантов одной мелодии, исполняемой несколькими инструментами. Фактуру ее можно определить как монодийно-гетерофонную» [8. С. 60]. Разночтения по вопросу существования в корейской музыке многоголосия остаются открытыми. Но в научном понимании в природе не может быть музыки без гармонии, т.е. без многоголосия, по причине того, что «каждый звук представляет собой не один простой тон, а сочетание многих тонов, которые возникают потому, что источник звука колеблется не только целиком, но и одновременно также и по частям, в результате таких сложных одновременных колебаний возникает звук сложного состава» [9. С. 6–7].

Кроме того, практика подтверждает, что корейской национальной музыке, в большей степени фольклорной, присущи элементы многоголосья, когда в голосах происходят отступления от основного напева, образуя гармонические интервалы, часто в секунду или кварту. Примером наличия в корейской музыке элемента многоголосья посредством использования свободных имитационных образований может служить вокальное произведение в жанре *кагок* «Тхэпхёнънга», которое исполняется дуэтом женского и мужского голосов в сопровождении *комунго*.

В корейской национальной музыке отсутствует принятое в европейской музыкальной практике членение мелодического потока на мотивы, фразы, предложения, поэтому традиционная корейская музыка не содержит упорядоченных схем-форм, аналогичных классической теории. Для нее характерны медленно и долго разворачивающиеся мелодические потоки, где большую роль играет сопоставление-повторение, которое вместе с ритмическими моделями *чжяньдан* способствует созданию музыкальных форм.

Если в Европе форму построения музыкального произведения определяет мелодия и завершение мысли через нее, то в Корейской музыкальной традиции форма зависит от темпа и длительности исполнения, т.е. от настроения души, от цикличности восприятия мифологического мышления.

Таким образом, теория музыки Кореи органично приняла в свою систему ценностей основы музыкального построения соседнего Китая, благодаря которым создала свою собственную специфическую традицию, не имеющую аналогов в мире. Чужеродные элементы, органично переплетаясь с местными религиозными и творческими взглядами, ассимилировались в культуре Кореи. Ввиду специфики Кореи принимать все новшества в свою среду мировая музыкальная культура смогла обогатиться новым, уникальным продуктом музыкальной культуры.

В основе картины мира корейского народа лежит социокультурный генотип – культ предков – комплекс древнейших религиозных представлений, единящий мир в сознании и восприятии населения. Культ предков представлял собой строго регламентированную систему отношений людей с умершими, высшим посредником в которой являлся правитель. Как верховный жрец правитель должен был обладать музыкальными способностями для поддержания своего сакрального значения. Проявление такой раздвоенности культа (почитание умерших и обращение к конкретному правителю) видится нам в разделении музыки высокой традиции на светскую и народную, а музыкальное произведение одновременно направляется вверх и вниз, символизируя дихотомическое представление о мире как о единстве двух начал – инь и ян.

Феномен традиционного корейского музыкального творчества интересен также в плане понимания под традиционностью не распространенного в европейской цивилизации значения традиции как «народного», ведущего свои истоки из глубокой древности. Специфика корейской музыки проявляется в отсутствии тождества между понятиями «традиционности» и «народности». Под определение традиционной музыкальной культуры попадает классическая музыка. На таком принципе отношения к традиционности строится культурная модель восприятия окружающего мира.

Итак, традиционная музыкальная культура образует «коллективную память» корейского сообщества, обеспечивая его самотождественность и преемственность в развитии. Одной из главных черт традиционной музыкальной культуры Кореи по сравнению с европейской классической практикой является сохранение древних музыкальных традиций и уважительного отношения к ним на протяжении всего исторического развития.

Литература по теме

1. У Ген Ир. Введение в музыку стран Дальнего Востока: Китай, Корея, Япония. – Петрозаводск: Прогресс, 2002. – 174 с.
2. Васильченко Е.В. Музыкальные культуры мира: культура звука в традиционных восточных цивилизациях (Ближний и Средний Восток, Южная Азия, Дальний Восток, Юго-Восточная Азия): учеб. пособие. – М.: Изд-во РУДН, 2001. – 425 с.
3. Самульнори: 2. – Сеул: Самхочхульпханса, 1995. – 214 с. (на кор. яз.)
4. Толстокулаков И.А. Очерк истории корейской культуры: учеб. пособие. – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2002. – 238 с.

5. Музыкальная энциклопедия / под ред. Ю.В. Келдыш. – М.: Советская энциклопедия, Советский композитор, 1978. Т. 4. – 976 с.
6. Пак Кюн Син. Мировая гармония звуков, или О древнекорейской теории музыки // Старинная музыка. – 2001. – №3. – С. 17–20.
7. Юэцзи (записки о музыке) // Музыкальная академия. – 1998. – №2 – С. 218–225.
8. Ключко С.И. О специфике письменной фиксации многоголосия в традиционной музыке Китая и Кореи // Культура Дальнего Востока России и стран АТР: Восток – Запад: материалы науч. конф. (24–25 апреля 2002). – Владивосток: Изд-во Дальневост. ун-та, 2004. Вып. 9, 10. – С. 60–68.
9. Способин И.В. Элементарная теория музыки. – 8-е изд. – М.: Музыка, 1984. – 200 с.

Контрольные вопросы

1. Почему в музыкальной культуре первобытной Кореи характерно использование инструментов из бронзы и камня?
2. По каким причинам первобытный культ предков трансформировался в идею о божественном происхождении власти и государя?
3. Какие музыкальные инструменты в большей степени использовались в повседневной жизни корейцев?
4. Как происходил церемониальный ритуал буддизма?
5. Почему в XVI в. музыка не была так востребована?
6. Какой новый жанр родился в музыкально-поэтическом творчестве?
7. От чего зависит форма корейской музыкальной традиции?

Темы для рефератов

1. Специфика формирования и развития корейской музыки.
2. Принципы музыкальной организации в традиционной корейской музыке.
3. Особенности функционирования музыки в социокультурном пространстве Кореи.

ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ

Аак – дворцовая музыка. Сопровождала государственные и конфуцианские церемонии, пиры и другие мероприятия развлекательного характера, проводимые в аристократических кругах.

Ариран – гора.

Барачхум – буддийский танец с ударными тарелками.

Гугак – корейская народная музыка.

Ёмджу – чётки.

Йондынхва – праздник зажженных фонарей.

Ильму – ритуальные конфуцианские танцы.

Касса – песенно-поэтический жанр, под музыку которого водили хоровод девушки.

Комму – танец с мечами.

Квандэ – бродячие актёры.

Квервегык – театр марионеток.

Кут – шаманский обряд, камлание; могильная яма.

Каин Чонмоктан – придворный танец «Красавица собирает пионы».

Коджанын – шаровары.

Котсин – матерчатые тапочки с вышивкой.

Кат – шляпа.

Корым – пояс.

Каракчи – украшения для рук, символ защиты корейских женщин.

Кунпо – дворцовые платки.

Камань – дух умерших предков.

Кхальчхум – танец с ножами.

Каё – народный песенный жанр, памятник средневекового фольклора, представляющий музыкальную традицию простолюдинов.

Котчхум – танец с цветами.

Кангансуволэ – хороводно-круговой танец, посвящённый дню земли.

Кисэн – женщина, прислуживавшая мужчинам на пирах и развлекавшая их пением и танцами.

Кёбан муён – танцы исполняемые кисэн.

Мугунхва, или роза Шарона, – национальный цветок Кореи, символизирующий бессмертие. Это слово точно отражает бессмертную природу корейской истории, решимость и упорство корейского народа.

Минпо – платок для народа.

Минё – народная песня.

Магоджа – короткий мужской пиджак.

Мангон – повязка на голову.

Мунму – конфуцианский ритуальный гражданский танец.

Мудань – шаманский танец.

Муму – конфуцианский ритуальный военный танец.

Мундучхум – танец восьми монахов.

Муль – вода.

Мульхальми – богиня воды.

Мучонг – религиозный праздник, посвящённый Небу.

Мачхи – молоточки.

Набичхум – буддийский танец бабочки.

Ночжачхум – танец прокажённого.

Нонгэ – кольца.

Нори – игры с танцами, пением и театрализованными представлениями.

Норигэ – подвески с петлёй наверху и длинной шёлковой кисточкой.

Ноньяк – крестьянские обряды, игры.

Паджи – мужские штаны.

Пуче – веер.

Пучхэчхум – танец с веерами.

Попкочхум – буддийский танец с большим барабаном.
Паньсансин – ряженые.
Почжаги – платки любви и удачи.
Посон – стёганые носки.
Помпхэ – вид буддийской музыки во славу Будды.
Пансу – шаманы-слепцы.
Пхёнгён – каменный колокол.
Пхогуран – придворный танец с шарами.
Паньюль – бронзовые колокольчики.
Покчумони – шёлковый кошелёк.
Пхальчжондо – восьмигранное бревно, на котором чёрными иероглифами по белому фону написаны учения Будды.
Пара – ударные тарелки.
Пхансори – песенно-драматический жанр.
Самуль нори – ансамбль корейских барабанщиков.
Сансин – горный дух.
Сонгюнван – высшее в эпоху Чосон учебное заведение, основанное для практического изучения конфуцианских доктрин.
Соньчжу – дух, охраняющий дом, домовый.
Сэнап – корейский кларнет.
Сого – древний маленький барабанчик.
Сокак – народная музыка.
Саджаму – танец в маске льва.
Сандэгык – театр масок.
Сынму – буддийский танец монаха.
Сальпхури – танец шаманки.
Самочхум – народный мужской танец с элементами акробатики и виртуозной игрой на барабане.
Соричхум – танец-песня.
Сситким кут – танцевально-песенный шаманский обряд очищения.
Сирхак – идейное течение «за реальные науки».
Сонан – дух земли.

Солналь – корейский новый год (первый день нового года по лунному календарю).

Сонмудань – неопытная шаманка.

Синкан – шест.

Тангун Ванг – воплощение Неба и священного животного на земле, считается отцом, великим учителем, основателем первого корейского государства Ко Чосон (2333 г. до н.э.).

Тэмён – ритуальный танец изгнания злого духа.

Турумаги – плащ.

Тхальчхум – танец в масках.

Тангори – мудань – неистовая шаманка, одержимая вселившимся в неё духом.

Тэкэм – большой шаман.

Тано – летний праздник дня земли, 5-е число 5-го лунного месяца.

Туре – коллективная организация земледельческого труда.

Туре нори – массовые народные танцы.

Тонгмэнг – танец почитания предков.

Тхэпхенму – танец умиротворения.

Хэгым – двухструнная скрипка.

Хальянму – танец бездельника.

Хвагван му – придворный танец в цветочной короне.

Ханыл – небо.

Хакму – придворный танец журавля.

Хансам – рукава.

Ханбок – корейская традиционная одежда.

Ханьяк – классическая конфуцианская музыка.

Хольлесик – свадебный обряд.

Хотчхунчхум – танец-импровизация.

Хе – сыновняя почтительность.

Хочжог – деревянный гобой.

Хвасин – дух огня.

Хваран – золотая молодёжь, готовившаяся на государственную службу.

Чосон – страна утренней свежести.

Чхусок – осенний вечер, праздник урожая и поминовения усопших предков, 15-е число 8 месяца.

Чакту кори – шаманский танец – хождение по лезвию ножа.

Чогори – блузка.

Чхима – юбка.

Чокки – жилетка.

Чонмё – храм предков династии Чосон (1392–1910). В Чонмё хранятся поминальные дощечки королей и королев династии Чосон.

Чонак – придворная музыка, которая имела три разновидности: ритуальную, банкетную и военную.

Чипсин – соломенные лапти.

Чин – гонг.

Чоттэ – бамбуковая флейта.

Чиндо-дасиреги – шаманский ритуальный танец, посвящённый душам умерших естественной смертью.

Чхонин – «презираемые» люди низкого сословия.

Чхоёнму – танец Чхоёна, посвящённый корейскому мифологическому герою, который победил злого духа.

Чхуненчжон – придворный танец весеннего соловья.

Чхильсон – народный танец семи звёзд Большой медведицы.

Янбан – привилегированное дворянское сословие, состоящее первоначально из гражданских и военных лиц.

Янбин – простолюдин.

Яньак – европейская музыка.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
Тема 1. ИСТОРИЯ КОРЕИ	5
1.1. Ранняя история Кореи.....	5
1.1.1. Государство древний Чосон	8
1.1.2. Чингук и Три Хан: Махан, Пёнхан, Чинхан	10
1.1.3. Формирование Трех Государств: Когурё, Пэкче и Силла в I–IV веках	10
1.2. История Кореи в Средние века	13
1.2.1. Корея в XV – начале XVI века: формирование государства Чосон раннего периода	14
1.3. История Кореи в Новое время.....	15
1.4. История Кореи во второй половине XX века	18
Тема 2. МИФОЛОГИЯ И РЕЛИГИЯ В ЖИЗНИ КОРЕЙЦЕВ.....	22
2.1. Ранние формы верований	22
2.1.1. Культ деревьев.....	24
2.1.2. Тотемизм в Корее	25
2.1.3. Культ гор и камней.....	28
2.1.4. Мифы о культурных героях	30
2.1.5. Предсказания	31
2.1.6. Шаманизм	32
2.2. Даосизм	34
2.3. Конфуцианство	36
2.4. Буддизм	37
2.5. Христианство.....	40
2.6. Ислам.....	41
2.7. Новые религии.....	42
Тема 3. ТРАДИЦИИ И ПРАЗДНИКИ В КОРЕЕ	45
3.1. Корейские традиции.....	45
3.2. Корейские праздники.....	50

Тема 4. ТРАДИЦИОННЫЙ КОСТЮМ.....	58
Тема 5. Декоративно-прикладное и изобразительное искусство Кореи.....	72
5.1. Декоративно-прикладное искусство в период Трех Государств	72
5.2. Искусство Объединенного Силла.....	77
5.3. Декоративно-прикладное искусство в период Корё	79
5.4. Изобразительное и декоративно-прикладное искусство периода Чосон	81
5.4.1. Изобразительное искусство.....	81
5.4.2. Декоративно-прикладное искусство.....	88
5.5. Корейская самоцветная живопись	90
Тема 6. АРХИТЕКТУРА И СКУЛЬПТУРА	93
6.1. Традиционное жилище	93
6.2. Скульптура.....	95
6.3. Архитектура.....	100
Тема 7. ЛИТЕРАТУРА	104
7.1. Литература Южной Кореи.....	104
7.2. Литература послевоенного периода	111
7.3. Современная литература	112
7.4. Женское литературное творчество	113
Тема 8. ОСОБЕННОСТИ ТЕАТРА И ХОРЕОГРАФИЧЕСКОГО ИСКУССТВА КОРЕЙЦЕВ	116
8.1. История формирования хореографического искусства Кореи	116
8.2. Классификация традиционных корейских танцев	120
Тема 9. ТРАДИЦИОННАЯ МУЗЫКАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА КОРЕИ.....	132
9.1. Музыкальная культура первобытной Кореи.....	132
9.2. Традиционная музыкальная культура в эпоху Самгук.....	134
9.3. Музыка Объединенного Силла	135
9.4. Музыка государства Корё.....	136
9.5. Развитие музыкальной культуры в эпоху Чосон	137
9.6. Принципы музыкальной организации в традиционной корейской музыке.....	139
ТЕРМИНОЛОГИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ	144

Учебное издание

КУЛЬТУРА КОРЕИ
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Учебное пособие

Составитель

Толстых Ирина Николаевна

Редактор М.А. Шкарубо

Компьютерная верстка М.А. Портновой

Подписано в печать 13.04.2017. Формат 60×84/16.
Бумага писчая. Печать офсетная. Усл. печ. л. 11,0.
Тираж 200 экз. Заказ

Издательство Владивостокского государственного университета
экономики и сервиса
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41
Отпечатано в множительном участке Издательства ВГУЭС
690014, Владивосток, ул. Гоголя, 41